

ОЛЕГ КОЖЕВНИКОВ

ВЕЛИКИЙ
КНЯЗЬ

Annotation

Молодой учёный сделал открытие – ну что же, бывает. Но ни он, ни его приятель, принявший участие в, казалось бы, безобидном эксперименте, даже и не догадывались о последствиях своего безответственного решения. А эти последствия были грандиозными – они изменили жизнь не только самих ребят, но и историю их родины, да и всего человечества. Читайте о невероятных событиях, произошедших в России после переноса сущностей наших современников в тела великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона.

- [Олег Кожевников](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Олег Кожевников
Великий князь

© Олег Кожевников, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Сашины глаза светились нездоровым возбуждением. Если бы я его не знал, то однозначно подумал бы, что встретил не своего друга, а пробравшегося в наш НИИ пациента какого-нибудь дурдома. Или маньяка, не спавшего несколько дней и ищущего свою очередную жертву. Именно это можно было предположить, когда как только я переступил порог лаборатории, Кац кинулся ко мне, схватил за рукав халата и заорал:

– Я всё понял!.. Долговременная информация откладывается не в переднем, среднем или в ромбовидном мозгу, а в лобной кости самого черепа!

Выкрикнув это, он уставился на меня жутким, немигающим взглядом. В голове вспыхнула мысль: «Совсем мужик ошалел от работы, спасти нужно парня!» А как спасти-то? Остаётся применить средство «С» – спиртягу то есть. Запас этого средства у меня был с собой – только сегодня отлил в небольшую фляжку, закреплённую в потайном кармане. Эта жидкость была настоящей валютой в нашем НИИ – всё что угодно можно было выменять и оплатить ею, любую услугу работника, занимающего должность ниже завлаба. У которых должность выше, организмы уже отравлены спиртягой, и они свои стрессы заливают коньячком. А нужные услуги получают на халяву (согласно штатному расписанию и в силу свойственного их подчиненным инстинкта самосохранения).

К сожалению, я не завлаб, не имею административного ресурса, и приходится всё в нашем институте буквально прогрызать, вернее, заливать дурно пахнущей жидкостью. А что вы хотите – на технические нужды выделяется не амброзия класса «люкс», а всего лишь технический спирт группы Б (в общем, это тоже спирт, но с добавлением разных противных и вонючих присадок). Хотя институтские умельцы и разработали технологию, как из синюшной жидкости, выдаваемой на производственные нужды, получать нечто похожее на амброзию, но это требовало много оборудования и, самое главное, отдельного помещения. Конечно, такую личную перегонную лабораторию можно было замутить, но только при одном условии – если бы мне выделялось в месяц хотя бы несколько литров спирта, а с лимитом в семьсот миллиграммов это было смешно. Тем более половину этого приходилось использовать в производственных целях. Ну никак не получалось заставить правильно работать оборудование, если перед сборкой не протереть самые важные узлы

спиртом. Я, в отличие от моих друзей, был технарь и являлся всего лишь обслуживающим персоналом для их умных голов. Вот реабилитацией одной такой умной головы мне и пришлось заняться.

Глянув по сторонам и убедившись, что в лаборатории никого, кроме нас, нет, я заговорщицки подмигнул Саше и прошептал:

– Шурикан, твой босс уже свалил домой после трудового дня?

– Естественно, сегодня же пятница – святой день! Все сотрудники лаборатории, наверное, уже стоят кверху задом, обрабатывая грядки на своих фазендах. Ну а меня, одинокого бобыля, не имеющего своего надела, как обычно оставили дежурным по лаборатории. Михалыч, пользуясь тем, что он завлаб, вообще умотал сразу после обеда.

– Это гут! Значит, ты теперь здесь главный босс! Можно расслабиться и начинать операцию «С». Охрана вымуштрована, и хрен сюда зайвится. Можно хоть до понедельника заниматься нашими научными изысканиями.

– Ты что, Михась, совсем сбрендил? Какая это ещё операция «С», и что ты имеешь в виду под научными изысканиями?

– Ну как что? Нужно же обмыть твои гениальные выводы о том, что память структурирована в самой толстой части костей черепа!

– Что, не веришь?

– Почему же? Конечно же верю! Но этот гениальный вывод требуется срочно закрепить в моей лобовой кости, а спирт для этого самое то. Давай мечи на стол всё, что есть съестного в вашей богадельне, а средство для закрепления в черепушке твоего открытия будет за мной.

Как обычно, в нашем НИИ мужская половина МНС^[1] всегда приветствовала желание владельца жидкой валюты поделиться ею с товарищами. Тем более когда начальство отсутствовало. И, как правило, в холодильниках можно было найти кусок колбасы и что-нибудь для уничтожения мерзкого послевкусия от употребления коктейля с техническим спиртом. В нашем случае это оказалась литровая банка маринованных помидоров. Так что поляна для чествования гениального открывателя функционирования долговременной памяти биологических объектов была подготовлена за три минуты. И всё это благодаря моему красноречию о, безусловно, эпохальном открытии, сделанном Александром Аркадьевичем, а для друзей просто Кацем (первый слог от фамилии Кацман). Вот что делает доброе слово, даже с одержимым человеком.

После первой дозы институтской амброзии маньяк начал превращаться в человека. Саня уже мог говорить не только о костях черепа, но и о женщинах. А их лаборантка Танюша меня очень интересовала. Я грамотно направил разговор на сотрудницу Сашиной лаборатории, в

первую очередь, кто ей звонит и как часто. Разговор на интересующую меня тему продолжался до третьей дозы, а потом маньяк опять оседлал мозг Саши. И на этот раз одержимость под воздействием алкоголя приобрела активную форму. В моём друге проснулась активность и желание доказать мне, что его выводы не плод воображения, а факт, который можно доказать экспериментом. Он после пафосной, можно сказать, Нобелевской речи, кинулся к стоящему невдалеке агрегату, напоминающему обычный медицинский томограф, щёлкнул тумблером, включая его, а затем так же стремительно метнулся к полкам, где были выставлены различные виды черепов. Задержавшись там несколько секунд, по-видимому выбирая подходящий объект для исследования, он, схватив даже не череп, а какую-то большую кость, направился обратно, при этом поясняя мне суть предстоящего эксперимента:

– Михась, ты будешь первым человеком, который заглянет в доисторические времена. Этой лобной части черепа динозавра несколько десятков миллионов лет. Конечно, ты увидишь тот мир урывками и только те моменты, которые отложились у этой тупой твари в черепе. Но всё равно это грандиозно. Любой антрополог душу дьяволу продаст, чтобы оказаться на твоём месте.

И Саша жутким образом усмехнулся.

До этого у меня не было никакого желания потакать безумству Каца и участвовать в его сомнительных экспериментах. Хотел просто душевно посидеть, снять с парня стресс и потом разойтись по домам. Но после жуткой ухмылки я понял, что мой такой стройный план с треском провалился. Придётся участвовать в безумном Сашином эксперименте, а то этот маньяк может и запулить в меня здоровенной костью, которая сейчас у него в руках. Я, конечно, попытался снять с парня морок, предложив:

– Слушай, дружище, давай ещё по дозе, а потом и будем экспериментировать!

Но в ответ услышал:

– Хватит болтать! Не мужик, что ли? Садись вон в то кресло, надевай шлем, лежащий на нем, и расслабляйся. Если хочешь, можешь перед этим принять дозу, а мне нужно делом заниматься, – сам понимаешь, оператор не имеет права во время эксперимента намудрить с компом.

«Ну что же, сам потакал Саше, вот теперь и расплачивайся», – так думал я, безропотно направляясь к креслу, указанному моим другом. Лежащий на нем шлем для восприятия виртуальной реальности я сразу узнал. Ещё бы не узнать свою работу – почти месяц я мучился, монтируя это изделие, и извёл на него спирта больше, чем употребили мы с Кацем за

этот вечер. Так что шлем был привычный, и я не раз его примерял. Правда, надевал это громоздкое изделие чуть медленнее, чем свой мотоциклетный шлем. Сейчас тоже надел его достаточно быстро, после чего начал поудобнее устраиваться в кресле. Решил воспользоваться рекомендацией Саши и расслабиться. Может быть, удастся даже немного подремать, пока этот маньяк занимается компьютером.

Расслабился я качественно, даже на часы не смотрел, настолько мне стало уютно на этом кресле. Шлем несколько не мешал, а наоборот, создавал ощущение изолированности от внешнего, такого суетного мира. Но покайфовать мне было суждено недолго. И внешним раздражителем опять послужил мой беспокойный друг. Он подошел к креслу, где я устроился, и начал бесцеремонно трясти мою голову, облаченную в шлем. Так я подумал, находясь в нирване, а когда окончательно вернулся в реальный мир, то понял, что Саша просто соединял штекерами шлем с проводами, идущими от своеобразного томографа.

Вот тогда мне стало несколько жутковато, я начал понимать, что это никакая не игра, а действительно научный эксперимент. И кто знает, чем он может закончиться? Ну не хотелось мне играть роль собаки Павлова. «Сволочь Кац, специально заманил меня, чтобы провести свой адский эксперимент», – начало вопить моё испуганное сознание. Но слишком долго я паниковал и придумывал способы мести коварному экспериментатору. Так как Саша уже соединил мой шлем с кабелями, идущими от томографа, добрался до компьютера и начал набирать что-то на клавиатуре.

Одним словом, весь мой запал и желание вскочить с кресла, сдёрнуть с головы этот долбаный шлем и натянуть его на голову Саши пропало. Впрочем, как и все другие желания. Мне стало так хорошо, что абсолютно ничего делать не хотелось. Даже пошевелиться и то было лень. Перед глазами мелькали зелёные и жёлтые полосы. Но наконец глазам удалось сфокусироваться, и я увидел гигантскую поляну растущих маков. Они уже полностью созрели, некоторые коробочки начали лопаться и кое-где желтеть. Практически из всех коробочек выделялась белёсая жидкость. По-видимому, маки начали созревать совсем недавно, и яркое солнце не успело ещё высушить эти выделения, да и сами коробочки. Кайф-то какой, и я просто нырнул в заросли этой амброзии. Нырнул и провалился в нирвану.

Из блаженного состояния меня вывел всё тот же чёртов Кац. Эта зараза нарушила мою нирвану варварским способом. Что снял с моей головы шлем, это ладно (все-таки эксперимент закончился), но этот гад начал хлестать своими мерзкими ладонями по щекам. Я, конечно, вышел из

блаженного состояния и попытался усладить это исчадьё ада подальше – в его мерзкий мир. Но этот маньяк не унимался и вдобавок ко всему вылил на мою бедную голову стакан холодной воды. Вот тогда я окончательно вышел из нирваны в реальный мир и разразился целой серией матерных выражений в адрес моего мучителя. Саша совершенно не обиделся на мои слова, а даже наоборот, обрадовался, что я ругаюсь, заулыбался и облегчённо произнёс:

– Ну, слава богу, очнулся! Уже, наверное, полчаса я тебя тут реанимирую, а ты только зенками своими хлопаешь и идиотски лыбишься. Во как тебя хронограф зацепил! Давай рассказывай, что ты видел в мезозое глазами динозавра?

– Что-что... – сволочь ты, вот что! Обездвижил человека и пользуешься его беспомощностью – лупцуешь по щекам почём зря.

– Да ладно!.. Кто же знал, что ты такой впечатлительный и обалдеешь от получаемой в подкорку информации. Вон я или, допустим, Танька уже раз по пять погружались в прошлое, и ничего. Правда, в такое глубокое прошлое, как мезозой, никто ещё не погружался. Так что давай рассказывай, что ты там видел на заре времён?

– Как же рассказывай! Ты сначала прими душевно человека, посетившего мезозой, – спиртяги там налей, закусить дай, а потом уже и спрашивай! Да и вообще полотенце давай!

Пока Саша ходил в санузел за бумажными полотенцами, я судорожно придумывал, что бы мне такое сказать по результатам эксперимента. Не буду же я рассказывать о маках, которые видел глазами динозавра. Банально это, как на каком-нибудь дачном участке, нет изюминки эпохи мезозоя. Вот если бы увидел падение гигантского метеорита, изменившего климат Земли, в результате чего и вымерли эти самые динозавры... Это было бы да! Настоящая информационная бомба, которую так ждёт этот маньяк. А маки в мезозое это для него тьфу, мелко как-то. И гигантская поляна, где растут только маки, для таких людей, как Саня, неинтересна. Вон в Афганистане этого мака хоть задом жуй.

Мысль об Афганистане и о дури, которую оттуда гонят к нам, сразу же направила мои размышления на другое – естественно, на наркотики и на то, какое воздействие они оказывают на человека. Блин, да этот же динозавр, ощущения которого транслировал в мои мозги хронограф, был конченный нарик. Покушал вкусной травки и получил свою дозу дури, от которой и кайфовал. Отсюда и ужасная лень и нежелание куда-то двигаться. А зачем, если и так хорошо? Полное довольство жизнью, вот моё, пожалуй, единственное впечатление от сеанса сканирования долговременной памяти,

отложившейся в лобной кости черепа динозавра. А пожалуй, это прокатит перед Сашей. Он млеть будет, когда узнает, что мне удалось влезть в память динозавра. Это я думал, что состояние наркотического опьянения получил под воздействием токов хронографа, а маньяк Саша будет уверен, что на меня воздействовало состояние динозавра. От которого осталась только эта уже окаменелая лобная часть черепа. Думаю, после моего откровения из Саши можно будет вить верёвки и наконец-то спокойно посидеть и поговорить о его лаборантке Танюше.

Когда Кац появился, держа в руках полотенце, я воскликнул:

– Эврика, я всё понял!

От этого выкрика Саша резко остановился, при этом чуть не выронив полотенце. В сердцах выругался и всё ещё сердитым голосом спросил:

– Что понял? Давай рассказывай, что видел?

– Видел я немного, но понял всё! Теперь знаю, почему эти монстры вымерли.

– Так это любой дурак знает – похолодало, вследствие этого образовалась нехватка пищи, и гиганты, которым нужно кошмарное количество растительной массы, от голода и вымерли. К тому же рептилии холоднокровные, а значит, не могут поддерживать тепловой баланс организма. Один раз выпал снежок и всё – это уже не живые организмы, а горы мяса.

– Ладно, великий знаток эволюции, давай полотенце, а то замёрзну, как динозавр в мезозойскую эру. Окно-то открыто, а на улице дождь собирается и похолодало. Совсем не здорово сидеть на сквозняке с мокрой головой.

После того как вытерся, я потребовал продолжения банкета. И только употребив дозу, начал подробно рассказывать, что видел в процессе эксперимента, свои ощущения и выводы, которые я сделал.

Вывод, что динозавры вымерли из-за лени, которая их обуяла после употребления маковой соломки, был осмеян. Мой друг, закончивший биофак МГУ, от смеха чуть не упал со стула. Но когда он обозвал меня неучем и тупицей, я закусил удила и начал ему доказывать, иногда переходя на крик, что динозавры вымерли именно из-за употребления наркотиков. И мои выводы гениальны и достойны Нобелевской премии. Ещё бы так не утверждать после употребления спиртяги, да когда твоё эго опускают ниже плинтуса. Пусть этот умник будет рад, что я не применил свой знаменитый хук слева. С моей стороны весь этот базар и ругань, конечно же, были наиграны – просто душила элементарная обида. Ведь я и сам думал, что Саша прав, а мои ощущения во время эксперимента были вызваны неведомыми электрическими или магнитными полями. Я недавно разъявил

рот во время работы и получил весьма ощутимый удар тока – даже в голове поплыло. Вот, наверное, после этого и стал восприимчив к воздействию электричества. Вон даже кайф начал ловить от всяких там токов Фуко!

Между тем мои слова не на шутку раззадорили Сашу. Так как словами ему никак не удавалось убедить меня в своей правоте, то он язвительно улыбаясь, предложил:

– Слушай, Мымрик, а давай фактами будем оперировать – проведём ещё один эксперимент. Возьмём череп не животного, а человека из недалёкого прошлого. Если во время погружения в его воспоминания ты опять начнёшь нести туфту, то тогда с тобой всё ясно – ты балдеешь от электрических полей, присутствующих в виртуальном шлеме.

– А давай! Я готов ради науки на всё! Только с тебя после эксперимента кабак, и чтобы на этом праздничном ужине присутствовала твоя лаборантка Татьяна. Нравится мне эта девчонка. Ты, надеюсь, не против, если я с ней «амуры» закручу?

– Да ради бога – совет вам да любовь!

После этих слов Кац довольно мерзко засмеялся, но я пропустил этот издевательский смех мимо ушей – ведь главной цели я добился. А дальше мы начали обсуждать – какой же из имеющихся человеческих черепов будем сканировать. По словам Саши, только один из образцов можно было без предварительной подготовки загрузить в камеру хронографа. У этого черепа чуть ли не половина теменной и затылочной части отсутствовала, но зато лобная кость была в идеальном состоянии. Всё это позволяло сканерам хронографа беспрепятственно обследовать внутреннюю поверхность лобной части черепа. Так что выбор объекта для исследования был невелик, и наше обсуждение продлилось всего несколько минут. И львиную долю этого времени я выяснял, откуда взялся этот череп в лаборатории моего друга.

Оказывается, его прислали из Перми с просьбой реконструировать внешний облик человека, которому раньше принадлежал этот череп. Лаборатория Саши и этой проблематикой тоже занималась. Конечно, руководство института такую реконструкцию поручало лаборатории проводить только в исключительных случаях, но этот и был таким. Речь шла ни много ни мало об идентификации останков брата императора России Николая II – Михаила Александровича. По мнению поисковиков, обнаруживших тайное захоронение двух человек, этот череп вполне мог принадлежать Михаилу Александровичу Романову. Пермскими энтузиастами было проведено целое расследование по судьбе брата императора. Тайному похищению и убийству великого князя и его

секретаря Джонсона. Собранные материалы показывали, что это преступление было совершено в ночь с 12 на 13 июня 1918 года. И это было не ограбление или спонтанная акция каких-нибудь отморожков, а продуманная операция большевиков по ликвидации всех представителей дома Романовых. Эта операция была проведена по заранее разработанному плану группой сотрудников ЧК и милиции города Перми, где Михаил Александрович отбывал ссылку.

Многие детали этого эпизода начала гражданской войны так и оставались неизвестными, вот помимо прочего мне и следовало обратить особое внимание на сканирование последних эпизодов, отложившихся в долговременной памяти исследуемого объекта. Да и вообще нужно было в обязательном порядке выяснить, принадлежал ли этот череп Михаилу Романову. Выслушав это цэу от Саши, я хмыкнул, но ничего не сказал – нельзя было ставить на кон вырванное у Каца обещание устроить празднование его гениального открытия в узком кругу в лучшем ресторане города. Да ради встречи с Танюшей в такой камерной обстановке можно было поработать на благо Сашиной лаборатории.

Пока гениальный МНС возился с оборудованием, я решил перед погружением в эксперимент подышать свежим воздухом и подошёл к открытому окну. Начинало темнеть, но не из-за того, что день заканчивался, а из-за мощной, почти чёрной грозовой тучи, накатывающейся на город. По всему выходило, что спешить домой не стоило. Собирался мощный ливень, и его лучше переждать в помещении. Так что можно было спокойно расслабиться в знакомом кресле и действительно внести свою лепту в прогресс науки. А как я мог внести свою лепту? Да очень просто – выбросить из головы всякую чушь о приятном вечере с Татьяной и сосредоточиться на деле. Кто знает? Может быть, наше копошение это действительно прорыв в науке. Проведя с собой такой аутотренинг, я решительно отвернулся от окна и направился к креслу напротив хронографа. Шёл я под раскаты грома – на улице всё-таки разразилась гроза. Но я даже и не подумал закрывать окно. С улицы в затхлую атмосферу лаборатории так приятно шёл поток свежего, бодрящего, слегка охлаждённого воздуха – никакой кондиционер не мог этого достичь.

Глава 2

Мои ощущения при погружении в мозг человека кардинально отличались от предыдущего эксперимента. Никакой эйфории, а только непонятная нарастающая тревога и какой-то калейдоскоп мелькающих жёлто-белых полос, но он замедлялся. По-видимому, внутреннее зрение начинало адаптироваться, и можно было надеяться, что вскоре я увижу картинки из прошлого. Я и надеялся на то, что эксперимент окончится успехом, и по итогам его я смогу утереть нос этому самоуверенному МНС. А то этот паршивец мажет, что мой мозг получает кайф от блуждающих в шлеме токов Фуко. Но вскоре я перестал анализировать скорость мелькания полос, тревога начала перерастать в панику. И только я собрался самостоятельно сдёрнуть этот чёртов шлем, как перед моим внутренним взором мелькнула яркая вспышка, всё тело до последней клеточки пронзила дикая боль, и я провалился в безвременье, в беспомыслие.

...Очнувшись так же неожиданно – дикая боль ушла, но на душе было мерзко, тело ужасно чесалось, а уши заложило визгливое женское кудахтанье. Я подумал: «Откуда в лаборатории взялась такая визгливая и скандальная баба?» И открыл глаза, чтобы понять, что же всё-таки происходит? Действительно – женщина присутствовала. А вот с миром и со мной было всё не так, и не в виртуальном пространстве, а в реале. Во-первых, я почему-то лежал на спине и не на полу лаборатории, а на диване. Шлема на голове не было. Комнату, где стоял этот диван, я видел первый раз, и она не могла находиться в нашем институте. Мебель совершенно не соответствовала государственному научному учреждению. Не стоят, даже в богатых госструктурах, антикварные пуфики, шкафчики и секретеры, наверняка стоящие баснословных денег. Во-вторых, платье на тётке было явно винтажное, а значит, не из дешёвых. Да и на мне была надета жилетка с серебряной цепочкой, идущей из маленького кармашка, в котором наверняка находились старинные часы. А такой гаджет стоил больше, чем мой байк вместе со всеми кожаными прикидами. Одним словом, я оказался в непонятной комнате, одетый в нелепую одежду и без шлема на голове. А совершенно незнакомая тётка, склонившись над моей головой, что-то быстро-быстро говорила – можно сказать, причитала. Смысла слов этого речитатива я что-то не улавливал – так, отдельные возгласы и часто повторяющееся выражение «Господи, помилуй».

Мозг анализировал ситуацию и окружающую обстановку только в

первые секунды после того как я очнулся, а потом он взорвался – всё моё существо охватила паника. Я уже ничего не мог анализировать и вести себя, как исследователь и первооткрыватель. Смог только каким-то хрипловатым голосом, с нотками ужаса, воскликнуть:

– Где я, что случилось?

Женщину ничуть не удивил мой выкрик. Она даже обрадовалась этой неадекватной реакции. Тут же перестала причитать и со счастливой улыбкой на лице всё тем же пронзительным, но теперь ставшим приятным голосом ответила:

– Слава богу, Михал Александрович, очнулись! А я уж так испугалась, что мочи нет! Молния шарахнула в окно, около которого вы стояли, наблюдая за грозой. Я как раз принесла вам чаю и хорошо видела, как в окно залетел круглый такой, сверкающий кусочек от молнии и, зацепившись за подоконник, взорвался совсем рядом с вами. Вот вы и упали прямо на паркет. Я сразу Ивана крикнула, и мы вместе с этим оболтусом положили вас на диван. Потом он побежал за дохтуром, а я вот положила вам на голову холодный компресс и, взяв с секретера газету, обмахиваю ей своего благодетеля вместо веера, и молюсь, конечно.

Действительно, женщина сжимала в руке довольно толстую газету, и хотя я в неё не вглядывался, но мне всё равно бросился в глаза непривычный шрифт. А именно то, что там присутствовала буква ять. У меня же паника выбила всё соображение, так что эта деталь даже наоборот заставила мозги шевелить извилинами. А чтобы активизировать этот процесс, рука привычно потянулась почесать затылок и наткнулась на влажную тряпку. «Ага, вот он и компресс, о котором говорила тётка», – подумал я и с раздражением выкинул влажный платок прямо на пол. А затем рука всё-таки потянулась закончить начатый процесс, и опять я получил удар по уже ослабленной психике. Вместо привычной шевелюры пальцы ощутили какую-то лысину. «А-а-а... – завопил внутренний голос, – это не я, это не моё тело, и реальность тоже не моя!» Но это была последняя истерика моего сознания. Разум понял, что истерия ни к чему хорошему не приведёт – жить-то хочется даже и в чужом теле.

После этой панической атаки я начал холодно анализировать все факты и причины, затолкавшие меня в эту ситуацию. Однозначно это следствие нашего эксперимента. Что-то пошло не так. Вместо того чтобы просто заглянуть в прошлое, моя сущность сама оказалась там. Чёртов Кац создал не сканер, заглядывающий в память изучаемого объекта, а портал перемещения в тела умерших. Ещё повезло, что моё «я» оказалось не в мозгу динозавра, а в теле человека. Спусковым крючком этого

перемещения наверняка явилась молния. Во время эксперимента была гроза, а окно в лабораторию было открыто, и шаровая молния вполне могла попасть в помещение. Здесь же во время грозы объект, череп которого исследовали, подвергся воздействию шаровой молнии. По-видимому, шаровые молнии взорвались одновременно в разных реальностях, а в этот момент хронограф поддерживал мою ментальную линию, которая сканировала долговременную память объекта исследований. А тут раз... короткое замыкание, и мой разум остался, вернее, вселился в ту личность, череп которого сканировал хронограф. «Ну что, вроде бы логично, – подумал я, – пожалуй, оставляем это как основную гипотезу появления моей сущности в этом теле».

Вопрос, в кого вселилась моя сущность, ясен. Наверняка это Михаил Александрович – великий князь, брат императора России Николая II. Мы же сканировали его череп, по крайней мере, пермские поисковики, нашедшие захоронение, были в этом уверены. Да и по обстановке комнаты, в которую я попал, можно утверждать, что тут живёт не простой человек. К тому же тётка, которая увидела, как в комнату влетела шаровая молния, разговаривала со мной подобострастно и назвала Михаилом Александровичем. Вернее, Лександровичем, но так, наверно, принято у неё в деревне. Чай, не дворянка, что с неё взять? Зато услужливая, внимательная и заботливая. А я-то каков – самая что ни на есть голубая кровь! Из грязи, как говорится, в князи! Я внутренне усмехнулся, а затем, но уже в реале поёжился, вспоминая череп великого князя. Как этому супер-пуперу, хозяину жизни с голубой кровью, парнишка с рабочих окраин Перми, служащий в ЧК, двумя выстрелами в упор снёс половину черепушки. И всё, нет больше великого князя. Когда читаешь о таких событиях в исторических книгах, то понимаешь, что такие трагедии происходили давно, и в общем-то тебе это всё по барабану. А тут именно тебя будут убивать, и ты знаешь, когда это будет и где.

Этот вопрос так меня пронял, что я решил немедленно узнать, какой сейчас год и где я нахожусь. Вдруг великий князь уже выслан в Пермь и сейчас наряд ЧК получает разнарядку арестовать и уничтожить великого князя Михаила Романова. Вдруг этот долбаный хронограф забросил меня в последний день жизни обладателя черепа, который мы Сашей сканировали. Не факт же, что если Михаила убьют, то я автоматически перемещусь в своё тело. Скорее всего, нет – ментальная линия не установлена, спускового крючка в виде шаровых молний нет. Так что именно мне чекисты отстреляют полчерепа. Я скрипнул зубами и подумал: «Ну уж нет, не согласен я с таким раскладом. Драться буду с этими чекистами и просто

так не дамся. Не желаю быть жертвенным бараном! И плевать мне на нарушение исторической линии – я её уже и так нарушил своим возникновением в теле Михаила. Не дам мужику сгинуть во имя сохранения привычной истории».

Под влиянием своих внутренних страхов я довольно нервно спросил:

– Какой сейчас год и где я нахожусь?

От моего вопроса у женщины даже лицо вытянулось. Чтобы её совсем не вводить в ступор, я пояснил:

– Молния всё-таки меня зацепила. Всю память отшибла – ничего не помню, как будто только родился.

Тётка прониклась этой бедой, жалостливо перекрестила бедолагу и ответила весьма подробно, даже о том, о чём я у неё не спрашивал:

– Так суббота сегодня, 9 августа 1916 года от Рождества Христова. Поздно вечером крестный ход, батюшка сказал, будет. Во славу русского оружия, чтобы православные одолели басурман проклятых. А вы в своей резиденции в Гатчине отдыхали после долгой дороги с фронта. Вчера приехали с войны, а тут такая напасть. Дохтур сказал, что вам волноваться нельзя, застарелая язва на фронте открылась. И кормить вас нужно только протёртым, и мясо по-мушкетёрски, которое вы так любите, ни в коем случае не подавать. И кофею нельзя, только чай, и то не крепко заваренный.

– Спасибо! Вот не помню только, как вас зовут. Совсем с головой плохо стало после удара этой молнии. Но зато желудок совсем не беспокоит.

– Слава Богу, Михаил Александрович! Господь, он видит, кто хороший человек и кому помочь нужно. Вот он и послал молнию, чтобы она излечила ваш недуг и застарелая язва зарубцевалась. А что память барахлит и многое забыли, то это не беда – голова-то прочистилась от ненужных мыслей, и теперь вы по-новому на мир смотреть будете. Всяких там сицилистов и безбожников бомбистов прижмёте и потвёрже с народом будете. Добрый вы очень, а с этой шантрапой нельзя таким быть. Нужно быть таким же, как ваш батюшка – царствие небесное ему! А крестили меня Глафирой, как и множество других русских баб. А вы всегда меня звали по-простому – Глашкой. Одногодки ведь мы с вами, в 1878 году родились, только вы 4 декабря, а я в марте. Мне тоже в этом году тридцать восемь годков стукнуло.

Эта информация подстегнула моё отчаянье, опять начала сгущаться туча панической атаки. Ещё бы, вот так взять и потерять пятнадцать лет жизни. Я-то даже и не думал, что судьба закинула меня в тело, можно сказать, старика. Всех, кому было лет сорок, я относил к пожилым людям.

Ещё час назад мне было двадцать три года, а сейчас уже тридцать восемь. Да у меня маманя почти такого же возраста. Ужасно и несправедливо всё это. Только недавно купил байк и ещё даже девчонок на нём не покатал, а тут уже о душе нужно думать и к пенсии готовиться. Я, конечно, знал, что Михаил далеко не юноша, но как-то после попадания в его тело о возрасте великого князя не задумывался. Даже тогда, когда на своей голове обнаружил не привычную копну волос, а какую-то залысину.

Отчаянье и дикая депрессия одолевали психику не меньше минуты, пытаюсь сломать стержень бытия. Такие терзания совсем были не характерны для меня в прошлой реальности. У прежнего Мишки была стабильная психика, и никогда не было склонности мотать сопли на кулак. Вот когда служил в армии, мне один штабной писарь рассказал, что наш комбат, капитан Птичкин, когда представлял меня полковнику на назначение замкомвзвода, говорил:

– У сержанта Семёнова нервы железные, и вообще он парень рассудительный. Сначала подумает, а потом делает. Ну и что, что не контрактник и вскоре может на гражданку уйти! Вот и нужно таких ребят в армии оставлять – заинтересовывать карьерным ростом. Глядишь, он и контракт подпишет. А после этого его можно определить в школу прапорщиков, а затем смело назначать командиром взвода. Я бы хоть сейчас ему взвод доверил.

Несмотря на такое лестное мнение и протекцию комбата, я в армии не остался. Надоело бегать с автоматом, хотелось заняться серьёзным делом – научной деятельностью, например. Вот и занялся – поучаствовал в научном эксперименте на свою голову. Даже мои железные нервы не выдерживают такого эксперимента.

Наверное, воспоминания о службе в армии благотворно сказались на психике. Я перестал паниковать и сокрушаться об исчезнувших из моей жизни годах. По-любому жить было нужно, и оставаться не тряпкой, влажной от слёз и соплей, а бойцом, добивающимся своих целей. После этой внутренней накачки я начал думать, а какие же в сложившейся ситуации мои цели. Однозначно главная – это выжить, не дать себя убить пермским чекистам. Отсюда вытекает задача – не допустить возникновения всяких там ЧК и вообще Октябрьской и Февральской революций как таковых. Получается, кардинально изменить историю России, а значит, и всего мира. Правда, можно тихо свалить из страны, наблюдая за процессом уничтожения моей родины, моего народа откуда-нибудь из Лондона. Тогда, скорее всего, история пойдёт своим чередом. А именно: революции, несомненно, случатся, великий князь, вовремя уехавший со своими

деньгами из бушующей страны в тихую Англию или в далёкую Австралию, в один прекрасный момент получает альпенштоком по голове от совершенно незнакомого человека. Настоящие ленинцы ребята предусмотрительные и без сантиментов – не оставят они Романова, реального претендента на престол, в живых. Почему-то я уверен, что ледоруб снесёт именно ту часть черепа, которая отсутствовала в реальной истории. И всё, круг замкнётся – историческая линия избавлена от шероховатостей, Сталину и Гитлеру можно приходить к власти. Такой сценарий был весьма вероятен.

В общем-то, я был убеждён, что история вещь весьма инертная, и она, даже сделав зигзаг, возвращается на свою генеральную линию. По этой логике дёргаться вообще бессмысленно. Исходя из неё, нужно расслабиться и весь срок (а это всего лишь чуть больше года), который отпущен судьбой Михаилу Романову, попользоваться всеми ресурсами и привилегиями великого князя. А я уже знал, что, по моим меркам, Михаил был весьма богат, даже замок в Англии был весьма нехилый. И до войны Михаил сам там проживал. Когда по распоряжению императора России Николая II был уволен со всех должностей и постов, и даже получил запрет возвращаться на родину. А виной всему была любовь. Да-да – любовь! Михаил Александрович, то есть я, женился без разрешения императора на разведёнке – Наташеньке, урождённой Шереметьевской Наталье Сергеевне. А как тут было не жениться, если у нас после бурного романа в 10-м году родился сын Георгий. Так что ко всему прочему я состоял в морганатическом браке. Ещё несколько минут назад я и не знал, что есть и такой. Пока передо мной не открылась память Михаила. Не вся, конечно, а только долговременная, по теории Саши, вбитая в лобную часть черепа. Может быть, её считал сканер хронографа и затем зафиксировал в моём сознании, но скорее всего, она сама нашла путь в сознание захватившей мозг Михаила сущности. Как бы то ни было, основные моменты жизни, вызвавшие наибольшие переживания, постепенно становились и моими воспоминаниями. Было интересно, как будто я просматривал в своей голове какой-нибудь блокбастер. В главной роли был, конечно, великий князь Михаил, вот только он всё время присутствовал за кадром, но зато транслировал на мой внутренний голос свои комментарии.

Из этого эпического фильма с эффектом присутствия, транслируемого моим воображением, я многое узнал о великом князе и о взаимоотношениях в доме Романовых. Не всё там было благополучно. Какое к чёрту благополучие, когда родные братья копают под императора. Во всём этом семействе был только один приличный человек, и это,

конечно, Михаил. Из его комментариев это становилось абсолютно ясно. И даже мнения других людей о великом князе в долговременной памяти Михаила отложились соответственные. Например, жене Натали её подруга, знакомая с людьми из ближайшего окружения Ники (императора Николая II), однажды принесла выписки из дневников генерала Мосолова и полковника Мордвинова касательно её мужа. Генерал написал о личности Михаила Александровича: «Он отличается исключительной добротой и порядочностью». А полковник выразил своё мнение о великом князе следующими словами: «У Михаила Александровича характер мягкий, хотя и вспыльчивый. Склонен поддаваться чужому влиянию... но в поступках, затрагивающих вопросы нравственного долга, всегда проявляет настойчивость!» Вот какое мнение сложилось у посторонних людей о великом князе, хотя Михаил с ними особо не контактировал и тем более не подкармливал их. Это подруга Натальи с ними контактировала и весьма плотно, да так, что они доверяли ей даже порыться в своих бумагах, и это несмотря на военное время. СМЕРШа на них нет, только любовь на уме.

Мелькнувшая злая мысль направила мои размышления несколько в другое русло. Нет, я не перестал думать о Михаиле Александровиче, но теперь начал воспринимать его жизнь как свою. И начал думать, как бы мне проскочить через эту историческую засаду. Но какие бы я комбинации ни разрабатывал, всё заканчивалось либо печально, с потерей части черепа, или совершенно нереалистично. К тому же все фантастические сценарии требовали уйму времени на подготовку. Не было у великого князя знакомых в криминальных кругах или близких друзей в спецслужбах. Да тут и спецслужбы были смешные, по крайней мере в Российской империи. Революционные структуры, несомненно, их переиграют и найдут нужного человека, тем более если он будет с семьёй, в любой точке мира. Так что бежать и прятаться не выход, нужно идти другим путём.

Чтобы лучше думалось, я под оханье Глафиры встал с дивана и подошёл к открытому окну, возле которого и произошла посадка моей личности в тело великого князя. Пусть аборигены думают, что это был удар молнии, этим можно объяснить те изменения, которые произошли в характере Михаила Александровича. А изменения сто процентов будут – ведь я не та рохля и благородный человек, каким был великий князь.

Только дошёл до окна, как дверь распахнулась, и в комнату буквально ворвалось несколько человек. Сразу стало шумно, а я, обернувшись, пытался узнать кого-нибудь из них, опираясь на сохранившуюся долговременную память Михаила. Ничего не получилось, в главную память эти люди не входили. Но когда за этой шумной компанией плавно

вплыла женщина, у меня ёкнуло сердце. От этой женщины ко мне потянулся луч света и тепла. Даже если бы в долговременной памяти Михаила не сохранился её образ, я всё равно понял бы, что это его жена. Великий князь явно любил эту женщину, и в долговременной памяти было много эпизодов с участием Наташеньки – или Натика, как в интимной обстановке называл её Михаил. Что касается моей сущности, то кроме теплоты, жалости и желания спасти эту, в сущности, постороннюю для меня женщину, я ничего не чувствовал. И если честно сказать, то заниматься сексом с этой уже пожилой, по мерке Мишки из другой реальности, женщиной мне бы не хотелось. Да что там не хотелось, я со страхом подумал, что если мы останемся вдвоём, с меня потребуют исполнить супружеский долг.

Пока я так размышлял, взглядываясь в жену, ко мне подошёл представительный мужчина в пенсне и спросил:

– Михаил Алексеевич, как вы себя чувствуете? Мне передали, что в вас попала молния, и вы лежите без сознания!

– Да, по-видимому, попала, зацепила вернее! Состояние-то нормальное, но что-то с памятью случилось! Некоторые события, особенно судьбоносные, помню, а многие вещи из текущей жизни забыл. Последнее чёткое воспоминание – о встрече с братом, императором Николаем Вторым в ставке в Могилёве. Когда он в торжественной обстановке присвоил мне звание генерал-лейтенанта и назначил командиром Второго Кавалерийского корпуса.

– Понятно! – произнёс мужчина, определённо он был врач. Затем этот человек в пенсне с умным видом, приговаривая что-то по латыни, достал из своего чемоданчика пакетик с каким-то порошком и протянул его мне, говоря при этом: – Любезнейший Михаил Александрович, настоятельно вам рекомендую это средство для укрепления сосудов головного мозга. Кроме этого, оно улучшает общее самочувствие и благотворно скажется на вашем желудке. Его мне переслали из Харбина. Китайская медицина использует порошок из протёртого корня женьшеня очень давно, и результаты его применения просто поразительны. Принимать его нужно по два раза в день, утром и вечером. Прислуге скажите, чтобы приносили вам стакан кипятка, после чего сами завариваете в нём неполную чайную ложку порошка и, после того как вода станет тёплой, выпиваете этот своеобразный чай. Как мне написал китайский врач, лучше всего, чтобы женьшень заваривал сам пациент, тогда по его наблюдениям эффект применения порошка максимальный.

Естественно, я поблагодарил медика, тем более я слышал ещё в той

реальности, какие чудеса творит отвар женьшеня. Спасает практически от всех недугов. Но тогда я даже и мечтать не мог лечиться таким дорогущим препаратом, а теперь вот пожалуйста – врач сам приносит болезному дефицитнейшее лекарство. Да, хорошо быть великим князем! Чтобы показать, что я буду выполнять рекомендацию медика, я, обращаясь к единственному знакомому в этом мире человеку, распорядился:

– Глафира, ты слышала, что сказал доктор? Давай-ка неси сюда стакан кипятка!

Экономка, или чёрт знает, как называлась её должность, тут же встрепелась и произнесла:

– Сейчас сделаем, Михаил Лександрыч!

Но сразу она не пошла, а, обращаясь к трем стоящим рядом с ней мужчинам, по-видимому лакеям (одеты они были соответственно), сказала:

– Ну что встали, рты раззявив? Пойдёмте уже, нечего великому князю мешать!

Когда вся эта компания вышла, в комнате остались только доктор, моя жена и я. Когда я решил выпроводить и доктора, чтобы переговорить с Натальей, как медик взял инициативу в свои руки. Он безапелляционно заявил:

– Ну что, Михаил Александрович, давайте я теперь послушаю, нет ли шумов в лёгких. Да и как обстоит дело с вашей язвой – не мешало бы прощупать желудок. Пожалуйста на диван и снимите рубашку.

Ну что тут делать? Пришлось подчиниться медицине, тем более и жена подпевала доктору:

– Да-да, Мишенька, пускай Матвей Леопольдович ещё раз проверит твой живот.

Глава 3

Первоначально медицинский осмотр особо не напрягал, я даже с интересом рассматривал трубку, которой доктор прослушивал мои лёгкие. Когда он начал ощупывать живот в районе желудка, то разговорился и начал объяснять, почему пришлось столько ждать его прихода. Доктор находился не в госпитале, который был организован стараниями Натальи в нашей загородной резиденции, а в комнате секретаря великого князя Джонсона. Оказывал моему приближённому медицинскую помощь. По невероятному стечению обстоятельств того тоже поразила молния, и гораздо серьёзнее, чем меня. И Джонсон всё ещё находится без сознания – вернее, введён посредством морфия в искусственный сон.

Этот рассказ доктора меня очень заинтересовал, и вместо того чтобы отпустить врача после внеочередного медицинского осмотра, я начал расспрашивать об этом происшествии. Периодически свои вопросы задавала и Наталья. Она посчитала эти удары молнии мистическим знаком, и все её вопросы крутились около этой темы.

Я в мистику не верил и расспрашивал про реальные факты, которые известны доктору о происшествии с Джонсоном. Выяснил, что мой секретарь Николай (великий князь звал его Коко, а при рождении Джонсон был наречён Брайаном) попал под удар молнии за полчаса до происшествия со мной. И это случилось не в доме, а в воротах каретного сарая. Он зачем-то во время грозы схватился за железную трубу, и в этот момент в сарай ударила молния. Там его и нашли без сознания, отнесли в комнату, в которой мой секретарь проживал, и вызвали врача. Джонсон получил довольно серьёзные ожоги, особенно руки, которой он держался за трубу. Боли от ожогов Николай испытывал страшные, и доктор для устранения их применил морфин. Пациент после этого быстро уснул, а тут новая напасть, дворецкий Иван прибежал в панике и кричит: «Великий князь лежит без памяти, срочно нужен доктор!» Одним словом, поставил весь персонал госпиталя на уши.

Меня мало интересовало, какие меры подготавливал персонал госпиталя, чтобы спасти великого князя. Поэтому легко отдал инициативу разговора с доктором жене Наталье, а сам погрузился в размышления. А именно о том, что вырисовывается очень интересная ситуация. Два человека, погибших одновременно, черепа которых прислали пермские поисковики в НИИ Мозга, для подтверждения того, что они принадлежали

великому князю Михаилу Романову и его секретарю Джонсону, вдруг в этой реальности тоже практически одновременно подвергаются воздействию молнии и теряют сознание. Казалось бы, ну что тут такого? Вроде бы ничего, если не учитывать того, что в тело великого князя вселилась сущность человека из будущего, и всё это произошло не без участия молнии. А кто знает этого недоделанного гения Сашку, вдруг он нашёл ещё какого-нибудь дурака и отправил его вслед за мной, но уже в тело Джонсона? Конечно, эта гипотеза хромает на обе ноги, но чёрт знает этих гениев. Череп-то Джонсона в лаборатории был, оборудование в наличии, да и мотив для подсадки в тело Джонсона сущности из нашего времени тоже имеется. И наверняка это связано с моей судьбой. Ведь вполне возможно, моё тело в лаборатории осталось без сознания или превратилось в овощ. А это такой скандал, что там всю лабораторию разгонят, а не только накажут МЧС, затеявшего не согласованный ни с кем эксперимент. Вот Кац и роет сейчас землю, чтобы найти меня и вытащить обратно. Это мысль так меня возбудила, что я прервал беседующих Наталью и доктора возгласом:

– Мне нужно немедленно переговорить с Джонсоном!

На что врач ответил:

– Помилуйте, Михаил Александрович, это сегодня никак не возможно! От той дозы морфия, которую я ему дал, Джонсон будет спать ещё часов восемь, не меньше. Вот завтра с ним и переговорите.

Врач, после того как я бесцеремонно прервал его беседу с Натальей, счёл эту ситуацию удобной, чтобы наконец завершить беседу о надоевшей ему мистике. Не дав моей жене даже вставить слово, он заявил:

– Ну что же, Михаил Алексеевич, не смею вам мешать. Вам после того, как выпьете лекарство, нужно будет отдохнуть. На сегодня лучше отложите все дела и раньше ложитесь спать.

Отдельно попрощавшись с Натальей, доктор вышел. И остались мы с женой вдвоём в одной комнате. По логике жизни, я должен был приголубить свою жену. Ведь Михаил ее, несомненно, любил, и хоть ночью они были вместе (этот факт остался в долговременной памяти), но великий князь всё-таки только вчера прибыл с фронта. Он долгое время не встречался с женой и просто обязан был по ней так соскучиться, что единственной ночи, проведенной вместе, наверняка им было мало. Всё это я прекрасно понимал, но преодолеть себя не мог. Была бы Наталья лет на десять моложе, я бы ей устроил любовное Ватерлоо, а так просто боялся опозориться – ничего бы у меня не получилось.

Поэтому я пошёл другим путём – начал жаловаться на плохое

самочувствие, на то, что молния меня всё-таки зацепила. Начались охи да ахи. К счастью, это было недолго – вернулась Глафира, ходившая за кипятком, и жена переключила всё внимание на прислугу. Начала руководить процессом заваривания женьшеня. А затем, когда экономка ушла, на меня обрушился целый водопад петроградских сплетен. В отличие от предыдущей своей жизни, когда я не обращал внимания на сплетни, сейчас, наоборот, внимательно слушал эти непроверенные данные. В настоящее время это был единственный вариант получить информацию об этой реальности. Когда мне показалось, что информация начала повторяться, я, чтобы прервать этот поток слухов, опять начал жаловаться на плохое самочувствие. Этим хотел добиться, чтобы жена ушла, а я, оставшись в одиночестве, спокойно обдумал ситуацию, в которую попал после неудачного эксперимента, и последовательность своих действий. Но когда Наталья под воздействием моих слов собралась уходить, я её почему-то остановил. Всё-таки во мне существовали две личности – одна её любила, а второй эта женщина была по барабану. Сущность великого князя очень беспокоилась об этой женщине и хотела её успокоить и даже обнять. Конечно, сейчас моя сущность стала главенствующей и, в общем-то, могла не обращать внимания на эхо эмоций бывшего хозяина личности великого князя, но раздрай в голове совершенно был не нужен. Поэтому я, как говорится, сделал ход конём – успокоил своими мыслями сущность великого князя и сделал шаг в своей хитроумной комбинации по удалению Натальи подальше от Михаила Александровича. Я, мило улыбаясь, удержал Наталью за руку и произнёс:

– Милая, мне было видение, когда я лежал в бесспамятстве – всё рухнет, и только наш замок в Англии остаётся цел. Тебе с Георгием срочно нужно уезжать в Англию. Тянуть не нужно, тем более я завтра снова отправляюсь в свой корпус.

– Как же так? Ты только вчера приехал и даже не успел подлечить свою язву. А тут ещё эта молния!

– Война, дорогая, война! Германец не будет ждать, когда я залечу свои болячки. И так смог вырваться только потому, что наступление застопорилось. Ники по этому поводу собрал совещание в ставке. После этого совещания я собирался отправляться в свой корпус, но тут случился приступ язвы, и пришлось обратиться к медикам. А там встретил начальника 157-го санитарного поезда, ну того, на формирование которого я давал свои средства. Поезд уже был загружен ранеными и должен был без всяких остановок двигаться в Петроград. Вот я и решил, что столичные врачи быстрее найдут управу на эту язву, чем те доктора, которые

привыкли лечить раненых, а не больных. Брат, так же как и начальник Генштаба Алексеев, тоже настоятельно рекомендовали обратиться к столичным врачам. Ники заметил, что, пока на фронте относительное спокойствие, нужно подлечить твою застарелую язву. Так что звёзды сошлись, и я ринулся в Петроград. Но по закону подлости, пока ехал к столичным врачам, приступы закончились. А после сегодняшнего происшествия у меня чувство, что язва вообще исчезла. Ничего не болит, и вообще желудок не чувствуется. Наверное, сам Господь небесным огнём излечил мою болячку.

– Ой, Мишенька... неужели Господь смилостивился к нам! Сегодня же пойду в храм, поставлю свечку.

– Конечно, смилостивился и этим дал знак, что нужно скорее возвращаться в свой корпус и бить супостатов. Вот я и собираюсь отправиться на святое дело.

– Ну а мне-то зачем уезжать за границу? Я же в Петрограде занимаюсь важным делом – госпиталь, который расположен в нашем городском особняке, на мне ведь висит.

– Ничего, милая, не пропадут раненые, с голоду не помрут! Джонсон, когда очухается, а я ему поручу курировать госпиталь, будет следить за тем, чтобы финансирование шло в полном объёме и без сбоев. И за поставками продуктов туда он тоже будет следить. А ты знаешь моего секретаря – мимо него порченые продукты или, допустим, негожее постельное бельё или пижамы для раненых не пройдут. А ехать в Англию тебе обязательно нужно, и чем быстрее, тем лучше. Сама понимаешь, что эта мысль мне послана свыше, и нельзя гневить Господа нашего, не выполняя его волю. Лишимся его благосклонности, и опять проклятая язва вернётся, может быть, не только она.

Мой упор на мистику и волю создателя сделал своё дело, и жена больше не упорствовала в желании остаться в России. И даже больше того, начала с жаром обсуждать, как в нынешних условиях ей с сыном быстрее оказаться в нашем семейном замке вблизи Лондона. Одним словом, я добился того, чего хотел – договорился с женщиной, которая лучше всего знала великого князя и вполне могла понять, что Михаил Александрович это далеко не тот человек, за которого она выходила замуж. Добился я и того, что Наталья всё-таки удалилась в уверенности, что делает благое дело, давая возможность мужу прийти в себя и отдохнуть после такого происшествия, как близкий удар молнии.

Когда остался один, то сразу же вскочил с дивана и начал по периметру обходить комнату. Нет, я ничего не искал, а просто, когда

двигался, лучше думалось. К тому же после отвара женьшеня тонус организма повысился, и нужно было его загрузить какой-нибудь физической нагрузкой. Думаю, доктор был бы рад такому действию на великого князя своего порошка, а Наталья была бы поражена той метаморфозой, которая произошла с её мужем. Буквально пару минут назад он лежал обессиленный, с нездоровым блеском в глазах рассуждал о Боге, а тут энергично ходит по комнате, что-то бормочет и размахивает руками. А если бы вслушалась в моё бормотание, то точно бы тут же побежала вызывать к мужу психиатра. Ещё бы – ходит и матерится, как портовый грузчик, а когда мат отсутствует, то выражается какими-то непонятными словами.

А я ходил и не находил выхода из того тупика, в который попала семейка Романовых. Чтобы революции не было, нужно было успокоить народ и прекратить войну. А кто же мне даст это сделать? Думаю, агенты Антанты начеку и тут же шлёпнут такого инициатора мира. Вон Распутин пристрелили, хотя тот, в общем-то, не обладал реальной властью, а тут великий князь ратует за мир с Германией и Австрией. Да и свои генералы не поймут, как можно мириться с австрийцами, после того как накостыляли им в ходе «Брусиловского прорыва». Брат, император Николай II, тоже этого не поймёт и постарается сплавить такого родственника в психушку. Так что надеяться на поддержку или хотя бы на непротиводействие моим начинаниям со стороны власть предержащих не имеет смысла. Только стоит разворошить этот муравейник, то можно ожидать от тупых защитников самодержавия и России любых подлостей, вплоть до убийства члена семьи императора. Эти козлы даже не подозревают, до чего доведёт Россию их тупость и чванство. Так что идти официальным путём, используя авторитет великого князя, нельзя. Прекратить войну, используя мои знания истории этой войны, не получится. Я совсем не знал деталей Первой мировой войны, за которые можно было зацепиться, чтобы нанести поражение немцам. Ну что я там знал об этой великой войне – то, что она началась в 1914 году с покушения в Сербии на наследника императора Австрии. За австрийцев вступилась Германия, и началось мировое безумие.

Русские ввязались в эту бойню из-за братьев-славян и, конечно, чтобы освободить от басурман святое место – Царьград (Константинополь). Ну, проливы и прочие бонусы к этому святому делу просто прилагались. Французы исторически враждовали с Германией, и в настоящее время главные противоречия были по судьбе Эльзаса и Лотарингии. Ну а Великобритании Германия наступила на экономическую мозоль. Начала делать товары качественнее и дешевле, чем англичане. Элита англосаксов

была в ужасе, они понимали, что если так пойдёт и дальше, то скоро от мировой империи ничего не останется. Англичане народ деятельный и хитрый. Поэтому они, запихав подальше свои противоречия с Россией и Францией, иезуитскими методами инициировали создание военного блока Антанта. А затем этот военный союз ввязался в войну с Германией, дряхлеющей Австро-Венгрией и их союзниками. Наверняка, чтобы организовать эту бойню на континенте, именно английские джентльмены из МИ-6 организовали в Сараево убийство наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Франца Фердинанда сербским гимназистом Гаврилой Принципом. Австро-Венгрия не стерпела убийство своего будущего правителя сербским националистом, начала репрессии в своей провинции. Поставила ультиматум Сербии. Ну, а на помощь «братушкам» выступила Россия. А затем подтянулись и все остальные участники этого мирового безумия.

Дальше я вообще не знал, как шла эта война, а из самых крупных событий слышал только о гибели армии Самсонова в Восточной Пруссии и о Брусиловском прорыве. Разве можно с такими знаниями мечтать о помощи нашим генералам сведениями из будущего. Нет и ещё раз нет. А разработать для предков какое-нибудь чудо-оружие? Тоже нет! Хотя я и технарь, но в микроэлектронике, а в это время ещё даже транзисторов не изобрели. Конечно, могу на основе существующих в этом времени материалов и радиоламп собрать паршивенькую радиостанцию, но не более того. Да, в общем-то, подобные устройства уже существуют в этой реальности. Так что ничего нового и прорывного я предкам предложить не могу. Систему организации производства? Но организация заводов и научных лабораторий это длительный процесс, и на ходе войны он не скажется. К тому же через год к власти придут коммунисты и меня потихому прикончат в Перми. Мысль об этом так возбудила, что я начал думать о своих дальнейших действиях агрессивно. О том, как самому организовать что-то типа «эскадрона смерти» и физически устранить известных мне организаторов будущих революций.

Метод точечных силовых действий при детальном рассмотрении показался наиболее перспективным, учитывая небольшой промежуток времени, который мне дан судьбой. Проблема была в том, что эффективно действовать могла бы только достаточно крупная, решительная и замкнутая структура, что-то типа КГБ. А с несколькими сподвижниками, которых, пользуясь авторитетом великого князя, наверняка можно найти, бороться с разветвлёнными подпольными организациями было нереально. У царя были силовые структуры, и что, помогло это ему? Переиграли ведь

подпольщики всяких там жандармов и полицейских, и это показала история. Так что помогать царским, уже порядком прогнившим структурам бессмысленно. Основная масса революционеров (тех, о ком я слышал) находится за границей, и официальным структурам достать их там практически нереально, тем более в Германии. И даже если в некоторых странах правительства пойдут навстречу России, арестуют и депортируют указанных мной врагов империи, то наш же суд отправит их просто-напросто в ссылку. И будут они там спокойно готовиться к предстоящей революции. Так что надеяться на государственную машину, которая спасёт великого князя от расправы, нет никаких оснований. Как говорится – спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

На улице уже стемнело, а я как заведённый ходил по комнате и всё не мог гарантированно придумать, как отвести великого князя от той участи, которая приготовила ему злодейка-судьба. Уже совершенно безумные идеи начали мелькать в моём воспалённом мозгу. Вроде того, что послать к чёртовой бабушке Петроград, дом Романовых, всю эту гнилую империю и стать великим ханом Кавказа. Преданные нукеры у меня имеются, не зря же великий князь больше года был командиром Кавказской туземной конной дивизии. В долговременной памяти остались многие эпизоды службы в этой дивизии. Конечно, в первую очередь запоминающиеся случаи, в которых мои джигиты резали головы австриякам. Не зря враги, да и свои, в общем-то, тоже называли Кавказскую туземную дивизию дикой. Не понимали европейцы таких методов ведения войны, считали их дикими. Вот если человека разорвало на части гаубичным снарядом, то это нормально – цивилизованно, а если голову отрезали кинжалом, то это дикость. А ещё просвещённые европейцы считали дикими, доблесть и смелость, проявляемую моими джигитами. Не укладывалось у них в головы, как может солдат по своей инициативе идти на такие риски. А на самом деле всё было элементарно – в дивизии служили только добровольцы. Люди, которые получали кайф от риска и от возможности наконец повоевать всласть. Только воины от природы шли добровольцами в Туземную дивизию. Ведь по российскому законодательству мусульмане, уроженцы Кавказа и Закавказья, не подлежали призыву на воинскую службу. Лишь 23 августа 1914 года из добровольцев-мусульман была сформирована Кавказская туземная конная дивизия.

Автоматически я начал вспоминать людей, которыми командовал, будучи комдивом Туземной дивизии, а впоследствии командиром 2-го Кавалерийского корпуса. Проводил, так сказать, ревизию долговременной памяти Михаила Александровича. Самый большой блок в этих

воспоминаниях занимали три человека. Прежде всего, конечно, это мой адъютант по должности, а фактически порученец и доверенное лицо в среде мусульман Туземной дивизии, Марат Алханов. Лихой джигит, готовый для своего командира сделать всё что угодно, к тому же знающий, как обращаться с добровольцами-мусульманами. Гасил их недовольство на корню. А кавказцы, хоть и нечасто, но, бывало, были недовольны моими приказами. По их мнению, я был очень мягок к врагам и зачастую не добивал уже обречённого противника. Не понимали горцы, что я жалел их же, а не врага. В некоторых ситуациях, чтобы добить австрияков, нужно было положить такое же количество моих джигитов, если не больше. Естественно, я это не хотел. Поэтому когда видел, что австрийцы начинали напоминать загнанных в угол крыс, я давал им возможность бежать.

Вот, например, когда дивизия держала проходы в Карпатах, то 2-я бригада (состоящая из Татарского конного и Чеченского полков) заманила в одно сквозное ущелье целый полк венгерских гусар. Они попали под перекрёстный огонь наших пулемётов. Потери венгров были страшные – в первые десять минут нашего огня было выбито процентов восемьдесят гусар. Но было в этом ущелье одно место, защищенное от пуль. Вот там выжившие гусары и сконцентрировались. Но всё равно, хоть австрияки и находились в мёртвой зоне от ружейно-пулемётного огня, положение их было безнадежным. Вопрос времени и наших потерь – нужно было под огнём противника забраться на гору, с которой открывался прекрасный обзор на позиции венгров и перещёлкать всех этих опереточных вояк. Мои джигиты стрелять умели и по горам лазили прекрасно, а сделать это под огнём противника – так об этом они могли только мечтать. Ведь в их родных аулах будут складывать песни о погибшем герое. Так вот, я многим из них в этом бою не дал возможности стать героями. Приказал снять пулемёты с позиций у горловины ущелья и этим по существу открыл путь для отступления остаткам вражеского кавалерийского полка. Правда, перед этим парламентёр предложил австрийцам сдаться, но гордые венгерские гусары решили лучше умереть, но не нарушить своей присяги. Многие из этих гусар действительно погибли, когда вырывались под нашим ружейным огнём из ловушки, но нескольким десяткам венгров всё-таки удалось вырваться из этого ущелья смерти. Итог этой операции – Австро-Венгрия лишилась больше тысячи хороших бойцов, наши потери: двое раненых и ещё обида моих джигитов на то, что их командир не дал возможности многим достойным воинам героически погибнуть. Обида ребят, конечно, быстро прошла, когда я по совету Марата, разрешил джигитам в течение двух часов собирать трофеи. Потом сам ругал себя, что

дал этим детям гор слишком много времени для грабежа. Уже через час, когда я проезжал мимо места, на котором мы пулемётным огнём тормознули обоз венгров, то ужаснулся. Целых повозок там уже не было, были кучи тлеющих деревяшек и множество трупов лошадей без сбруй и полураздетых людей, по которым совершенно нельзя было определить, что они были когда-то гусарами. А ещё я увидел несколько торчащих из щебёночных куч пик, на острия которых были нанизаны отрезанные головы. А вот по ним сразу можно было определить, что они принадлежали австрийским гусарам – усатые, в форменных головных уборах. Жуть, одним словом! Вот по таким фактам зверства дивизию и прозвали Дикой. А зверство тут однозначно имело место, так как по следам крови и застывшему выражению ужаса можно было утверждать, что головы отрезали у ещё живых людей. Кстати, и пленных в этом бою не было. Я был в шоке, но срываться и показать себя «мямликом» перед офицерами и всадниками конвойной сотни не имел права. Ведь всё-таки я был комдивом, великим князем, генералом и представлял правящий дом Романовых. Это уже под вечер пошёл к начальнику штаба дивизии, Половцеву, успокаивать свою совесть алкоголем. Мы с Петром Александровичем выпили имеющуюся у него бутылку шустовского коньяка. И это в нарушение сухого закона, введенного в империи после начала войны.

Начальник штаба Туземной дивизии Половцев Петр Александрович был второй человек, который отложился в долговременной памяти великого князя. Уважал его Михаил Александрович (я, как правопреемник, получается, тоже), и больше даже не как стратега, а как человека, который держит всё под контролем и улаживает любые проблемные ситуации. Хотя и как стратег он был хорош. Операции, в которых принимала участие Кавказская туземная дивизия, были спланированы безукоризненно. Этим операций было немало, и в первую очередь это конные атаки у городков Доброполе и Гайворон. А ещё в Петре Александровиче явно присутствовала командирская жилка. Не терялся он при резкой смене ситуаций, был твёрд и мог вести за собой людей. Не зря же он до штабной работы был командиром Татарского конного полка. Поэтому, когда меня назначили комкором 2-го Кавалерийского корпуса, я без колебаний предложил утвердить командиром Туземной дивизии Петра Александровича. Николай II внял моей рекомендации, и Половцева назначили командиром Кавказской туземной дивизии и вдобавок присвоили высокое генеральское звание. Что Пётр Александрович хороший комдив, показали недавние действия дивизии в ходе «Брусилковского прорыва».

Третьим офицером Кавказской туземной дивизии, который запомнился великому князю, был полковник Попов Николай Павлович. Он занимал непонятную для меня должность контролёра. Не терплю, когда мне что-то непонятно, и я с пристрастием начал просматривать долговременную память, чтобы всё-таки выяснить, чем же запомнился великому князю этот полковник с хитрым прищуром глаз на простом добродушном лице. По изученной информации выходило, что Николай Павлович выполнял функции офицера контрразведки, но не только. Пожалуй, главное, чем он занимался, это разрешениями противоречий между различными группами людей. А их была масса. Ещё бы, ведь в дивизии служили представители нескольких десятков национальностей и зачастую исторически враждебные друг другу. По вере тоже не было единообразия – девяносто процентов были мусульмане, а десять процентов православные. И я думаю, не очень приятно было всадникам-мусульманам, что офицеры в основном были православные. Кроме этого раздражителя, присутствовал ещё один мощный фактор для раздора в рядах дивизии. А именно то, что среди всадников дивизии были представители двух враждующих между собой ветвей мусульманства – суннитов и шиитов. Большинство было из суннитов, но имелись и шииты. Особенно их было много в Татарском полку, сформированном в основном из выходцев граничивших с Ираном волостей. Одним словом, не воинское формирование, а кавалерийский пороховой погреб. И он обязательно бы взорвался, если бы не Николай Павлович и его служба. Не знаю, какими мерами, но полковник добился, что отличительной чертой внутренней жизни Кавказской туземной конной дивизии стала особая морально-психологическая атмосфера. Которая во многом определяла отношения между офицерами и всадниками. Так, важной особенностью всадника-горца было чувство собственного достоинства и полное отсутствие какого-либо раболепства и подхалимства. Выше всего ценились не чины и звания, а личная храбрость и верность. Характерной чертой отношений в офицерской среде дивизии было взаимное уважение лиц разных вероисповеданий к верованиям и обычаям друг друга. В Кабардинском полку, в частности, адъютант подсчитывал, сколько за столом офицерского собрания находилось мусульман и сколько христиан. Если преобладали мусульмане, то все присутствующие оставались по мусульманскому обычаю в папахах, если же больше было христиан – все папахи снимали. Николай Павлович и его служба добились невероятного результата – из своевольных горцев, по существу абреков, получилось дисциплинированное воинское соединение. Со своей шкалой ценностей и приоритетов. Правда, не удалось полковнику коренным

образом изменить характер горцев. Храбрость всадников совмещалась с их первобытными нравами и с крайне растяжимым понятием о «военной добыче», что тяжело отзывалось на жителях районов, занятых полками дивизии. Одним словом, Палыч (именно так я звал полковника Попова) был самородок и великий кадровик. Вот только он действовал очень своеобразно. А если прямо сказать, то варварскими методами – самые буйные, не подчиняющиеся дисциплине всадники просто-напросто куда-то исчезали. И при этом не было эксцессов со стороны их друзей или, допустим, сослуживцев. Среди них распространялся слух, что пропавшего забрал шайтан, и если начнутся его поиски, то та же участь постигнет и его товарищей, братьев и вообще всех родственников до седьмого колена. И эти слухи шли не абы от кого, а от полковых мулл. Скорее всего, этих людей подбирала для дивизии тоже служба Палыча. Как-то в разговоре с полковником Поповым по поводу исчезновения из дивизии одного из всадников я высказал недоумение по поводу дезертирства такого храброго джигита. На что мне Палыч, ничуть не смущаясь и не приукрашивая действительность, как своему, объяснил:

– Понимаете, Михаил Александрович, я стою на страже империи, а тут какой-то абрек мамой клянётся, что сначала будет резать неверных в Галиции, а потом и до Петрограда доберётся. И ладно, если бы это был обкурившийся анаши нищеброд, тогда чёрт с ним, всё равно на войне наркоманы долго не живут – поймают австрийскую пулю в первой же вылазке. Но нет, ненавидящий всех не истинных мусульман джигит был хороший солдат, грамотный и хитрый, к тому же харизматическая личность. За таким вполне могут пойти малообразованные всадники. Вот и пришлось его по-тихому устранить.

В первый момент его признание привело великого князя в шок, потом этот рафинированный интеллигент подумал: «А что ты хочешь, людей с совершенно другим менталитетом и верой заставлять проливать кровь за православную державу? Другими методами невозможно держать в узде более девяти тысяч необразованных горцев». Эта мысль несколько успокоила душу Михаила, но всё равно тяжёлый осадок остался. Зато меня это воспоминание привело в восторг. Ещё бы, значит, есть знающие великого князя деятельные люди без сантиментов, которые реально могут помочь навести порядок в клоаке, в которую превратилась Российская империя. И в конечном счёте спасти от неминуемой гибели миллионы русских людей. Да, я уже начал мыслить такими категориями. Начал думать не только о себе, но и о стране, которая курьерским поездом неслась в бездну. Начал примерять к себе роль попаданца, который шутя меняет

историю, и в конечном счете во всех фантастических книжках, которые я читал в той реальности, оказывается в шоколаде. Мои фантазии на эту тему продолжались довольно долго и прекратились только от постороннего звука, отрезвившего размечтавшуюся натуру попаданца. Звук для рождённого в конце XX века был очень необычен – били литаврами стоявшие у стены большие часы. Я насчитал двенадцать ударов – значит, сейчас полночь, а правильная мысль, каким методом направить историю в нужном направлении, так и не пришла. А когда в голове появилась фраза: «Уж полночь близится, а Германа всё нет», я понял, что пора заканчивать марш-бросок по периметру комнаты. А то от навалившихся проблем и маразматических мыслей крыша, тем более чужая, совсем съедет. Утром, ещё раз всё продумаю и только потом начну действовать. Как говорил один мой приятель – с утра плавней получается и косяков меньше.

Глава 4

Я, естественно, не пошёл в нашу с Натальей спальню, а устроился прямо на диване. Славу богу, две небольшие декоративные подушки были, да и плед имелся. Хотя спал одетый и на неудобной подушке, но благодаря армейской школе выспался и встал как штык в восемь часов. Как делал это в Пущино, после того как устроился работать в НИИ Мозга. И так же как у себя дома, после того как встал, разделся догола и начал делать зарядку, предварительно, конечно, зайдя в примыкавший к комнате санузел. Металлическая раковина и торчащий прямо из стены кран с холодной водой там был, ватерклозет тоже, а вот душа или ванны нет. Но я всё равно радовался, что попал в тело великого князя, а не в среднестатистического подданного Российской империи. А то пришлось бы в туалет бегать на улицу, а умываться из ведра или в лучшем случае под струёй, льющейся из ковшика. И хорошо если рука, держащая этот ковшик, принадлежала бы слуге или молодой красавице жене, а не старой карге, которая является твоей законной супругой.

Я спокойно сделал зарядку, оделся, привёл себя в порядок, а обслуживающий персонал так и не давал о себе знать. Наверняка они уже давно встали, я ещё в восемь часов слышал доносящиеся из коридора приглушенные звуки уборки. Но великого князя никто не беспокоил. Господа, наверное, привыкли спать до десяти-одиннадцати часов, и обслуживающий персонал не смел их побеспокоить. А я смиренно ждал появления хоть кого-нибудь до девяти часов, но, когда часы пробили девять раз, не выдержал. Вернее, желудок возмутился таким пренебрежением к его нуждам. Как так, уже девять часов, а он не получил свою утреннюю порцию калорий, в виде чашки кофе и маминой котлетки! Вот тогда великий князь, ставший рабом желудка, вышел из комнаты в поисках пропитания.

Направился я в сторону доносившихся звуков перепалки, они шли с первого этажа. Шёл в нужном направлении, так как, уже спускаясь по лестнице, начал улавливать фразы, произносимые пронзительным женским голосом. А через несколько мгновений смог определить, кому принадлежит этот голос. Конечно, Глафире – первому человеку, которого я увидел в этой реальности. Мамочке, можно сказать. Вот у неё я и получу свою котлетку. Этот крик желудка заставил меня ускориться, и вскоре я смог лицезреть саму Глафиру. Она, стоя в коридоре у открытой двери в какую-то комнату,

пронзительным голосом высказывала своё нелестное мнение о безруких козопасах, приготовивших такой расстегай к завтраку самого Михаила Александровича, только что приехавшего на побывку с фронта. Там он, в отличие от всяких бездельников, окопавшихся в тылу на хлебных местах, гоняет германца, а не жрёт от пуза хозяйских харчей.

Во время своего обличающего монолога Глафира невзначай повернулась и увидела меня. Тут же раздался какой-то булькающий звук, наверное, так Глафира сглатывала от неожиданности. Развернувшись окончательно в мою сторону, она воскликнула:

– О боже! Михаил Лександрович, вы встали! А что же не нажали кнопку звонка? Ах да... вы же забыли многие детали нашего быта! Извиняйте, государь, сейчас кушать вам подам! Вы где будете завтракать, в столовой или у себя в кабинете?

Если бы я ещё знал, где в этом особняке находится столовая, то, может быть, выбрал бы и её, а так пришлось руководствоваться только догадкой, что кабинет это, по-видимому, та большая комната, где я ночевал. Поэтому буркнул:

– В кабинете, конечно!

После чего, не говоря больше ни слова, повернулся и направился обратно. Надо было соответствовать человеку с голубой кровью в общении с прислугой. Именно так вёл себя герцог с дворовой челядью в просмотренном мной недавно фильме. На самом деле мне хотелось поговорить с Глафирой – выяснить, очнулся ли мой секретарь Джонсон и всё-таки узнать, чем потчуют на завтрак великого князя.

Мой желудок мучился ожиданиями недолго. Буквально через несколько минут после того, как я пришёл в своё, можно сказать, логово, в дверь постучали, и после моего разрешения войти она распахнулась. И началось представление, которое можно увидеть только в кинокомедии – внос завтрака суперкрутому олигарху. Человек пять здоровых мужиков участвовало в этом спектакле. А принесли-то они два яйца, каждое в специальной вазочке, небольшую тарелку перловой каши, чай в подстаканнике и два больших блюда. В одном лежало несколько пирожков, в другом два кусочка белого хлеба. Точку в этом представлении поставила Глафира. Она вошла последней, торжественно неся небольшую серебряную ёмкость с вареньем. Которую победно установила в центре круглого столика, расположенного рядом с диваном (моей лежанкой прошедшей ночью). Мой желудок, разочарованный предоставленными калориями, заставил меня обиженно воскликнуть:

– А кофе?

На что получил немедленный ответ Глафиры:

– Дохтур запретил подавать вам кофею! Сказал, что пока идёт обострение язвы, утром подавать только каши, чай и можно яйца всмятку. Про выпечку он ничего не говорил, вот я и положила вам несколько пирожков с яблочками, а то совсем кушать-то нечего.

Желудок обречённо притих, дав мне возможность узнать у экономки вещи, не связанные с питанием. Я, стараясь быть невозмутимым и не очень заинтересованным, как бы между прочим спросил:

– А скажи-ка, Глафира, мой секретарь Джонсон проснулся уже после лечения его доктором?

– Да уже час назад приносила ему завтрак. Накинулся на пирожки, как живоглот какой-нибудь. И кофею целых три чашки выдул. Бодренький он, и не скажешь, что вчера чуть ли не при смерти был.

– Это хорошо! Тогда, Глаша, зайди к нему и приведи его сюда, а то после вчерашнего падения в каретном сарае и лечения его морфином он тоже может потерять память и не найти моего кабинета.

– Как же, такой живоглот потеряет... – буркнула Глафира, но тут же повернулась и вышла, тихонечко закрыв за собой дверь кабинета.

Как только экономка вышла, власть над моей сущностью взял желудок. И я, подвинув к столику стул, тут же накинулся на принесённые яства. А они для меня (что бы я ни думал) действительно были яствами. Я первый раз в этом теле насыщал свой непомерно требовательный желудок. Смолотил всё в течение минут десяти. Потом сидел и мучился, всё думал, не пойти ли мне опять на кухню и потребовать, чтобы повторили завтрак. Ну, хотя бы чтобы выделили с десяточек пирожков. Очень они мне понравились. Князь я или не князь – имею право нажраться от пуза тем, что мне понравилось. Я уже хотел плюнуть на все условности и пойти на кухню, как в дверь кабинета тихонько, весьма вежливо постучали. Я крикнул, чтобы заходили. И когда дверь открылась, увидел незнакомого господина лет тридцати. За ним стояла Глафира. Нетрудно было догадаться, что она привела моего секретаря Джонсона, и мне предстоит довольно непростой разговор. И кстати, повод потребовать пирожки был очень неплохой. И я требовательным тоном скомандовал:

– Глафира, быстро неси сюда побольше пирожков и самовар чая. Разговор у нас будет долгий, и предупреди там всех, чтобы не беспокоили.

Когда Глафира ушла, я нейтральным тоном пригласил Джонсона проходить. Затем коварно предложил усаживаться на привычное место. Я же не знал, кто же на самом деле ко мне пришёл – или это настоящий Джонсон, или его тело, в которое вселилась сущность моего друга и

виновника того, что я вынужден изображать великого князя. Тест Джонсон успешно провалил – слишком долго озирался и выбирал место, где ему сесть. Потом, прикинув, что он секретарь князя и должен находиться недалеко от работающего патрона, решительно передвинул стул, стоящий у круглого стола, к письменному и уселся на него. «Хм... – подумал я, – а об этом я и не подумал – может быть, этот стул всегда там стоял и это любимое место секретаря князя. А может быть, это хитрый ход Каца, чтобы проверить, настоящий ли сам великий князь, или это перевоплощение его приятеля? Если это настоящий великий князь, то он каким-либо образом выразит своё удивление поступком секретаря. А если это такой же попаданец, как он сам, то воспримет всё как должное. Хотя действие Джонсона со стулом весьма напоминало хитрожопость Каца, но я промолчал, сохраняя своё инкогнито. Завёл дежурный разговор о его самочувствии после вчерашнего происшествия. Так продолжалось до того момента, пока не принесли заказанные мной пирожки, две большие фарфоровые чашки и самовар со стоявшим на нём небольшим заварочным чайником. После того как всё это поставили на круглый стол и челядь удалилась, я, уже уверенный, что Джонсон это мой друг Александр Кацман, вселившийся в тело секретаря, чтобы вытащить своего приятеля-бедолагу из временного плена, широко улыбаясь, воскликнул:

– Ну что, Кац, задумался, пожрать на халяву, что ли, не хочешь? Гребни сюда, таких пирожков ты больше нигде не попробуешь! Хоть напоследок подкормимся с великокняжеского стола. Я уже на антикварном диване поспал, с дамой из высшего света побеседовал, пора и честь знать. Сейчас попьём чайку с элитными пирожками, и можно сваливать домой, в наше время! В процессе чаепития и расскажешь, что нужно делать, чтобы закончить этот эксперимент.

Саша ничуть не удивился, что его разоблачили, а каким-то печальным голосом начал вещать:

– Ты молодец, Мишка, не унываешь! Но только нет у нас теперь дома, всё исчезло – испарилось! Я поэтому здесь и появился, так как понял, что дело труба!

– Как труба? Ты что такое говоришь? С нами-то ладно – жертвы неудачного эксперимента, а что может произойти с миром, с другими людьми?

– Что, что... Я же говорю тебе, что наша реальность испарилась! На смену пришла совершенно другая. Хорошо, что я заметил изменения после того, как ты исчез в ходе эксперимента, и успел свалить сюда к тебе, а так бы тоже испарился.

– Убей, но ни хрена я тебя не понимаю, Кац! Объясни убогому сей научный высокоинтеллектуальный бред!

– Да ладно, всё ты понимаешь, я же знаю, что любишь научную фантастику. Наверняка читал, как изменился мир после того, как на машине времени один деятель посетил прошлое. Он там инстинктивно прихлопнул комара, а когда вернулся в своё время, то всё изменилось – дома, машины, и даже жена была другая. Вот и в нашем случае произошло похожее. Из-за грозы и взрыва шаровой молнии произошёл колоссальный скачок напряжения в сети. В это время хронограф погрузил твоё сознание в накопитель для детального исследования долговременной памяти объекта. И вследствие технического сбоя эксперимент вышел из-под контроля. Непонятно по какому физическому закону, но произошёл сдвиг временной константы, и сознание переместилось в тело объекта, череп которого изучался. С обоснованием возможности переноса во времени ментальной энергии будущие физики и математики, думаю, разберутся. Я в эти математические дебри даже лезть не буду, всё равно запутаюсь, школа не та. Но то, что сознание иницировалось именно в конкретной точке, я объяснить, думаю, в состоянии. Когда проходил эксперимент, все его этапы записывались компом. Там есть шкала, по которой можно судить о временном отрезке, когда сканируется долговременная память объекта. Так вот я смог вычислить, в какой день ты попал в тело великого князя, после чего пошла волна изменения реальности. Когда ты исчез из кресла, пропал и череп из камеры хронографа. У меня, конечно, случился шок, и я подошёл подышать свежим воздухом к окну и там чуть в осадок не выпал. Представляешь, напротив нашего института высилось громадное здание, а по улицам разъезжали автомобили совершенно незнакомых мне марок.

– Так это из-за меня всё, что ли? Я же ничего, в общем-то, и не делал, чтобы изменить историю. Только размышлял, как бы избежать участи, уготовленной историей великому князю. Ну, может быть, конечно, ночью и прибил инстинктивно пару комаров, мешающих спать. Здесь же нет москитных сеток, приходится вручную отбиваться от кровососов. И за это исчез без следа и я, и наш мир – нелепо всё это.

– А что тут нелепого? Ты своими действиями изменил историю. Твои папа и мама не встретились, вот ты и исчез. Череп Михаила Александровича пропал, так как он выжил в Перми, а может быть, вообще там не был. Так что история изменилась, и возвращаться нам некуда.

– Так ты-то что начал дёргаться? Сидел бы в Пушино и делал бы свою диссертацию. Какая тебе к черту разница, какие автомобили ездят и откуда новые дома появились.

– Да если бы всё было бы так просто и линейно... Скорее бы всего, наш институт тоже бы исчез, и я вместе с ним. Во-первых, архитектурно наше здание совершенно не вписывалось в стиль появившихся зданий. Во-вторых, у меня самого начали происходить изменения – когда всё было подготовлено и я сел в кресло, чтобы последовать за тобой, у меня уже испарились левая рука и часть ноги. Интересно, что исчезаешь ты не сразу, а постепенно и без всякой боли. А вблизи хронографа процесс идёт гораздо медленнее. Наверное, поэтому здание нашего института ещё стояло в том изменяющемся мире. Но мне стало ясно, что долго так не продлится, поэтому я включил форсаж и сделал всё для переноса личности в другое время, максимально быстро.

– Саня, ты меня хоть убей, а я не понимаю, как ты мог без помощи компьютера проверить эту операцию. Оператор же должен сидеть у компа, чтобы процесс пошёл. Да и скачок напряжения как ты мог организовать?

– А тут судьба пошла мне навстречу. Помнишь Юрку-электрика?

– Ещё бы! Это мой кореш, он мне литр смеси номер три (технический спирт, дистиллированная вода и вишнёвый сироп) должен!

– Так вот, он перед концом рабочего дня делал обход и зашёл в лабораторию. Я его за остатки твоего спирта подрядил на помощь в проведении эксперимента. И ещё пообещал, что его долг тебе беру на себя. Парень рубит в компьютере и отлично понял, что нужно делать, после того как я сяду в кресло. Он и наш большой лабораторный конденсатор соединил с хронографом. В нужный момент тот должен был дать большой импульс тока. Когда я сел в кресло и начал надевать шлем, то заметил, что левая рука и нога начали исчезать. Хорошо хоть голова оставалась целая, и я смог скомандовать начать эксперимент. Так что, Михась, мои мама и папа тоже не встретились, а может быть, они сами не родились в той реальности. Так что мы с тобой существуем только здесь и в этих самых телах.

– Ну, ни фиги себе, вот это мы с тобой замутили историю! Получается, что если хотим жить и дальше, то обязаны не допустить в России революций. Ты хоть думал над этим, и что предполагаешь нам следует делать?

– Судя по тому, что череп великого князя исчез из камеры хронографа, его не убили в Перми. Мне кажется, что когда я здесь появился, череп Джонсона тоже должен испариться. Это говорит о том, что история пошла другим путём, и вполне возможно, никаких революций и не было. Но, к сожалению, теперь мы это не узнаем. Да и вообще всё наше знание истории, начиная с сентября 1916 года, лучше всего забыть. Легче будет жить в этом мире.

– Ага, скажешь тоже, забыть, и Ленина с Троцким, и Керенского с князем Львовым и прочими деятелями, развалившими страну – да не в жизнь! Только мы это забудем, вольёмся в местный бомонд и будем жить тихой нормальной жизнью, как история сделает кульбит, все эти фигуры вернутся и нас кончат не в Перми, а, допустим, здесь, в Гатчине.

– Так что, ты предлагаешь начать охоту на тех, кто нам известен и участвовал в организации революций?

– Да нет, это бесперспективно! Во-первых, мы всех не знаем, а во-вторых, даже кого и знаем, вряд ли сможем достать где-нибудь за границей, даже пользуясь моей громкой фамилией. Царская охранка не смогла достать, а тут два дилетанта что-то пытаются сделать.

– Так что ты тогда мозги канифолишь? Свалим из России в Штаты и заживём там как белые люди. Поучаствуем в промышленной революции, глядишь, первые и компьютер изобретём. Не стоит лезть в политику и во всякие там разборки, не наше это. Наука, вот ради чего стоит жить. Ты человек богатый, на первое время нам бабла хватит, а затем наступит мой черёд генерировать научные открытия, за которые буржуины будут писать кипятком и отваливать кучу денег. Ты представляешь, здесь ещё даже пенициллина нет, так что с моими знаниями тут весь мир открыт.

– Думал я над вопросом эмиграции из России, но пришёл к выводу, что это бесполезно. Коминтерновские ребята достанут в любой точке мира. Большевики ни за что не забудут, что где-то обитает легитимный претендент на российский престол. Да и буржуины спокойно жить не дадут, всё время будут уговаривать стать знаменосцем борьбы против коммунизма. Вот ты да, спокойно можешь жить на Западе – никому Джонсон как политическая фигура не интересен.

– Да ладно, Михась, ты же знаешь, я тебя не оставлю! Вместе попытаемся решить эту проблему. Мы же, в конце концов, дети XXI века и собаку съели во всяких интригах и комбинациях. Ты, я знаю, во всяких там стратегических игрушках, очень даже преуспел. Ну а я на своём поприще разных интриг посмотрелся. Так что ничего, прорвёмся!

– Да, Кац, точно прорвёмся! Это и не только по исчезнувшим черепам понять можно, но и потому, что в богом забытом, драном Пуцино появились громадные здания, а по улицам ездят шикарные тачки. Значит, получается, что страна богатая и не было в ней таких потрясений, как в нашей России. И экстраполируя это на нас, мы получаем то, что двум дилетантам от политики и управления что-то сделать удалось. Давай бери пирожки! Сейчас перекусим и начнём строить нашу диспозицию и воздушные замки.

Пирожки исчезли стремительно, Саша тоже распробовал их вкус и, видя рвение, с каким я их поедаю, подналёг на это роскошество, чтобы хотя бы догнать меня.

– Это тебе не наша институтская столовка, – произнёс я, когда пирожки уже закончились, при этом удовлетворённо поглаживая себя по животу. После этого началась наша мозговая атака на решение поставленной историей задачи.

Во-первых, мы начали прикидывать наши возможности, чем всё-таки располагаем. Получалось, что практически ничем. Политическим влиянием как великий князь, так и его секретарь Джонсон не обладали. Нарботанных связей в жандармерии, полиции и других госструктурах не было. Даже в армии Михаил Александрович мог рассчитывать на поддержку только одной Кавказской туземной дивизии, где офицеры и всадники его хорошо знали и, в общем-то, боготворили. Да и с деньгами было не особо хорошо. Наличных практически не было, а чтобы реализовать, допустим, имение Брасово, нужна была уйма времени. Да и покупателей на недвижимость, в связи с войной, практически не было. Единственным плюсом в области финансов было то, что больших долгов не было. Одним словом, ничего существенного, за что можно было зацепиться в таком грандиозном деле, как изменение истории, не имелось. Поэтому если хотим жить, придётся цепляться за то, что есть, а именно за офицеров и всадников Дикой дивизии. Было решено, что любым путём эту самую Дикую дивизию следует к февралю 1917 года передислоцировать под Петроград, в ту же самую Гатчину. И в случае если не удастся умиротворить общество, использовать джигитов для наведения порядка. Вырезать к чёртовой бабушке временное правительство и весь Петросовет. Как Саша, так и я оперировали большими цифрами, и гибель нескольких тысяч человек меркла перед миллионными жертвами в ходе пролетарской революции и гражданской войны. Кац, как, впрочем, и я особо гуманизмом не страдали. Реалии жизни не воспитали в нас эту черту. А спрашивается, как можно было стать гуманистом во времена второго пришествия капитализма в Россию. Единственное, что можно было по этому вопросу поставить нам в плюс, это то, что к силовым кровавым мерам мы собирались прибегнуть только в случае безвыходной ситуации. Когда все другие действия не приведут к снятию революционной ситуации в России.

Как снять эту чёртову революционную ситуацию, было не очень понятно. Ясно было одно – всё усугубляется войной. Абсолютно точно, что Первую мировую войну нужно было как-то прекратить. Но мы понимали, что заключение сепаратного мира с Германией это фантастика. Во-первых,

неясно, как это сделать, когда нынешняя элита России будет резко против этого. Во-вторых, союзники по Антанте сделают всё, чтобы этого не допустить. А возможности у их спецслужб для этого есть. Ухлопают сторонников этого курса на раз-два. Когда мы обсасывали эту безвыходную ситуацию, я в сердцах ругнулся и заявил:

– Вот, чёрт возьми, незадача! Какого рожна Николашка назначил командующим Западным фронтом Эверта? Если бы ни его нерешительность, то всё было бы иначе. Поддержи он своими действиями наступление Юго-Западного фронта генерала Брусилова, то немцы бы так же огребли, как и австрияки. Вон, в моей долговременной памяти сидит разговор с Брусиловым, тот камня на камне не оставил от страусиной позиции Эверта. Уже когда стала понятна позиция Эверта, сам Брусилов через его голову обратился к командующему левофланговой 3-й армией Западного фронта Лешу с просьбой немедленно перейти в наступление и поддержать его 8-ю армию. Однако Эверт не разрешил своему подчиненному сделать это, хотя возможность такая была. Резервы и материально-технические запасы имелись. Хороший удар привёл бы немцев к тому, что они бы сдались. У немцев и австрияков всё на соплях висит. И если бы в России не случилась революция, то они хрен бы продержались лето 1917 года.

– Михась, ну что ты всё мечтаешь? Всё как бы да если бы! Пускай положение хреновое, но реальное, вот и думай, как его улучшить, а не предавайся бессмысленным вздохам да ахам.

– Уж и помечтать нельзя, ишь, какой строгий секретарь. Нужно же ставить перед собой конечный результат, а мечты, может быть, и являются той задачей, к которой нам нужно стремиться.

– Какой? Воздействовать на Николая II, чтобы он снял командующего Западным фронтом Эверта? А ты уверен, что другой будет лучше? Я думаю, что сменой действующих лиц уже ничего не изменить. Если даже того же Брусилова назначить главнокомандующим вместо Николая II, то он не сможет повторить подобную наступательную операцию. Элемент неожиданности уже упущен, а немецкие генералы профессионалы и умеют делать выводы из чужих ошибок. До и мотивации воевать до победного конца у солдат практически нет – устал народ от войны.

– Да понятно всё! Что народ устал и не желает умирать за эту воровскую власть. Что финансы в заднице и уже рабочих рук не хватает, чтобы нормально обрабатывать землю. Всё катится в тартарары, и мы знаем это по истории, и я пересказывать её не буду. Глубинные причины нарастающего бардака нам не изменить. Что же делать? Времени до

февраля, когда этот бардак станет необратим, осталось совсем немного. Единственный вариант не допустить февральских событий – это успехи на фронте.

– Почему, есть ещё один вариант не допустить временное правительство до власти. И этим вариантом являешься именно ты. Николай же отречётся от престола в пользу тебя, вот и нужно для пользы дела принять этот крест.

– Да ты что, Кац, какой из меня император?

– Как какой – законный, из рода Романовых! Если династия останется у власти, то вокруг дома Романовых поневоле сплотится основная часть элиты и вся армия. Да и союзники в конечном итоге поддержат эту рокировку, по крайней мере финансово. И не будут сильно давить, чтобы Россия вела активные боевые действия. Ты на словах скажешь, что будешь продолжать войну, но там будет видно, как дело пойдёт. Мы сядем в глухую оборону, и пусть там союзники бодаются с немцами и австрияками, а мы в это время народ будем умиротворять. Потихоньку распускать по домам возрастных солдат, выпустим манифест о земле. И займёмся твоим пиаром. Нам главное сейчас отсидеться, пока союзники Германию не придушат, а уже потом можно будет выходить в белом смокинге и требовать нашу долю контрибуций.

– Думаешь, так прокатит?

– Зуб даю, век воли не видать!

– Ладно, Саня, верю я в твоё иудейское чутьё, а теперь у тебя появилась и англосаксонская натура. Навешать лапши на уши и вынудить союзников таскать каштаны из огня. Ну что же, это я поддерживаю. Да, Саня... гремучая смесь получилась – Кацман плюс Джонсон. Ха-ха-ха!

Смеялись мы оба, так нас и застала моя жена Наталья. Наверное, такое общение секретаря её мужа с великим князем она увидела первый раз, поэтому и застыла в дверях, не решаясь войти в комнату. С трудом подавив истеричный смех, я всё-таки смог сказать более-менее серьёзно:

– Натали, душа моя, я вроде бы чувствую себя гораздо лучше после вчерашнего происшествия. Тут ещё Николай повеселил. Кстати, ты начала готовиться к отъезду в Англию?

– Дорогой, а может быть, не нужно спешить?

– Нужно, Наташа, нужно! Информация идёт всё тревожней и тревожней. Германские агенты разогревают народ, и скоро может начаться бунт. Вон Николай, который всё время находился в Петрограде, тоже говорит, что скоро начнутся беспорядки. Я уезжаю на фронт и хочу, чтобы вы с сыном были в безопасности. И пожалуйста, никому не говори, что вы

с Георгием уезжаете в Англию. Всё нужно сделать быстро, тайно и тихо. У тебя рубли на счёте ещё остались?

– Конечно, на счёте в банке, Я практически и не пользовалась счётом. Хватало тех денег, что ты оставил на хозяйство, и тех, которые привозил управляющий именем Брасово. Мы же с Георгием графы Брасовы, вот и жили на доходы от нашей вотчины.

– Тогда так, все рубли снимай, конвертируй в фунты стерлингов и через управляющего переводи все их на наш счёт в Лондонском банке. Думаю, с уже лежащими там фунтами средств вам хватит надолго. И не только на безбедную жизнь, но и на содержание нашего замка Мебворт и на достойное образование для Георгия.

– Миша, ты так говоришь, как будто прощаешься с нами.

– Не придирайся к словам, на фронте все так говорят.

– Нет, ты что-то знаешь, а мне не говоришь. Ты стал какой-то другой, чужой! Скажи, у нас всё будет хорошо? Долго нам с Георгием находиться в Англии?

– Всё будет отлично, но только если будешь делать, как я говорю. Рассказать не имею права – дал слово, к тому же это государственный секрет. В Англии будете до окончания войны. И помни, я вас с сыном очень люблю и сделаю всё возможное, чтобы вы ни в чём не нуждались. И знай, время поджимает, и нужно как можно быстрее покинуть Россию. У меня сейчас совсем нет времени заниматься организационными вопросами вашего отъезда. Ты сама справишься с этим делом?

– Конечно! Наш управляющий возьмёт все технические вопросы на себя.

– Хорошо! Тогда немедленно выезжай в Питер и начинай заниматься этим вопросом. Извини, но у меня с Джонсоном сейчас сверхсрочная работа, связанная с безопасностью государства, и я не смогу тебя проводить в наш особняк. А вскоре я возвращаюсь в свой корпус, а значит, и в Англию не смогу тебя проводить. Но ты по этому поводу не раскисай – помни, я тебя люблю и все нынешние трудности временные. Будет и на нашей улице праздник. Кстати, когда приедешь в город, отправь водителя обратно в Гатчину. «Роллс-ройс» нужен будет Джонсону для деловых поездок. Понимаешь, дорогая, интересы государства требуют некоторых жертв. Да, и ещё, у меня из головы после вчерашнего удара молнии выпали многие бытовые детали. В частности, забыл, как зовут нашего управляющего. Кстати, он в Гатчине?

– Да, уже второй день дожидается, когда можно будет переговорить о делах. А зовут его Пётр Филимонович.

– Понял, тогда, если не трудно, перед тем как уехать, скажи ему, чтобы зашёл ко мне.

После, можно сказать, дежурного поцелуя, не очень довольная нашим разговором Наталья вышла из комнаты.

Глава 5

Кац во время этого семейного разговора скромно стоял у открытого окна. Когда жена ушла, он опять подошёл ко мне и уселся рядом на диване. Я, зная своего друга и ожидая от него подковырок и стёба в стиле Пушино, тут же продолжил разговор о наших первоочередных задачах. И постарался занять мозг Саши, спросив:

– Слушай, Кац, а ты подумал, стоя у окна, чем же именно ты, живший в XXI веке, можешь помочь нашим в этой войне. Сам понимаешь, чтобы снять напряжение в обществе, нужны победы в этой войне. Глухая оборона вряд ли успокоит солдат, особенно тыловых и резервных частей. Вспомни историю. Именно среди тыловиков и матросов, не принимавших непосредственного участия в боях, были самые революционные настроения.

– Да я после того, как попал в тело Джонсона, только об этом и думаю. И знаешь, кроме мысли о том, чтобы наладить синтез пенициллина и некоторых других видов антибиотиков, ничего в голову не приходит. Ну не специалист я в военном деле. Да и технологию производства антибиотиков знаю, так как интересовался этой проблематикой, когда учился в универе.

Я, довольный тем, что Кац не иронизирует по поводу моего семейного положения в этой реальности, приободрил его, сказав:

– Да ты что! Неужели ты знаешь, как произвести такие ценнейшие препараты? Да это же охренительно! Ты даже и не представляешь, как это важно для русской армии, да и вообще для всей страны. Сотни тысяч солдат, которые умирали от не очень-то и опасных ранений, смогут выжить, если им вовремя вколоть тот же самый пенициллин. Вот я, к сожалению, ничем подобным похвастать не могу. Как говорил технический персонал нашего института – могу паять, а могу и не паять!

– Да ладно, Михась, прибедняться – ты вон в армии служил, командовать людьми можешь. Опять же в технике разбираешься. Для этого времени ты ценное приобретение. Если будут необходимые материалы, ты таких тут гаджетов можешь понаделать, что мама не горюй.

– Ага, разбежался! Я даже технологию производства полупроводников не знаю, а ты говоришь гаджеты! Говорят тебе – могу паять, а могу и не паять! А если подумать, то могу и хорошо впаять. Надо, кстати, отработать с этим телом мой фирменный хук слева.

– О-о-о... если начал вспоминать про хук слева, то значит, у тебя

начинают наклёвываться какие-то интересные мысли. Колись давай!

– Слушай, Кац, ты химию хорошо знаешь?

– Какую, органическую или неорганическую?

– Ракетное топливо нужно изготовить. Конечно, не для баллистических ракет, а таких, которыми «Град» пуляет. Что-то типа «Катюши» хочу изготовить. Как ты сам понимаешь, из вооружения мы ничего существенного предложить не можем – школа не та. А вот что-то типа «Катюши» нынешняя российская промышленность производить сможет. Дело за малым – для ракет нужно топливо. В идее «Катюши», я думаю, нет ничего экстраординарного, и я вполне смогу донести местным инженерам принципы действия этой залповой пусковой установки. А вот об её ракетах ничего рассказать не смогу, в этом я пас. Сам понимаешь, если у нас получится разработать «Катюши», Россия может хорошо прижать даже Германию, не говоря уже об Австрии.

– Знаешь, а, пожалуй, можно попробовать спроектировать реактивный пороховой двигатель. Я ещё в школе увлекался ракетной техникой, даже в кружок юных космонавтов ходил. Так там нам рассказывали весьма подробно о реактивном снаряде М-13. И мы даже запускали небольшие пороховые ракеты на полигоне. Пороховые заряды для них готовили сами. Я чуть ли не дословно помню лекцию нашего руководителя и бывшего командира дивизиона «Градов» Семён Семёновича о первых советских ракетных системах залпового огня. А ещё он как-то раз рассказал о напалме. И не просто рассказал, а целую лекцию прочитал, как его изготавливают. Кстати, всё очень просто, и в начале двадцатого века это вполне можно сделать.

– Ну, Кац, ты просто ценный кадр. Как синтезировать антибиотики, знаешь, о ракетном снаряде для «Катюши» целую лекцию прослушал, да и напалм изготовить можешь. Только вот я одного не пойму, ты лекции о ракетных снарядах и напалме ещё в школьные годы слушал, и как ты сможешь вспомнить все детали, которые требуются для их производства.

– Ха, ты не знаешь Семёныча! Этот полковник в отставке так мог рассказывать и всё объяснять, что переданная им информация запоминается на всю жизнь. Не знаю, как уж военному, а как педагогу ему цены нет. Вот хочешь, я почти дословно приведу его слова об устройстве ракетного снаряда М-13.

– Давай, интересно послушать, что ты запомнил.

– Вот, пожалуйста – реактивный пороховой двигатель состоит из камеры, крышки-сопла, колосниковой решетки, порохового заряда, воспламенителя и стабилизатора. На наружной части обоих концов камеры

имеются два центрирующих утолщения с ввинченными в них направляющими штифтами, которые удерживают снаряд на направляющей до выстрела.

– Ну, ты даёшь, Кац, – монстр просто!

– Да это ладно, вот историю я знаю плохо. В двигателе используется нитроглицериновый порох, а кто его знает, производился ли он в это время.

– Я тоже не знаю, но скорее всего, что производился. В конце концов, озадачим профессионалов, они что-нибудь придумают. Пиши давай в нашем плане действий этот вопрос срочно провентилировать.

– Кстати насчёт изготовления напалма тоже вопросы есть. Если замутить простейший, то тут всё просто – замешать бензин или керосин с загустителями из алюминиевых солей и органических кислот и можно выжигать немчуру в их окопах. Но такой напалм всё-таки менее эффективен, чем напалм «В», который прилипает даже к влажным поверхностям. Он даёт температуру сгорания 1200–1500 градусов против 900 у обычного напалма. Вот только для его изготовления нужен полистирол, а я не в курсе, производился ли он в 1916 году.

– Да наплевать на этот напалм «В»! Если у нас получится обеспечить русскую армию даже обычным напалмом, то немцам мало не покажется.

– А что ты всё немцы да немцы, австрийцев ты что, противником не считаешь?

– Конечно, считаю, но с Австрией у России счёт побед и поражений идёт в нашу пользу, а вот с Германией нет. Одна гибель армии Самсонова в Мазурских болотах чего стоит. Понятно же, что в столь сжатые сроки, даже пользуясь громким именем Михаила Романова, много «Катюш» или там большой объем напалма не изготовишь. Так что насыщать новым оружием нужно в первую очередь армии, сдерживающие германцев. Немецкие генералы вояки опытные, и когда наша армия применит несколько раз «Катюши» и напалм, то они вряд ли будут планировать большое наступление против Русской армии, тем более когда противник вроде бы не дёргается и сидит в глухой обороне. В то же время снимать части, чтобы перебросить их на западный фронт, страшно, а вдруг русские, применяя это страшное оружие в больших масштабах, пойдут в наступление. Так что пара дивизионов «Катюш» и с десятков тонн напалма могут решить наиглавнейшие в данный момент задачи. Не нарушая обязательств перед союзниками, дать возможность русской армии передохнуть. Так сказать, переформатироваться. А если Германия не будет перебрасывать свои дивизии на западный фронт, то мы вполне можем потребовать у союзников новых кредитов. Так как я буду инициатором разработки и применения

этого оружия, то вполне могу просить брата, чтобы он именно меня назначил распорядителем этих новых кредитов. И тогда наконец появятся средства, чтобы создать подушку безопасности. Не денежную, конечно, а продуктовую. Это поможет избежать в 1917 году голодных бунтов.

– А где ты это всё хранить будешь? И охрана там нужна надёжная. Ведь история показала, что случилось с Бадаевскими складами. А тут если не подожгут, то натравят на эти склады пьяных матросов и дезертиров. Даже если охрана надёжная, от этих ребят трудно будет отбиться.

– Вот поэтому склад, а скорее всего несколько, нужно размещать не в самой столице, а в тихих пригородах. А на охрану поставить я уже даже знаю кого.

– Опять своих джигитов из Туземной дивизии? Они же кавалеристы, непоседы и не смогут длительное время охранять один стационарный объект. Начнут рыскать по окрестностям и беспокоить, а тем паче грабить местных жителей.

– Да не беспокойся, всадников-горцев на караульную службу я ставить не собираюсь, слишком сильный вой поднимется среди либералов. Джигиты действительно слишком заметны, тем более в тихих пригородах столицы. На это дело постараюсь передислоцировать под Петроград пару батальонов из Осетинской пешей бригады. Она придана Кавказской туземной дивизии и в ней можно набрать с тысячу спокойных, уравновешенных солдат. А ещё я хочу подрядить на караульную службу пластунов из 6-й Донской казачьей дивизии. Она входит во 2-й кавалерийский корпус, которым сейчас командует великий князь. Так что полномочий у меня хватит, даже не придётся беспокоить царя или вышестоящего командующего армией. Думаю, что при нынешнем бардаке можно будет по-тихому перебросить к столице пару тысяч человек. Это же не снимать с фронта целое соединение, тем более такое, как Дикая дивизия или 6-я Донская казачья дивизия. Судя по долговременной памяти великого князя, которая мне доступна, бойцы осетинской пешей бригады дисциплинированные солдаты, не склонные к буйству. А что касается пластунов, то это вообще нечто – сутками могут сидеть в засаде, при этом оставаясь незаметными для противника. Мимо караула пластунов даже мышь незаметно не проскочит. А их командир, есаул Платов, это образец русского офицера – смелый, исполнительный и обязательный. Что немаловажно, как осетин, так и казаков никаким агитаторам не удастся переубедить нарушить присягу. Эти ребята так воспитаны, что до конца будут выполнять приказы своих командиров. А так как я командир их корпуса, да к тому же великий князь из рода Романовых, то за точное

выполнение моих распоряжений можно не беспокоиться.

– Растёшь, Михась, чувствуется, что голубые гены великого князя начали действовать на твою сущность. А если серьёзно, то мысль о создании продовольственной подушки безопасности весьма здравая. А ещё, по моему мнению, не нужно забывать о тактике действий конца XX века. А именно – разлагай и властвуй. Именно так Запад раздавил СССР. Вот и нам нужно подумать, как сначала разделить, а потом разложить всех этих социал-демократов.

– Да, Кац, всё-таки чувствуется в тебе влияние еврейских генов. По поводу твоего предложения хочу заметить, что у социал-демократов и так были противоречия. Но в их рядах в основном были идейные люди, которые ради своей великой цели наплевали на эти противоречия. Фанатов не купить и не разложить, но их можно обмануть. Подсунуть не менее великую цель. Так как среди социал-демократов было много евреев, то нужно предложить им сосредоточиться на исполнении чаяний их народа – на создании государства Израиль. Союзником в этом готов стать великий князь Михаил Романов. Да после того как ты доведёшь до руководства, допустим Бунда, предложение великого князя, то многие социал-демократы из противников Романовых станут их союзниками.

– А почему я? У меня же нет никакой дипломатической хватки. Да и где найти этих самых руководителей Бунда?

– А я почём знаю? Это ты еврей, тебе и искать. К тому же ты ещё и мой секретарь, вот и выполняй свои обязанности. Патрон идеи даёт, а секретарь делает всю чёрную работу. К тому же мне нужно обеспечить всю силовую составляющую нашей авантюры. А за тобой все интриги и комбинации.

– Да пошёл ты! Вот возьму и свалю в Штаты, наукой заниматься! А то интриги, комбинации – Макиавелли нашёл!

– Что, бросишь своего друга на растерзание большевикам? Да ты представляешь, чего мы можем добиться, в частности, для твоих соплеменников? Во-первых, создание ещё в начале века государства Израиль. Во-вторых, не произойдёт такого кошмара, как холокост. Миллионы невинных людей останутся живы. Если будем пахать как негры, засунем в задницу свои амбиции и лень, то можем осчастливить и Россию и Германию, да в общем-то весь мир. Не будет ни бредового социализма, ни фашизма, и в живых останутся сотни миллионов простых людей. Какого-нибудь Ульянова или Троцкого мне абсолютно не жаль, а вот простого Васю Пупкина жалко до слёз!

– Да, Михась, умеешь ты убеждать. Хорошо, буду пахать как негр на

плантации. Включу весь свой интеллект и сионские таланты. Постараюсь быть хорошим агентом влияния среди бундовцев, да и других социалистов, анархистов и прочей братии противников монархии. Свободу, мать твою, трудовому народу! Фабрики рабочим, а землю крестьянам! Анархия мать порядка! Капиталистов на сук, а Романовых в топку. Ну как, примут меня в свои ряды противники империи?

– Хватит стебаться, мы же обсуждаем серьёзные вопросы. Начнёшь хохмить в среде революционеров, быстро огребёшь по самое не могу. У них все эти лозунги кровью по сердцу написаны, а тут какой-то фигляр издевается.

– Ладно, буду действовать по-хитрому, в стиле XXI века. А вообще-то я думаю, что самое умное это заболтать интеллигентов, проповедующих радикальные взгляды. Для этого создать фейковую революционную партию, с боевыми красивыми лозунгами и талдычить, талдычить им, что нужно работать с народом. Образовывать его, организовывать для рабочих и крестьян разные там школы и другие нужные вещи.

– Кац, не будь наивным, «народники» существовали несколько десятков лет, а толку-то? Радикалов среди образованных людей меньше не стало, а среди рабочих стало больше. Вообще-то, Саня, есть в твоих словах интересная идея. Это насчёт организации фейковой боевой рабочей партии. Под тайным патронажем великого князя наберём туда людей поязыкастей, лозунги придумаем сами и пустим её плавать в политический шторм России. Конечно, за то небольшое время, которое осталось стране до революций, эта партия большой рейтинг не наберёт, но всё равно оттянет на себя часть электората социал-демократов, анархистов и эсеров. А если ещё евреев, входящих в Бунд, заинтересуем идеей создания государства Израиль, то наверняка снизим потенциал надвигающейся на Россию политической бури.

– Так тогда что – основное внимание концентрируем на общественно-политической жизни страны? Значит, тебе не стоит ехать в свой корпус. Питер покидать не стоит. По-любому всё будет решаться не на фронте, а здесь в столице!

– Так-то оно так, но без силовой поддержки, вся наша политтехнология XXI века не будет стоить и ломаного гроша. Даже небольшая группка профессиональных революционеров, завязанных с германскими спецслужбами, способна будет совершить октябрьский переворот. Как-то я беседовал с парнем, закончившим исторический факультет МГУ, так он утверждал, что это финские егеря в октябре 1917 года заняли Зимний дворец и самые важные объекты Петрограда. И

действовали они по грамотно составленному плану. В этой операции, разработанной германским Генштабом, были задействованы весьма небольшие силы – всего-то батальон финских егерей и небольшая группа профессиональных революционеров-марксистов. А массовка, организованная Петросоветом и Троцким, не более чем спектакль, устроенный, чтобы скрыть участие во всём этом Германии. Когда отобранных немецкими специалистами профессиональных революционеров перебрасывали в сторону дырявой границы между нейтральной Швецией и Великим княжеством Финляндия, то они все спокойно поместились всего лишь в один спальный вагон Германских железных дорог. Силовая поддержка группы Ленина была хорошо обучена и состояла из финских добровольцев, участвовавших в егерском движении. Егерское движение возникло в начале XX века как ответная реакция на политику русификации. По мнению активистов, незаконное положение давало им право отвечать на насилие насилием. Движение егерей привлекало в свои ряды в особенности студенческую молодежь. Первые группы добровольцев тайно отправились в Германию для получения военного обучения в начале 1915 года, а в конце того же года в Финляндии началась тайная вербовка по всей стране. Весной 1916 года из группы финских добровольцев сформировали Прусский Королевский батальон егерей № 27 под руководством майора Максимилиана Байера. Вот этот батальон, по существу, и сделал октябрьский переворот в Петрограде. Думаю, если удастся перебросить под Петербург хотя бы одну Кавказскую туземную дивизию, то ей вполне по силам, даже в городских условиях нейтрализовать хорошо обученных финских егерей. В принципе, хватило бы и Осетинской пешей бригады, но нельзя забывать о латышских стрелках, революционных матросах, массе солдат, проходящих службу в частях Петербургского гарнизона и категорически не желающих отправки на фронт. С военной точки зрения все эти формирования не представляют особой организованной силы, но их много, и одними городскими их не утихомиришь. А несколько тысяч джигитов в боевой экипировке, гарцующих по Невскому проспекту, наверняка вправят мозги самым буйным и внесут умиротворение в души остальных.

– Как-то странно, что всего один батальон смог сковырнуть такую гигантскую империю с многомиллионной армией.

– Вот видишь, как бывает – несколько сотен обученных, дисциплинированных и, что немаловажно, мотивированных людей ставят раком историю всего человечества. Но причина и в том, что сама Россия была готова к резким переменам. У власти и народа накопилось слишком

уж много противоречий. Тем более на фоне изнурительной мировой бойни. Ценность жизни человека опустилась ниже плинтуса, и многим терять уже было нечего. Как говорили идеологи коммунизма – низы не хотели, а верхи не могли. Так что, Саня, судьба, ведомая твоей рукой, забросила нас в это время, наверное, для того, чтобы мы исправили этот несуразный крендель истории. Повысили потенцию верхов и хоть немного улучшили жизнь низов.

– Да плевать я хотел на всё это! Главное, самим выжить!

– И это правильная мысль. Но чтобы это сделать, нужно следовать народной мудрости – хочешь жить, умей вертеться. Вот и будем вертеться, как ужи на исторической сковородке. Ты работая со своими соплеменниками и с социал-демократами, ну а я, как получивший тело великого князя, с элитой российского общества.

– Слушай, Михась, а ты здорово изменился. Начал думать не только о себе и своём байке, но и о стране. Разрабатывать далеко идущие планы. Не иначе на тебя воздействует интеллект Михаила Александровича. Значит, кроме долговременной памяти, остались часть интеллекта и умение рассуждать от прежнего хозяина тела. Давай-ка протестируем друг друга, чтобы понять, какие изменения произошли в нашем мозгу после переноса в новые тела. Нужно же понять, как изменился интеллектуальный уровень личности, на что можно рассчитывать в этом мире.

И мы начали процесс тестирования: во-первых, стали задавать друг другу каверзные вопросы, чтобы проверить память и сообразительность, а когда перешли к решению логических задач, в дверь постучали. Пришлось остановить процесс тестирования, и я крикнул, что можно войти. Появившийся мужчина лет сорока, одетый, несмотря на жару, в костюмную тройку серого цвета, к тому же держащий в руке небольшую шляпу, открыв дверь, нерешительно остановился у самого входа. Увидев его, я сразу же вспомнил, что просил жену найти нашего управляющего и направить его ко мне в кабинет. Вспомнил я и имя, которое мне назвала Наталья. Поэтому когда мужчина в нерешительности встал в дверях, не зная, куда ему направиться, или к письменному столу, или к дивану, на котором, развалившись, сидели великий князь и его секретарь Джонсон, я воскликнул:

– Ну что же вы, Пётр Филимонович, встали в дверях? Подходите к нам и садитесь вон на тот стул. Шляпу можете положить на секретер. Разговор у нас будет долгий и обстоятельный. Вы, наверное, слышали о вчерашнем происшествии?

– Да, конечно, – ответил управляющий, усаживаясь на указанный стул,

стоящий у круглого стола.

А я между тем, обосновывая свою забывчивость и незнание местных реалий, заявил:

– Понимаете, Пётр Филимонович, когда рядом со мной произошёл разрыв шаровой молнии, я упал и, по-видимому, обо что-то ударился головой. Особых травм не получил, но вот с моей памятью случилось что-то непонятное. Некоторые события из собственной жизни забыл полностью. Вот, например, последнюю нашу встречу и о чём мы там с вами говорили, не помню. Отчёт о состоянии моих счетов и имущества тоже вылетел из головы. Расспрашивать об этом жену, которая в курсе всех денежных и хозяйственных дел, как-то не хочется. Так что, Петр Филимонович, прошу подробно доложить о состоянии моих финансов и имущества. На всякий случай Джонсон будет записывать вашу информацию. Вдруг я опять что-нибудь забуду, а вы будете далеко. Ведь война продолжается, и не сегодня-завтра я опять выезжаю на фронт в свой корпус.

Петр Филимонович, ничуть не удивившийся моей просьбе (наверное, уже знал о проблемах с памятью у великого князя), начал свой доклад. Кац, тоже не удивившись, что ему придётся записывать приводимые данные, перевернул лист блокнота, в который мы заносили планируемые действия, и принялся туда записывать, какими мы обладаем средствами, чтобы эти действия начинать выполнять. Из этого доклада получалось, что живых денег и ликвидных ценных бумаг было не очень много. Великий князь, конечно, не был беден, но средств для изготовления новых видов вооружения не было. А так хотелось, не обращаясь в военное министерство или непосредственно к Николаю II, взять и предъявить им уже готовый напалм и пару дивизионов катюш. «Но что делать, придется вышибать из государства нужные для осуществления нашей задумки средства», – думал я, выслушивая весьма обстоятельный доклад управляющего. Вывод из этой речи напрашивался простой, чтобы вкусно кушать и красиво отдыхать, денег хватит, а вот что-либо сделать полезное для страны, средств не было.

Когда Пётр Филимонович закончил свой доклад, я завалил его вопросами об уровне цен на продукты в Петербурге и сколько получает один рабочий. Управляющий путался, краснел, утверждая, что нынешние цены и жалованье отличаются от тех, которые были до войны. Говорил, что статистику довоенных цен он хорошо помнит, а вот сейчас всё меняется очень быстро и невозможно за всем этим безобразием уследить. Видно, не хотел докладывать великому князю, как война бедственно сказывается на благосостоянии народа. Но всё-таки из Петра Филимоновича удалось

выжать некоторые данные. Например, что батон ржаного хлеба сейчас стоит аж пятак, а до войны он стоил 4 копейки. Батон белого сдобного хлеба, который кушают господа и который стоил в предвоенном 1914 году 7 копеек, сейчас взлетел до гривенника. И такое значительное удорожание наблюдается практически по всем видам продуктов. А жалованье у людей увеличилось не на много. Прислуга как получала до десяти рублей в месяц, так и получает. А у рабочих дневное жалованье возросло копеек на пятьдесят, не больше: каменщик сейчас получает в день два рубля, а до войны 197 копеек, кузнец – 233 копейки, а раньше 226; зарплата средней квалификации слесаря составляет 275 копеек, а в четырнадцатом году – 263 копейки в день. По словам управляющего, в связи с войной очень сильно подорожали лошади для повозок. Если раньше средняя лошадка стоила не больше ста рублей, то сейчас просят и сто пятьдесят. Правда, стоимость ломовых (рабочих) лошадей не увеличилась, можно было договориться о покупке такой за семьдесят рублей, как и до войны. Стоимость обычной коровы тоже не увеличилась, как была от 60 рублей, так и осталась. А вот цена свежего молока почему-то возросла в среднем на 2 копейки, и сейчас его можно взять не дешевле 16 копеек за литр. Из продуктов особо не подорожала только рыба и икра. Окунь стоит – 28 копеек за килограмм; судак – 50; сёмга – 80; осётр – 90.

Лично меня зацепила стоимость килограмма чёрной икры – она по сравнению с жалованьем обычного государственного служащего, да и низкооплачиваемого работяги была смешная. Икра чёрная зернистая 1-го сорта стоила 3 рубля 20 копеек за килограмм, а, допустим, паюсная 1-го сорта – 1 рубль 80 копеек. В то же время учителя старших классов гимназий получали от 80 до 100 рублей в месяц, а обычный землекоп от 30 до 35 рублей. То есть получается, что любой получающий зарплату человек мог кушать чёрную икру ложками и не только для куража, а сделать её основным видом питания. Мне чуть не стало дурно, когда я подумал о том, сколько можно было закупить чёрной икры на жалованье командира корпуса, оставляющее 725 рублей в месяц. Именно такую должность занимал великий князь. Ну, допустим, командиров корпусов было не так уж и много и жалованья их могли, конечно, быть запредельными, но полковников-то было много. Так вот полковник царской армии получал от государя жалованье в размере 320 рублей в месяц.

В процессе беседы мой мозг работал, как процессор, ведь Пётр Филимонович оперировал фунтами, а чтобы понять уровень цен, мне приходилось в уме рассчитывать, сколько стоит килограмм продукта. Нелёгкая эта работа, и когда разболелась голова, я прекратил мучить

управляющего своими вопросами о стоимости продуктов. Потом шёл разговор о финансах, сначала моих, и главный вопрос здесь был, где же найти средства на возникшие в голове великого князя проекты. Из слов управляющего получалось, что в этом вопросе помочь сможет только император. Кредит у банкиров без надёжного обеспечения сейчас взять было проблематично даже для члена семьи Романовых. То есть я мыслил правильно, придя к выводу, что, только уговорив брата на финансирование идей создания катюш и напалма, можно рассчитывать на реализацию этих проектов. Получалось, что посещение ставки в Могилёве, где сейчас находился Николай, в настоящее время самое главное. И не просто посещение, а установление действительно братских отношений с императором. Кровь из носа нужно было его очаровывать. И не только самодержца, но и людей из его ближнего окружения, к мнению которых император прислушивался. Задача непростая, если учитывать мою прошлую жизнь. Парень я был ершистый и обычно с пеной у рта доказывал своё представление о мире. А тут нужно было, можно сказать, лечь под идиотские представления о жизни и тактике ведения войны. Наверняка же сцеплюсь с начальником генерального штаба Алексеевым, пытаюсь внушить ему проверенную ХХ веком тактику ведения войны, и, естественно, прослышу прожектёром, которому не стоит доверять государственные деньги. Все эти напалмы, катюши и прочие чудачества сродни идеям великого князя, вроде концентрации сил на узких участках фронта и стремительного наступления, пренебрегая флангами и тылами.

Не смогу я доказать закончившим академию генералам, что не нужно бояться окружения. Подумаешь, отрежут от основных сил, так перед тобой тылы противника и трофейное оружие ничуть не хуже, чем российское. И боеприпасов к нему на тыловых складах полно. Если проникающих ударов будет несколько, то у командования противника просто крыша поедет. Не смогут они найти столько резервов, чтобы заткнуть все образовавшиеся дыры. А наши части в это время будут потрошить тыловую инфраструктуру немцев или австрийков. Несомненно, российская армия способна на такие удары, и это показали действия Брусилова. Конечно, Брусиловский прорыв высосал из России все силы, и теперь такие масштабные операции нам не по плечу. Значит, нужно бить не фронтами, а, допустим, армиями или корпусами. У русского командования, после гибели армии Самсонова, несомненно, образовался комплекс на такого вида операции, но этот комплекс нужно преодолеть. Чтобы хоть как-то сбить революционный накал, с фронтов должны приходить хорошие новости. Пусть победы будут не такими масштабными, как Брусиловский прорыв,

но с представлениями XXI века о пропаганде, думаю, можно будет даже малейший успех представить как грандиозное событие. Главное, чтобы на фронте происходила положительная движуха. Нам бы 1917 год продержаться, а потом немцев задавят, и в 1918 году они капитулируют. Тогда, глядишь, и Николай II останется императором. Как человек он хороший, да если войны не будет, то и царь неплохой. Вон какой у страны до войны экономический рост был, больше, чем у США. Казалось бы, мягкий, не волевой человек на троне, а страна-то развивалась семимильными шагами. Во время катаклизмов он не тянет как царь, а в спокойное время самое то. Я буду биться за трон только в крайнем случае – если брата всё-таки вынудят отречься, то тогда придётся вешать это ярмо себе на шею. Должен быть у России самодержец – в крови у народа это. Если не будет царя, то однозначно начнётся бардак и гражданская война.

Глава 6

Только я хотел наметить своё поведение при встрече с царём, как ход мыслей сбился. Монотонный бубнёж Петра Филимоновича прекратился. А под него так хорошо думалось. Пришлось возвращаться в реальный мир, где нужно действовать, а не размышлять. Первое, что я увидел в реальном мире, это глаза управляющего, они смотрели на меня вопросительно и как-то беспомощно. Ещё в армии жалеть подчиненных меня отучили, а оказать помощь я мог только загрузив бедолагу каким-либо делом. Вот и сейчас командирским тоном распорядился:

– Пётр Филимонович, сейчас поступаете в распоряжение Натальи Сергеевны. Окажите всемерную помощь жене в подготовке к отъезду в Англию. После того как она уедет, поступаете в распоряжение моего секретаря Джонсона. Все доходы от моих имений и дивиденды от ценных бумаг будете передавать ему в тот же день, как получите. И ещё, постарайтесь найти банк, где можно будет взять кредит под залог какого-нибудь имения, можно даже Брасово или дома в Петрограде. Деньги, Пётр Филимонович, срочно нужны для производства нового вида вооружений. Если мы опередим немцев в производстве этого чудо-оружия, то тогда выиграем войну, и все затраты вернутся сторицей. Сами понимаете, в этом деле раскачиваться нельзя, у немцев слишком хорошие мастера, и они смогут быстро наладить производство нового оружия. Хотя это наши военные инженеры придумали это оружие и передали чертежи мне, но немецкие шпионы могут всё пронюхать. Вот я и хочу не передавать документацию в военное министерство, а на свои средства изготовить это чудо-оружие. Чтобы оно, как снег в июле, обрушилось на супостата. Только доверенные люди, вроде тебя, Пётр Филимонович, могут быть допущены до этих секретов. Понял, Петр Филимонович, как я тебя ценю, и что Россия ждёт от тебя помощи? Кроме поиска денег, нужно, чтобы ты молчал, для чего они нужны великому князю. Сошлись там на большой карточный долг или ещё на какую-нибудь причину. Ты понял, Пётр Филимонович?

– Да-с, Михаил Александрович! Приложу-с все усилия! Понимаю я, как тяжело сейчас России и вам. Вон даже свои деньги готовы тратить на благо православным. Я тоже хочу отдать на это оружие свои накопленные деньги. У меня их, конечно, немного, но пять тысяч рублей готов!

Меня тронули слова управляющего, и не только меня, обычно невозмутимый Кац воскликнул:

– Петр Филимонович, вы истинный патриот России!

Чувствуя, что мой друг вот-вот разразится пафосной речью в стиле XXI века, я перехватил разговор на себя, сказав:

– Спасибо, Пётр Филимонович! Ваш поступок навёл меня на мысль попытаться собрать деньги на новое оружие среди патриотично настроенных подданных императора. Вы человек проницательный и, по моему мнению, способный определить, стоит ли человеку доверять секреты. А значит, вполне сможете провести среди своих знакомых работу по сбору средств. Поручаю вам эту деятельность с сегодняшнего дня. Собранные средства будете отдавать тоже Джонсону, под расписку. Я вскоре опять отправляюсь на фронт, так что всеми делами по производству образцов нового оружия будет заниматься мой секретарь. Вы, я думаю, понимаете, что это не благотворительность, и не надо при сборе средств говорить о раненых и пострадавших от войны людях. Это всё банально. Упор делать на оружие победы. Чем быстрее оно поступит в армию, тем быстрее закончится война, и нашей победой.

Мысль о сборе средств у местной буржуазии возникла спонтанно и показалась мне весьма интересной. Неизвестно, как сложатся у меня отношения с Николаем II и высшим командованием армии, а деньги нужны. Может быть, не вызову я у них доверия. И это скорее всего. Наверняка большинство из окружающих Николая генералов считают Михаила Александровича неадекватным, несерьёзным и легко увлекающимся человеком. Который, будучи регентом, наплевал на интересы государства, увлёкся юбкой и вступил в морганатический брак. Для этого даже специально сбежал в Вену, чтобы обвенчаться в сербской православной церкви с бывшей женой подчиненного, поручика Вульфберта. Думаю, для императора это был удар ниже пояса. Даже готовность великого князя сражаться за Россию вряд ли сняла у императора весь негатив против брата. Так что ожидать денег на блюдечке с голубой каёмочкой вряд ли стоит. Сбор средств у местных богатеев хорошее дело, тем более что полученные деньги в конечном счёте пойдут на их же спасение. Наверняка сбор средств на новое вооружение не останется незамеченным германской разведкой. Ничего страшного – пускай немцы знают, что русские собираются оснащать армию каким-то чудо-оружием. Не помешает, если немецкая агентура начнёт судорожно разыскивать мифических военных инженеров.

Неизвестно, удастся ли нам с такими отрывочными знаниями о вооружении изготовить те же самые катюши или напалм. А тут только на слухах, что русские собираются внедрять новые виды вооружения, можно

добиться спокойствия на фронтах. Немцы и австрияки будут опасаться наступать – вдруг русские применят своё страшное новое оружие. А что в их головах оно будет непременно страшное, то это однозначно, психология, мля. Те же агенты будут сообщать наверх разные ужасы про новое русское оружие, чтобы скрыть свои недоработки. По-любому тому же Николаю и генералам из Генштаба придётся сообщать данные о напалме и «катюшах», а у немцев наверняка там есть агентура. И все эти данные вскоре окажутся на столах немецких и австрийских генералов. Так что пострашней нужно рассказывать об эффекте применения напалма и катюш. В идеале бы продемонстрировать, как напалм прожигает дыры в бронелистах. Если противник будет убеждён, что русские действительно имеют новое эффективное оружие, то будут вести себя аккуратнее и тише. Перебросить силы с запада для нейтрализации нового оружия Германия вряд ли сможет, а значит, сядет в глухую оборону. Нам это и нужно – можно сосредоточиться на внутренних делах. Потихоньку начинать демобилизацию проблемных частей, особенно дислоцированных в Петрограде. Поэтому нужно расширять круг людей, занимающихся новым оружием, по крайней мере, участвующих в его финансировании. Утечка сведений к противнику, как ни странно, сыграет нам на руку. Только этот своеобразный блеф нужно делать на реальных разработках нового оружия. Понятно, что в условиях нарастающего развала всего, что только можно, организовать промышленное производство боезарядов для катюш и напалма страна не в состоянии, какие бы мы деньги ни собрали для этого. Так что наши знания, полученные в ХХI веке, годятся тут только для хорошего блефа, не более.

Все эти мысли пронесли в голове достаточно быстро. А пока я размышлял о пользе утечки сведений о производстве русскими нового оружия, Кац, наоборот, пытался сузить круг лиц, которые узнают о разработке Россией новых видов вооружения. Он составлял с Петром Филимоновичем список лиц, которым, за их же деньги, можно доверить информацию о новом оружии. При этом отговаривал управляющего обращаться к человеку, у которого была нерусская фамилия, но чисто еврейские он пропускал. Одним словом, совсем не толерантен был нынешний подданный Российской империи Джонсон, а до переноса в это время – Кацман.

Пришлось вмешаться в эту деятельность моего друга. Предварительно подтолкнув ногой сидящего рядом Каца, я сказал:

– Пётр Филимонович, я думаю, ничего страшного не случится, если деньги на новое оружие будут давать и этнические немцы. Они тоже

подданные Российской империи и вправе помочь ей в тяжёлую годину. И истинных патриотов страны среди немцев немало, в этом я убедился на фронте. Да и вообще шила в мешке не утаишь. А если тот же промышленник Шульце узнает от своих друзей, что к нему не обратились с предложением хоть как-то помочь русской армии только из-за того, что он немец... Из-за опасения, что сведения о новом оружии могут быть переданы Германии. Это будет настоящим оскорблением для честного человека, законопослушного подданного Российской империи. В целом для страны будет катастрофа, если начнут делить подданных на принадлежащих к титульной нации или нет. Все мы плывём в одной лодке, и грести должны тоже все. Вот я русский, а командовал дивизией, в которой служат девяносто пять процентов людей, не относящихся к титульной нации, и при этом к тому же мусульман. И что, они плохо воевали? Далеко нет, дивизия одна из лучших в Российской армии. Кстати, новое оружие разработал инженер с нерусской фамилией – Кацман. Так вот... господа хорошие – не надо грязи против не титульных наций. Каждый подданный империи должен чувствовать, что царь это любящий отец, который глотку перегрызёт любому, кто покусится на его сына или дочь. Вот тогда империя будет непобедима, а её сыны будут гордо говорить, что они русские, в любой точке мира.

Услышав одобрителное поддакивание управляющего, я, обращаясь к нему, распорядился:

– Петр Филимонович, начинайте собирать деньги и выбирайте жертвователей по своему усмотрению. В Джонсоне сработало обычное англосаксонское лицемерие – на словах они за равноправие национальностей, а на деле поддерживают и доверяют только своим – англосаксам. У русских менталитет другой – мы объединяемся с любой нацией, которая считает Россию родиной и готова проливать за неё свою кровь. Ладно, Пётр Филимонович, не буду вас задерживать, одновременно с основной работой и помощью Наталье начинайте деятельность по сбору средств для изготовления первой партии нового оружия.

Когда управляющий ушёл, Кац накинулся на меня со словами, что я сам себе противоречу. Говорил, что разработка секретная и доверять сведения о новом оружии можно только надёжным людям. При малейшем намёке на то, что человек не совсем патриот, с ним лучше не иметь дела. Пришлось рассказать Кацу о своих размышлениях и о том, что нам, в общем-то не нужна секретность. Нужен просто миф о ней. Чтобы раздуть его до немислимых размеров, стоит всячески пиарить возможности нового оружия. Услышав плод моих размышлений, Кац воскликнул:

– Михась, ну твоя психология точно изменилась! Кошерно начал мыслить!

Я в ответ усмехнулся и заметил:

– Правильно – с кем поведёшься от того и наберёшься! Ладно, Кац, хватит показывать друг другу чувство юмора – делом нужно заниматься. А то я же знаю, мы можем с тобой хохмить до того самого момента, когда прибывший наряд Петросовета предложит нам прокатиться в Пермь.

Несколько минут поболтав на отвлечённые темы, мы опять начали обсуждать устройство катюши. Я даже начал рисовать схемы основных её узлов. Конечно, исходя из моего понимания принципа работы реактивной установки залпового огня. Кац в это время корпел над эскизом её снаряда. Я когда работал, продолжал размышлять, куда всё-таки обратиться, чтобы свои достаточно дилетантские схемы доработать в нормальные чертежи изделия. Ну, этот вопрос, в общем-то, решаемый – наверняка найдутся инженеры, чтобы, ориентируясь на рисунки великого князя, начертить установку и грамотно всё рассчитать. А вот где найти предприятие, способное в сжатые сроки изготовить установку целиком? И есть ли в этом времени грузовики, на шасси которых можно смонтировать установку? Припомнив немного историю этого времени, я решил, что особо волноваться не нужно. Всё-таки в Питере мощная промышленность – один Балтийский завод чего стоит. Да и автомобили в 1914 году в России производились. Про «Руссо-балт» я точно помнил. Да что тут париться – не подойдут наши автомобили, купим у американцев. Они будут только этому рады и даже продадут члену Антанты их в кредит. А в России даже крупный питерский завод, под завязку загруженный военными заказами, не откажет великому князю в изготовлении нескольких опытных образцов нового оружия.

Успокоив себя такими мыслями, полностью погрузился в отображение артиллерийской части боевой машины. Я, естественно, не мог точно скопировать схему устройства настоящей БМ-13, так как видел её только в музее. Но зато в армии, в своём артиллерийском дивизионе, я насмотрелся на «Грады». Даже как-то принял участие в ремонте подъёмного и поворотного механизмов. Даже сейчас помню, как меня, бывшего тогда ещё желторотым салагой, контрактники, занимающиеся этим мелким ремонтом, заставили чуть ли не вылизать места, где им предстояли ремонтные работы. Боялись, что испачкают свою рабочую одежду. За испачканную мою одежду я, конечно, получил компенсацию – разрешили смотреть, как регулируются механизмы винтового типа, и даже иногда я подавал им чистую ветошь. Вот сейчас я и зарисовывал запомнившуюся

поворотную раму в трёх ракурсах, только вместо направляющих «Града» изобразил двутавры музейной катюши. Натренировавшись на чертеже габаритной поворотной рамы, приступил к схематичному изображению пакета направляющих. Чисто эмпирическим путём пришёл к мысли, что длина каждой из восьми направляющих – 5 метров. Как только перешёл к электрической части, а именно вырисовывал пакет проводов, идущих от переключателя, находящегося в кабине, к пиросвечам реактивных снарядов, раздался стук в дверь. Вошедшего парня я уже знал, это был мой денщик Василий, кстати, георгиевский кавалер. Он, наверное, кем-то обученный, громко объявил:

– Ваше высокопревосходительство, прибыл председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне господин Гучков Александр Иванович.

Видя моё удивлённое лицо и зная про вчерашнее происшествие, в результате которого великий князь частично потерял память, Василий уже гораздо тише произнёс:

– Господин генерал, вы ещё позавчера запланировали визит этого Гучкова в двенадцать часов. Что-то связанное с Особым совещанием по обороне, где вы тоже состоите. Ради этого визита вы даже обед перенесли на два часа.

– Ладно, Василий, зови этого господина.

Вообще-то про Гучкова я слышал. Где-то читал, что он был довольно активным членом Государственной думы. Именно он вместе с Шульгиным принимал в Пскове отречение от престола Николая II. Вошел в первый состав Временного правительства (военный и морской министр), но в апреле 1917 года подал в отставку, так как не мог противостоять анархии и развалу армии. После Октябрьской революции активно боролся с большевиками. Консультант А. И. Деникина по политическим вопросам, был направлен в Европу как представитель Белого движения. Участвовал в организации поставок британских вооружений и снаряжения для русской Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Но сейчас эта информация из XXI века была для меня малоинтересна, а вот то, что Гучков является председателем Центрального военно-промышленного комитета, это было очень перспективно. Можно сказать – на ловца и зверь бежит. Я подумал: «Вот этот деятель и поможет запустить в производство катюши и напалм. Может, ещё и денег добудет у местных воротил. Вроде бы я читал, что он пришёл в Думу из банкиров – был директором “Московского учётного банка”». Я уже начал в голове строить комбинации, каким образом заставить этого бывшего банкира пощипать российских

обеспеченных людей на благо страны. То есть начал думать, как воспользоваться методами «МММ» в России 1916 года. Но мои размышления были прерваны появлением представительного мужчины лет за пятьдесят.

К появлению визитёра мы с Кацем были уже готовы. Как внутренне (наметили основные темы и роли в предстоящем разговоре), так и внешне (поменяли свою дислокацию, теперь я сидел за письменным столом, а Кац сбоку на стуле). Вид у моего друга был деловой. Перед тем как усесться на место моего помощника, он взял блокнот, лежащий на секретере, и теперь, разложив его на краешке письменного стола, склонился над ним с карандашом в руке. Перьевую ручку он взять опасался (непривычно всё-таки, к тому же к ней нужна была чернильница и промокашка) и поэтому схватил первое, что пришло в голову. Вот такую картину работы великого князя с секретарём увидел вошедший господин – депутат Государственной думы Гучков. Ну что же, это было неплохо и внушало уважение. Вернувшийся с фронта генерал, георгиевский кавалер, представитель дома Романовых, не бездельничал, кайфуя в столице, а работал, что-то диктуя секретарю.

Когда Гучков вошёл, мой мозг взорвался – я элементарно не знал, как с ним здороваться. То ли самому встать и подойти к такому уважаемому визитёру и пожать ему руку, или здесь не принято, чтобы великий князь, брат императора, встречал даже уважаемого человека у входа в свой кабинет. Да и чёрт его знает, распространено ли здесь рукопожатие. Решив, что вскакивать с места для великого князя как-то несолидно, а руку пожду Гучкову, если он протянет свою. В напряжённом ожидании этого момента я, не вставая с кресла, произнёс:

– Доброго дня, Александр Иванович, как дела в Думе? Что скажете о настроениях среди депутатов? А то мы на фронте совсем выпали из общественной жизни. Да вы проходите к столу и садитесь вон на тот стул напротив меня. Если на нём не очень удобно, то я свистну Ваське, он кресло сообразит.

Своей нарочитой простотой обращения я косил под фронтовика, который привык воевать, а не заниматься политесом. Ну не знал я языка общения местной элиты. Запросто можно спалиться на сленге XXI века, а так взятки гладки – что с фронтовика возьмёшь, тем более с великого князя. Понятно, что Михаил Александрович разговаривает таким языком специально, чтобы быть ближе к народу.

Между тем Гучков, наверное ошалевший от новой манеры великого князя говорить (по-видимому, они были знакомы и не раз беседовали),

молча прошёл к указанному стулу и уже там, держась руками за его спинку, сказал:

– Здравствуйте, Михаил Александрович, очень рад вас снова видеть! Наслышан о прихватившей вас на фронте язвенной болезни. Но ничего, столичные врачи вас подлечат. А что касается настроения депутатов, то оно как у всего народа – тревожное. Когда Брусиков начал наступать, то была эйфория – казалось, что вот-вот сломим австрийцев, а теперь опять завязли в болоте (боях под Ковелем), ну и настроение соответственное. Лаяться в Думе стали злее, и опять левые зашевелились. Победы нужны, Михаил Александрович, победы.

– А армии нужен крепкий тыл. Оружие новое нужно, тогда и будут победы. Я, кстати, получил от одного из российских патриотов очень интересное послание. Предлагает человек новое оружие для российской армии. Сначала я думал, что это очередной сумасшедший со своими бредовыми идеями, но когда посоветовался со специалистами оружейниками, то они нашли эти предложения интересными и перспективными. Я, естественно, связался с этим человеком и получил от него чертёж многоствольной реактивной пушки. Кроме этого, он придумал горючую смесь, которую невозможно потушить водой. Идеи этого инженера очень полезные для русской армии и, что немаловажно, их легко реализовать даже в наших условиях. Дело за малым, нужно найти тысячу сто и предприятие, способное наладить производство реактивных снарядов. Вы как председатель Центрального военно-промышленного комитета должны этому поспособствовать.

– Да я всегда готов оказать содействие развитию российского военно-промышленного комплекса. Тем более в деле освоения новых видов вооружения.

– Вот и возьмитесь за это конкретное дело. Посмотрите, какие чертежи многоствольной реактивной пушки передал мне изобретатель, а где рукописный текст, там описана технология получения нового горючего вещества. Температура горения этого вещества, названного напалм, колоссальна. Как сказал сам изобретатель – температура горения под тысячу градусов. В отличие от пороха, который вспыхивает и практически сразу сгорает, это вещество может гореть долго и способно прожечь даже стальной лист. А если хотя бы капля напалма попадёт на человека, то элементарно прожжет его насквозь.

Я подвинул в сторону Гучкова стопку листов, с моими дилетантскими рисунками и каракулями Каца, описавшего технологию изготовления напалма и нарисовавшего схему снаряда «Катюши». Когда он начал

просматривать эти бумаги, я сначала давал пояснения, а потом заявил:

– Я, как вы знаете, окончил в 1901 году Михайловское артиллерийское училище и поэтому представляю, что значит массированное применение крупнокалиберной артиллерии. Страшно оказаться на позиции, которую обрабатывает даже одна батарея шестидюймовок. А тут одна боевая машина выпускает один за другим шестнадцать подобных снарядов. А представьте, что таких установок десять или двадцать и все они гвоздят по одной цели. Да на позициях противника форменный ад получится. Любой выучки солдаты, если, конечно, останутся живы, в панике будут покидать свои окопы. А в пробитый коридор врываются кавалеристы и начинают крушить тылы противника. Вот вам и чистая победа с минимальными потерями. И в вашей Думе все левые успокаиваются и начинают петь хором «Боже, царя храни»... Понимаете, Александр Иванович, что мы можем получить, организовав производство такого оружия?

– Я с вами согласен, Михаил Александрович, и немедленно займусь реализацией этого предложения. Деньги найду без вопросов, в случае чего тысяч тридцать внесу лично. Да и своих соратников по Прогрессивному блоку озадачу. Как я посмотрел по чертежам, изготовление подобных конструкций вполне возможно на любом среднем машиностроительном заводе. Трудности могут возникнуть только с дефицитом автомобильных шасси в России. Но и эта проблема решается. Бывший управляющий Одесского филиала Московского учётного банка, где я был директором, сейчас в Соединенных Штатах и занимается как раз автомобильным бизнесом. Я с ним поддерживаю связь, и он с удовольствием заключит контракт на поставку в Россию автомобилей. Завтра же направлю Арону телеграмму.

– Хорошо, Александр Иванович, я очень доволен, что вы взяли на себя это ответственнейшее дело. А то сами понимаете, мне нужно выезжать в свой корпус, и совершенно нет времени заниматься даже этим важным делом. Я оставляю за себя моего секретаря Николая Джонсона. Он в курсе всех дел, хорошо разбирается в конструкции системы залпового огня, а что касается напалма и реактивных снарядов, то лучшего специалиста вы не найдёте. Николай длительное время общался с изобретателем этого оружия, но когда они вместе испытывали реактивный снаряд, предназначенный для системы залпового огня, произошёл несчастный случай. Кацман погиб, в живых остался только Джонсон.

– Михаил Александрович, а вы разве не остаётесь в Петрограде? У вас же сильное обострение язвенной болезни. Требуется квалифицированное лечение хотя бы в течение двух месяцев. Вы мне сами об этом говорили в

Могилёве, куда я приезжал, чтобы встретиться с председателем Особого совещания по обороне, великим князем Николаем Николаевичем. Помните, после того как вы рассказали Николаю Николаевичу о вердикте врачей, было устроено чаепитие. Там вы мне и сказали, что, скорее всего, останетесь в Петрограде. Вы же, в общем-то, согласились с доводами Николая Николаевича, что Особое совещание по обороне должен возглавлять, по крайней мере, великий князь, а так как он перегружен своими обязанностями, то этим следует заняться вам, Михаил Александрович.

После этих слов Гучкова ход мыслей в моей голове значительно ускорился. Мозг работал, как компьютер, анализируя полученную информацию. И вывод был однозначен – нельзя упускать возможность влезть в такую структуру, как это Особое совещание по обороне. Не знаю, какая его роль была в государстве, но явно не последняя, не зря председателем там был великий князь Николай Николаевич. А по существу именно он и являлся стержнем армии, по крайней мере самым популярным. Николай II, который хоть и занял в 1915 году пост главнокомандующего, был, можно сказать, декоративной фигурой. По-видимому, такой орган, как Особое совещание, не особо котировался в глазах Николая Николаевича, вот он и спихнул эту структуру на Михаила Александровича. Такой вывод напрашивался сам собой. А то что перспективную структуру спихивают на Михаила Александровича тоже, в общем-то, понятно. Николай Николаевич не видит в Михаиле Александровиче конкурента себе. Впрочем, как и другие мечтающие о власти люди. Он как белая ворона в этой тусовке. Все исторические факты говорят об этом – после смерти старшего брата Георгия (от лёгочного кровотечения) Михаил вплоть до рождения у Николая II мальчика, был наследником престола Российской империи. А потом, после рождения наследника, стал регентом – по существующей иерархии вторым человеком в империи. А если учитывать неизлечимую болезнь Алексея (сына Николая II), самым реальным претендентом на престол. Но Михаила абсолютная власть не прельщала, не было у него амбиций, а просто хотелось нормальной человеческой жизни. Поэтому он наплевал на всю эту борьбу за власть, женился по любви и в конечном итоге был изгнан за пределы Российской империи. Только после начала войны написал письмо Николаю II с просьбой разрешить ему вернуться и принять участие в борьбе с врагами империи. Так что не было у великого князя властных амбиций, и никто из высшей элиты империи его не опасался. Вот и великий князь Николай Николаевич отдаёт Михаилу председательство в особом совещании по обороне. А это весьма

интересная структура – наверняка в этот совещательный орган входят ключевые фигуры Российской империи. Да это просто подарок – стать председателем этого Особого совещания. У меня, конечно, тоже нет властных амбиций, но жажда жизни есть, и я знаю, чем может закончиться благородство Михаила и нежелание его залезать во всякие политические дрызги. В Перми всё это может закончиться, если позволить истории идти своим чередом. А чтобы подкорректировать историю, прежде всего нужно воздействовать на элиту. Конечно, на первых лиц империи мне вряд ли удастся воздействовать, но на второй эшелон, может быть, и получится. Скорее всего, они и собраны в этом Особом совещании по обороне. Продумав слова Гучкова с такой скоростью, что Александр Иванович даже не заметил заминку в нашем диалоге, я ответил на его опасение и скрытый вопрос о намерениях великого князя:

– А кто вам сказал, что я не намерен заниматься делами этого Особого совещания по обороне? Я очень уважаю Николая Николаевича и постараюсь соответствовать его ожиданиям, но никто с меня не слагал обязанности командира 2-го кавалерийского корпуса. Пока затишье в боевых действиях, я с головой окунусь в дела особого совещания. Но перед этим нужно закончить неотложные дела в корпусе. Я же, когда выехал в ставку в Могилёв, не думал, что меня скрутит язва, и я буду вынужден отправиться в Петроград к столичным врачам, не передав даже командование корпуса. Заместитель, конечно, у меня есть, но он хорош как ведомый, а не как первое лицо. А сейчас вроде бы боли отпустили, и нужно вернуться в корпус. Сделаю там первоочередные дела и тогда вернусь в Петроград, лечить эту чёртову язву. И непременно займусь делами Особого совещания по обороне. Так что, Александр Иванович, устраивает вас такой оборот дела?

– Как меня это может не устраивать. Только прошу вас задержаться в Петрограде хотя бы до среды. Я как секретарь разослал всем постоянным членам приглашение на внеочередное совещание. Это совещание состоится во вторник 12 августа. Вопросов накопилось много, к тому же все члены нашего Особого совещания желают выразить вам своё почтение. Ещё на прошлом заседании Николай Николаевич предупредил всех, что передаёт бразды правления великому князю Михаилу Александровичу.

– Гм... в среду! А что, заседание этого особого совещания будет идти целых два дня?

– Из-за занятости Николая Николаевича вопросов накопилось очень много, и вряд ли мы успеем их рассмотреть за одно заседание. Хотя и постараемся.

– Ладно, Александр Иванович, договорились! Место и время сообщите моему секретарю. Джонсона я буду брать на все заседания. Пусть будет в курсе всех дел – именно он в моё отсутствие, если разгорятся активные боевые действия, будет заниматься всеми делами в Петрограде. И включите в повестку дня заседания вопрос о производстве напалма и систем залпового огня. Докладчик по этому вопросу мой секретарь Джонсон. Конечно, заниматься этим вопросом я доверяю вам, но пускай члены Особого совещания по обороне будут в курсе новых веяний в вооружении. Да и, надеюсь, окажут вам помощь в скорейшем начале производства этого оружия. И ещё я хочу поднять вопрос об организации под Петроградом полигона для испытания и совершенствования этого оружия. Требования к месту, где он будет находиться, несколько специфические. Во-первых, полигон должен располагаться в тихом месте, вблизи железной дороги и не очень далеко от Питера, чтобы специалисты из города могли спокойно туда доехать, не пользуясь гужевым транспортом. Во-вторых, там должны быть капитальные строения, и не только для проведения опасных работ, но и для хранения весьма чувствительных к погодным условиям материалов, из которых изготавливают напалм. И это должны быть не какие-нибудь коровники, а чистые помещения – примерно такие, в которых хранят муку или сахар. Ваша задача найти человека, который хорошо знает пригороды Петрограда и способен найти такую площадку.

– Есть у меня такой знакомый – Илья Петрович Зимин. Он промышленный архитектор и часто оказывает помощь в подборе участков для размещения различных производств.

– Прекрасно! Тогда вы его срочно найдите и свяжите с Джонсоном. Может быть, вы порекомендуете и хорошего специалиста по оптовым закупкам продуктов для моего корпуса. У меня просто беда с этим. В корпусе очень много мусульман, а они питаются не так, как православные – не дай бог, если в рационе есть свинина. Армейское снабжение не справляется с обеспечением нас нужными продуктами. В Туземной дивизии из-за этого часто случаются эксцессы с мирным населением – грабят джигиты крестьян.

– Да, есть такой у меня на примете – молодой, но, как говорится, ранний, без мыла куда хочешь влезет. Сейчас работает приказчиком у одного крупного купца, клиента банка, где я раньше был директором. Парню не сидится на месте – подавай ему деятельность на благо России. В четырнадцатом пытался записаться добровольцем в армию, но его не взяли по медицинским показателям. У молодого человека слабое зрение, к тому же астигматизм. Я почему об этом знаю – Семён Буданов сам ко мне

обратился с просьбой подобрать ему место, где он может принести наибольшую пользу родине. Знают меня люди как истинного патриота, к тому же Семён по роду своей деятельности имел дела с Московским учётным банком, когда я там был директором.

– Александр Иванович, да вы золотой человек – решаете любую проблему. Буду иметь это в виду.

Ведя такой трудный для меня разговор, я не забывал поглядывать на большие напольные часы. Помнил, что ординарец сказал, что обед запланирован на два часа дня. Часы показывали уже без десяти два, и пора было решать, продолжать эту весьма полезную для наших замыслов беседу, или не стоит испытывать судьбу, которая может повернуться и неприглядным местом. Можно сказать, что сделаны первые шажки в наших с Кацем замыслах. А что? Невозможно же двум не знающим местных условий попаданцам быстро организовать производство неизвестных в этом времени новинок, а Гучков наверняка сможет. Энергичный мужик, знающий все ходы и трудности, не зря он был крупным банкиром, а сейчас весьма заметная политическая фигура. Да и найти человека, который может подобрать площадку для размещения резервного склада продовольствия, тоже много значит. Я, впрочем, так же как и Кац, совершенно не ориентировался в Петрограде (Питере, как мы между собой называли город), а тем более в его окрестностях. Думаю, с Кацем мы бы мыкались долго, чтобы найти места для скрытного размещения воинского контингента и резервного склада с продовольствием. А время не ждёт – до февральских событий осталось полгода, а там и Октябрьская революция не за горами. А потом и сделать будет ничего нельзя – представитель дома Романовых с большевиками не договорится, и получается, здравствуй, Пермь. Так что хорошо, что я сообразил обратиться к Гучкову с просьбой найти человека, разбирающегося в таких делах. И главное, технично это сделал – всё обосновал необходимостью продолжения экспериментов по доработке нового оружия. А значит, объект этот секретный, и никто не удивится наличию там солдат и строгой пропускной системы. А что эти солдаты не из гарнизона Петрограда, легко объяснить тем, что недопустимо охранять такое опасное и секретное учреждение силами разложившихся и недисциплинированных частей. Так что Гучков вовремя появился, и я удачно его обработал – теперь он наш соратник, но всё равно это человек своего времени и нужно с ним быть осторожней. Осторожнее требовалось действовать, не гнать паровоз! Беседу нужно заканчивать, а Гучкова пригласить с нами пообедать. Решив для себя этот вопрос, я сказал:

– Ну что, Александр Иванович, вроде бы главные вопросы мы

обговорили, а теперь я приглашаю вас с нами отобедать. У меня в связи с болезнью желудка питание строго по графику. В два часа как штык должен принимать пищу. Вот и вас прошу составить мне компанию.

– Я бы с удовольствием, но в шесть часов у меня назначена встреча в Думе с Родзянко и графом Львовым. А добираться до города на моей бричке не меньше трёх часов. Всё-таки почти двадцать пять вёрст.

– Да решим мы эту проблему. Вы, наверное, слышали, про мой автомобиль «Роллс-ройс». На нём до Питера можно домчаться за час. Он сейчас не в ремонте, а на ходу и в данный момент отвозит Наталью в наш петроградский особняк. Водитель знает, что он может понадобиться великому князю, и копаться не будет. Как отвезёт графиню Брасову, так сразу же поедет обратно. Вскоре он должен появиться, а как только мы пообедаем, будет готов везти нас в Питер. Да, Александр Иванович, я тоже хочу прокатиться в столицу – дела, мон шер, дела. Кстати, в дороге обсудим другие проблемы. Меня как фронтовика интересует положение дел в тылу. Настроение и почему качество пополнения резко снизилось. До офицерского корпуса армии доносятся нехорошие слухи о брожениях среди рабочих и интеллигенции. Опять социалисты и прочие враждебные империи силы зашевелились. Вы, как депутат Думы, больше меня в курсе происходящего в народной среде, в том числе и настроениях ваших избирателей. Вот и поговорим о том, что нужно сделать, чтобы сбить настроения, разлагающие наше общество.

– Если вы говорите, что довезёте меня до города на автомобиле, то я с удовольствием с вами отобедаю. Вы, ваше высокопревосходительство, очень приятный человек, и для меня большая честь продолжить с вами беседу по пути в Петроград.

После его, можно сказать, дежурных реверансов я, обращаясь уже к Кацу, распорядился:

– Николай, прикажи Василию, ожидающему в коридоре, чтобы он проводил господина Гучкова в столовую. Сейчас я приму микстуру, выписанную доктором от язвы, и мы тоже туда пойдём.

Когда Гучков в сопровождении моего ординарца отправились в столовую, мы с Кацем провели экспресс-анализ разговора с первым представителем, можно сказать, элиты Российской империи. Больших нареканий со стороны моего коллеги по несчастью разговор не вызвал. Я выглядел в роли великого князя не совсем естественно, но шероховатости можно было списать на то, что Михаил Александрович прибыл с фронта, где длительное время находился в среде не очень-то цивилизованных воинов Туземной дивизии. Одним словом, Кац поставил мне за беседу с

Гучковым тройку. Я поставил Кацу тройку с минусом – не походил он на человека, живущего в начале XX века. Слишком суетлив, пытался перебить самого великого князя – его спасало только то, что Джонсон, в общем-то, натурализованный англосакс (все огрехи можно было списать на недостаток аристократического воспитания).

Оценив друг друга и наметив, о чем следует поговорить с Гучковым в автомобиле, оба троечника направились в столовую. Как туда пройти, я уже знал, не зря утром прошёлся по дому. Так что с этим не было проблем, проблема была только в том, что никто из нас не знал, как вести себя за аристократическим столом и какими столовыми приборами есть подаваемые блюда. Договорились в первую очередь не спешить и внимательно, но ненавязчиво наблюдать за действиями Гучкова и стараться его во всём копировать. Не знаю, какие проблемы были у Михаила с желудком, меня же он совершенно не беспокоил.

Глава 7

Обед прошёл нормально, без откровенных ляпов со стороны Каца. А с моей стороны их и не могло быть. А какую, спрашивается, можно совершить оплошность в правилах этикета, работая только ложкой. Питание больного в этом времени не отличалось большими изысками – сначала суп-пюре, затем кашка, ну а в завершение некрепкий чай. Если бы не пирожки, которые мы с Кацем умяли, то из-за стола я вышел бы голодным. Ещё когда мы обедали, официант сообщил мне, что автомобиль прибыл и водитель ожидает только команду, чтобы отвезти великого князя в Петроград. Так что как только пообедали, сразу пошли к автомобилю.

Езда на древнем ретроавтомобиле это не то, что даже на самой дешёвой легковушке XXI века. Шум и скрипы в салоне это ещё полбеды, самое большое раздражение доставляло дёрганье и тряска автомобиля. Вести серьёзную беседу в таких условиях было, конечно, тяжело, но когда ещё удастся оказаться в, можно сказать, камерных условиях с таким человеком, как Гучков. Несомненно, он много знал, многое умел и имел обширнейшие связи во всех слоях российского общества. Очень ценный человек для наших с Кацем целей. Вот я и пытался всю дорогу до Петербурга зондировать его политические убеждения и склонить этого умного человека к поддержке начинаний великого князя. Склонял не прямо, а исподволь. Политические взгляды Гучкова в общем-то мне импонировали – он не был ярким монархистом, но весьма переживал за бардак, который накатывался на Россию. По складывающемуся у меня мнению, Гучков являлся нашим естественным союзником и был готов к нетрадиционным методам действий, чтобы хоть как-то снять напряжение, накатившее на российское общество. По крайней мере, весьма адекватно воспринял мысль переключения интереса части еврейства на идею создания государства Израиль. После высказанной мной мысли, что если еврейская община почувствует со стороны высшего руководства империи поддержку своему извечному стремлению на создание в Палестине иудейского государства, то сторонников у власти прибавится. А может быть даже и денег. А это значит, что социалисты и прочие оппозиционеры ослабнут. Ведь не секрет, что больше половины руководства тех же социал-демократов это евреи. Гучков с этим согласился, но высказал сомнение, что в настоящий момент идея создания государства Израиль осуществима. В Палестине Османская империя, а она входит в коалицию с Германией и

Австро-Венгрии. Он заявил:

– В таких условиях, когда Проливы закрыты, невозможно отправлять транспорты с переселенцами в Палестину.

На это я ответил:

– Сейчас нельзя, так после войны можно. Этот проект длительный и серьёзный. Если еврейская община почувствует, что империя взялась за это дело основательно, то всемерно будет оказывать помощь в самой войне, чтобы победа России свершилась быстрее. Таким образом, идеей основания государства Израиль мы убиваем двух зайцев – во-первых, вносим сумятицу в ряды противников империи, а во-вторых, добавляем сторонников порядка и того, чтобы Россия победила в этой войне.

В этой своей словесной обработке Гучкова я добился и практических целей. Он пообещал познакомить Джонсона с лидерами еврейской организации Бунд, которые сейчас находились в Петрограде – Абрамовичем и Кремером. А ещё мне удалось добиться приглашения Гучкова вместе с ним доехать до Думы и принять участие в разговоре с Родзянко и князем Львовым. То есть ненавязчиво внушить Гучкову мысль, что присутствие великого князя может помочь решению проблемы, которую они собирались обсуждать. А именно о положении дел на железнодорожном транспорте. По словам Гучкова, в западных губерниях на путях сообщения начался полный хаос. Видимо, этот вопрос его сильно волновал, и он начал пространно рассуждать о причинах такого безобразия. Это дало мне возможность немного подумать, проанализировать свои действия и прийти к выводу, что я молодец. Практически всё, что мы обговаривали с Кацем перед выездом, я выполнил. Первое и самое главное – внушил доверие этому непростому человеку. Он уже не сомневался, что я серьёзный человек, истинный патриот, не на словах, а на деле. И больше всего на этого практичного человека воздействовало то, что великий князь, о котором в обществе сложилось стойкое впечатление как о лоботрясе, думающем только о себе, а не о благе государства (и это показал его брак), оказался не таким. На самом деле он в тяжёлую годину прибыл в воюющую страну, успешно командовал одной из самых непростых дивизий и сейчас, несмотря на острые боли в желудке, не заикнулся на себе и на лечении болезни, а старается помочь стране. Не жалея сил и собственного здоровья, продвигает принципиально новое вооружение. Если Гучков действительно так думает, то цель этой поездки на треть выполнена. Ещё бы такое же впечатление произвести на Родзянко и князя Львова, и можно сказать, задача выполнена. А идея всех этих встреч была проста – это подстраховка на тот случай, если все наши потуги по поднятию

боеспособности армии окажутся бесполезными. Не будет громких побед, разложение общества продолжится, и Николай II всё-таки отречётся, и значит, сценарий истории может быть такой же, как в нашей реальности. Но оказаться в Перми категорически не хотелось. Чтобы не допустить этого, оставалась единственная возможность коррекции истории – это принять на себя сан государя Российского. А без поддержки Думы это вряд ли пройдёт гладко. Общество настолько поляризовано, что многие даже в элите относятся к самодержавию как к беде России, не представляя себе, что начнётся, когда царя не будет. Так что поддержка Думы в деле передачи власти от Николая к Михаилу была необходима, чтобы не начался очередной русский бунт. По историческим данным, Михаил Александрович это понимал. Из документов следует, что тот после длительных переговоров с представителями Государственной думы объявил, что примет верховную власть только в том случае, если на то будет выражена воля всего народа (посредством Учредительного собрания). Вот и мы с Кацем это понимали и поэтому решили не упускать такого случая, как возможность встретиться с самыми влиятельными депутатами. Родзянко был председателем Думы, до него председателем Третьей Государственной думы был Гучков. Но, несмотря на потерю председательского поста, Александр Иванович оставался одним из самых влиятельных депутатов. Князь Львов тоже был весьма влиятелен. Он, можно сказать, был стержнем февральских событий 1917 года. Не зря стал первым премьер-министром Временного правительства. Узнав, что у этих людей будет встреча, мы с Кацем решили попытаться стать четвертой стороной совещания. Кроме основной задачи, была и вспомогательная – внедрить Каца в думскую тусовку. Именно мой друг взял на себя политическую поддержку нашей миссии. Моя стезя – силовая и властная составляющая авантюрного плана по изменению исторического вектора развития России. Мои размышления были прерваны не тем, что Гучков закончил возмущаться безобразным функционированием железной дороги, а тем, что автомобиль остановился, мы приехали.

В Думе, в кабинете Родзянко я был встречен вполне доброжелательно. Даже намёка не было на неудовольствие тем, что встречу думских функционеров посетил великий князь. Наоборот, плотный импозантный мужчина с усиками, как я понял, сам Родзянко, при нашем появлении засуетился, вскочил со своего кресла, чтобы пожать мне руку, а затем отдал распоряжение присутствующему на встрече секретарю, чтобы тот срочно организовал самовар и какие-нибудь печенья к чаю. Пока не принесли самовар и столовые приборы, разговор вертелся о положении дел на фронте

и о том, какие трудности были во время знаменитого Брусиловского прорыва. Об этом пришлось рассказывать мне, как непосредственному участнику тех событий. Нелёгкая это задача – рассказывать о том, что знаешь только по нескольким воспоминаниям, зафиксированным в долговременной памяти Михаила. Поэтому вскоре я перешёл к проекту создания катюши и напалма. Рассказывал не о том, что требуется для производства этого нового оружия, а о том, какой ошеломляющий эффект вызовет применение этих смертоносных новинок. Только с новейшим оружием, возможно проведение операции подобной Брусиловскому прорыву. Хорошо говорить с неспециалистами, они всему верят. Поверили в чудо-оружие и в этот раз, особенно после того, как мой секретарь засыпал их техническими терминами. Можно сказать, задачу с Кацем мы выполнили – дали понять Родзянко и Львову, что дом Романовых ещё не совсем выродился. Есть там Михаил Александрович, энергичный, патриотично настроенный человек, на которого можно делать ставку. Между тем Кац разошёлся, и вся эта ситуация начала мне напоминать сюжет из книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Когда Остап Бендер пел соловьём в шахматном клубе. Нужно было прекращать эти залихватские соловьиные трели перед этими опытными и имеющими иммунитет от словесного поноса политическими деятелями. Поэтому я прервал Каца возгласом:

– Джонсон, прекращайте лить из пустого в порожнее! Мы не для этого сюда приехали. Лучше, Николай, давай послушаем, что скажут опытные люди по поводу перебоев в работе железнодорожного транспорта. Он стал работать безобразно. Я сам с этим недавно столкнулся, когда добирался из Могилёва в Петроград. Даже санитарный поезд мурыжили по несколько часов на каждой узловой станции.

Хотя наша задача этого посещения Думы и была выполнена, но прощаться я не спешил. Вопрос о сбоях в работе железнодорожного транспорта меня интересовал очень сильно. А где я мог узнать первопричину этого, как не у этих опытных людей? Наверняка они подготовились и имеют необходимые материалы и статистику по работе министерства путей сообщения. Вот и надо послушать, а может быть, и принять участие в обсуждении этой проблемы. Первым по этому вопросу начал говорить Родзянко, он хорошо поставленным голосом начал вещать:

– Получилось так, что тыл живет под командованием правительства, а дальше – демаркационная линия. Тут уже правительство не смеет и шагу сделать. Выходило, например, так: идет поезд с каким-нибудь войском. До известной демаркационной линии он находится в ведении министра путей

сообщения, а когда он эту линию перевалит, то попадает в заведывание неизвестно кого. Поезд, перевалив какую-то воображаемую линию на карте, находился уже не в ведении министерства путей сообщения. Откуда идет разруха путей сообщения? От этого неправильно поставленного принципа. Всегда есть первоисточник хаоса. Штаб Верховного главнокомандующего или управление его решили, что все это нужно поставить на военную ногу. Набрали они разных капитанов, более или менее неспособных к строевой службе, и сделали их комендантами. Получилось на станциях железных дорог двойное начальство. (Я начинаю снизу, потому что это перешло наверх.) Комендант облечен всей полнотой власти, чуть ли не до расстрела включительно, и начальник станции тоже. Потому что железные дороги признаны на военном положении. И вот эти два элемента сталкиваются друг с другом. Доходило до того (мне в моих поездках в ставку по дороге жаловались), что с одной стороны, где начальник станции энергичный, там он наседавал на коменданта, а там, где комендант энергичнее, он чуть ли не револьвером грозил начальнику станции: «Я хозяин». Вот с чего началось. В первую же мою поездку в ставку я говорил с великим князем Николаем Николаевичем, что так нельзя, получается хаос. Этот хаос начался с железных дорог и мало-помалу отразился на всем отправлении частей ближайшего тыла. Затем он пойдет вглубь, и вы получите полное раздвоение власти, иначе безвластие. Он говорит: «Что же мы должны делать?» Я говорю: «Зачем вам эти коменданты? Почему не объединить железные дороги в подчинение министерству путей сообщения? Сделайте комендантами тех, которые опытни в этом деле». Но как всегда, всякая власть развращает, так и генерал Ронжи, отвечающий за военные перевозки, развратился и своей власти уступить не хочет». На это мне великий князь говорит: «Я не знаю, как мне быть, но Горемыкин (премьер-министр) отказывается принимать какое бы то ни было участие в делах войны». Я говорю, что первый раз слышу это. Вернувшись в Петроград, был у Горемыкина, говорил об этом, и он высказал определенно именно эту точку зрения: правительство будет управлять тылом, а вопросы войны – это не мое дело.

«Да... – подумал я, – извечная беда России, бардак из ничего – правая рука гребёт не туда, куда левая. Хотят как лучше, а получается как всегда».

Между тем натренированный в Думе к длинным речам Родзянко продолжил, хотя и не о проблеме, сложившейся на железной дороге, он заявил:

– При объявлении войны у меня было такое впечатление, что министерство Горемыкина всецело поняло громадность задачи, которая

возникает ввиду этой войны. Хотя должен сказать, что, к сожалению, и против чего я всегда ратовал, оставаясь в меньшинстве, общее направление, не только правительственное, но и думских кругов, и даже общественных кругов, было таково, что война продлится только шести месяцев. Это, я думаю, господа, вы все помните. Мне казалось, что это положительная нелепица, потому что Германия затеяла войну не для того, чтобы в шесть месяцев добиться Эльзаса. А для того, чтобы добиться союза центральных государств (единой Европы под диктатом Германии), что потом и оправдалось. Но, к сожалению, правительство полагало, что война эта будет не длительная, что напряжение всех воюющих стран будет так велико, что война скоро кончится. Я сошлюсь, например, на мнение лидера кадетов Милюкова, который был убежден, что война будет продолжаться восемь месяцев. И в правительстве, сколько я знаю, эта точка зрения преобладала. Таким образом, все их расчеты по снаряжению и были построены вот на этом основании. Но вы помните, конечно, дни энтузиазма, 26 июля. Созыв Думы, наше заседание и прочее. Это, конечно, была вспышка патриотическая, которая засим, в силу обстоятельств, должна была замениться отношением деловым. И когда Дума была распущена, и вступило в действие правительство Горемыкина, тут уже явилась масса организационных вопросов, принципиальных, по устройству командного состава. Не до того было. В это время я много беседовал и старался убедить Горемыкина и Кривошеина. С Маклаковым (министром внутренних дел) у меня были отношения довольно рогатые. Извините за выражение. Но тех, с которыми я мог говорить, и даже со Щегловитовым немного беседовал, я предупреждал, что, по всем имеющимся данным, оставлять так это дело, в надежде, что война скоро кончится, нельзя. У нас уже тогда обнаружился недостаток снарядов. По расчету первых же боевых действий тратились такие безумные количества боевых припасов, которые не имели себе подобного. Так же было относительно обуви и одежды. Сейчас положение дел близкое к катастрофическому. Вы, Михаил Александрович, своим предложением о производстве чудо-оружия вдохнули в меня надежду, что победы будут, и положение в стране нормализуется.

На такой пассаж нужно было отвечать, и я ответил:

– Я тоже надеюсь, что катюши и напалм помогут русской армии, но это не панацея от всех бед. Армии нужен крепкий тыл, а тут чёрт знает что творится. Развелось море всяких партий и движений. Понятно, что тяжело, что просчитались мы в оценке длительности войны, но делать-то нечего – нужно жить и бороться за свою родину. На фронте понятно, как себя вести

власти, а вот в тылу как? Обеспечить народ теми же благами, что и до войны, страна не в состоянии. Репрессиями народ не успокоим – только злее станут люди. Демагогия и какие-нибудь указы на потребу плебсу уже вряд ли помогут успокоить общественность, а тем более профессиональных бунтарей. Остаётся только одно – обескровить самые радикальные партии. Предложить активным членам этих партий и движений новую цель. Если вы проведёте исследование национального состава руководящего звена радикальных партий, то увидите, что большинство из этих людей далеко не великороссы. Как правило, это евреи, поляки и представители кавказского региона. Вот и нужно предложить этим людям заманчивую цель, ради которой они перестанут бороться с самодержавием. Прекратят расшатывать страну, руководствуясь принципом – чем хуже, тем лучше. А нам нужно действовать по принципу – разделяй и властвуй. В первую очередь из радикальных партий нужно выбить наиболее многочисленную когорту – и это, несомненно, иудеи. Предложим им сосредоточиться на исполнении вековой мечты еврейского народа – создание государства Израиль. Продвигать эту идею будет мой секретарь господин Джонсон. Очень удачно, что по крови он англосакс. Евреи будут думать, что эту идею поддерживает не только Россия, но и Англия, по крайней мере часть её общественности. Россия должна поддержать эту идею на официальном уровне. По крайней мере, все будут знать, что великий князь Михаил Александрович сторонник создания государства Израиль.

Родзянко и князь Львов были озадачены моим предложением, Гучков, ставший уже сторонником этой идеи, воскликнул:

– Хорошее предложение и своевременное. Этим мы снимем напряжение в западных губерниях. Если евреи действительно поедут в Палестину, создавать своё государство, то можно будет забыть о таком явлении, как погромы, да и о черте оседлости. Кстати, и финансов у государства прибавится. Не секрет, что у еврейских банкиров очень большие деньги, а если Россия будет инициатором создания государства Израиль, то думаю, проблем с кредитами у нашего государства больше не будет.

После слов Гучкова озадаченность его коллег по Думе ещё больше усилилась. Ещё бы, известный своим русофильством человек выступает в пользу евреев. Но как бы политические монстры ни были растеряны, школа словесных баталий проявила себя. Они вступили в полемику между собой. А я сидел и внутренне усмехался над их фантазиями по поводу такого искусственно созданного государства. Над тем, что и князь Львов, и

Родзянко были уверены, что еврейское государство нежизнеспособно. Князь Львов по этому поводу даже воскликнул:

– Да как жидаы могут прожить одни? С кого же они будут тянуть жизненные соки? Вокруг же одни евреи, а кушать-то хочется. Не поедут они ни в какой Израиль!

Когда я это услышал, то чуть не расхохотался, но силой воли заставил себя сидеть спокойно, с серьёзной миной на лице. Как я мог убедить этих людей, что у Израиля после его образования всё будет нормально. Он станет самым процветающим государством на Ближнем Востоке. Эта моя внешняя серьёзность и неучастие в начавшейся словесной перепалке было мудрым ходом. Я стал как бы арбитром, который разводил спорщиков по углам, и на этом зарабатывая определённый авторитет. А вот Кац не удержался и влез в эти словесные дразги. Мотивы его были понятны – защищал парень идею создания еврейского государства. Как оказалось, он тоже это сделал правильно – в глазах этих думских функционеров высшего звена мой секретарь оказался экспертом по еврейскому вопросу. И это послужило хорошим подспорьем в определении того, кто же будет заниматься этой проблемой. Без всякого моего участия Родзянко предложил создать независимый комитет по вопросу не только еврейства, но и других малых народов Российской империи, и председателем его назначить Джонсона. Все думцы эту идею поддержали, а я как бы нехотя произнёс:

– Ну что же, я согласен. Конечно, Джонсон загружен моими поручениями, но я понимаю важность вопроса взаимоотношений великороссов и малых народов империи. Поэтому согласен, чтобы он занялся этими вопросами, а не моими личными делами. Повторяю, личными, а не теми, которые помогут России выиграть войну. Вопрос организации производства напалма и «Катюш» так и оставляю за Джонсоном.

Кац на эти мои слова воскликнул:

– Михаил Александрович, да выпуск нового оружия стоит у меня в приоритете. Обещаю, что на эту задачу я отдам все свои силы. И она будет выполнена, тем более мне окажет помощь такой важный государственный деятель, как Александр Иванович.

Кац в своих словах чётко гнул линию, которую мы с ним разработали, а именно попытаться согласовать создание какой-нибудь общественной структуры под эгидой Думы. А уже потом где-нибудь к февралю, пользуясь политическими технологиями XXI века, перетащить властные полномочия в эту структуру. Чёрт с ним, пускай эта структура называется комитетом по национальной политике, лишь бы на этом этапе поддерживалась Думой.

Потом мы её распиарим, подберём хороших профессионалов, чтобы в 1917 году на неё можно было опереться, чтобы не допустить катящихся на Россию катаклизмов. Я с удовольствием слушал, как Кац распинается, описывая, каким видит этот комитет, как с его помощью он понизит градус противостояния национальных окраин и метрополии. Неожиданно мой друг отошёл от согласованной линии, высказал такое, что у меня чуть не случился нервный тик. Глядя на председателя Государственной думы, он требовательно произнёс:

– Я согласен стать председателем общественного комитета по национальной политике, но только в том случае, если Дума окажет ему всемерную помощь, и в первую очередь с помещением, где будут размещаться службы. А этих служб должно быть достаточное количество, так как страна у нас большая и национальностей в ней много. При этом представителей этих национальностей нельзя принимать в одном помещении, могут быть эксцессы. Ненавидят некоторые друг друга: мусульмане – евреев, шииты – суннитов, осетины – ингушей и тому подобное. Люди они все горячие, и не дай бог случится поножовщина. Так что нужно отдельное здание с придомовой территорией, где можно поместить охрану, которая в нужный момент пресекала бы межнациональные столкновения. Такое здание я знаю, оно находится в удобном месте и, в общем-то, может быть безболезненно освобождено от прежних хозяев. Это Смольный институт благородных девиц.

Родзянко на секунду задумался, а потом, как мне показалось, обращаясь именно к великому князю, спросил:

– Я не против, но куда барышень определим?

Совершенно не зная истинного положения дел с этим институтом, а находясь под впечатлением названия Смольный (штаба будущей революции в октябре), я ответил, основываясь на логике событий, происходивших в нашей с Кацем реальности:

– Да кто сейчас посещает подобные заведения? Все благородные девицы работают в госпиталях, чтобы помогать раненым. Ну а кто любит себя больше, чем страну, обучаются где-нибудь в нейтральных странах на денёжки богатых родителей. Конечно, находясь на фронте, я не в курсе, что творится в Петрограде, но мне кажется, что дело обстоит именно так. Если всё-таки кто-нибудь из барышень проходит обучение в стенах института благородных девиц я готов предоставить им свой дом в Петрограде. Для комитета он маловат, а вот для барышень, продолжающих обучение, думаю, будет в самый раз. Жена по моему поручению уезжает из Петрограда в Англию, я на фронт, так что помещение можно использовать

для временного размещения института благородных девиц. Девушки в таких заведениях, как правило, аккуратные и, думаю, не повредят мою мебель, картины и столовые сервизы.

Наверное, Родзянко ожидал нечто подобное от великого князя. Он удовлетворённо кивнул и, как решённом деле, заявил:

– Если Михаил Алексеевич поможет с помещением для воспитанниц института, то не вижу проблем с занятием Смольного комитетом по национальной политике. С градоначальником я переговорю, а с попечительским советом мы попросим связаться князя Львова. Георгий Евгеньевич входит в попечительский совет института благородных девиц и ему будет проще договориться, чтобы администрация института и оставшиеся в Петрограде воспитанницы могли пользоваться любезно предоставленным Михаилом Александровичем помещением.

При упоминании его имени князь Львов оживился и тут же заявил:

– Что же, Михаил Александрович правильно говорил, что все благородные девицы сейчас работают на благо России – или в госпиталях, либо в благотворительных организациях. Я это знаю точно, так как, будучи одним из председателей Земгора, лично распределял барышень по петербургским госпиталям. Так что Смольный институт сейчас практически пустой. Думаю, что если там разместится новый комитет, то это будет хорошее дело. До меня уже доходили слухи, что в здание Смольного института хотят заселиться социалисты.

Видно, Родзянко и Гучков не любили социалистов, так как после сообщения князя Львова они начали поносить эту европейскую заразу. А через несколько минут все трое думцев надели на Каца с требованием, чтобы тот быстрее организовывал комитет по национальной политике и занимал здание Смольного института. При этом обещали созданному комитету всемерную поддержку Думы. А Гучков и князь Львов персонально пообещали финансовую поддержку всем начинаниям господина Джонсона. Одним словом, нашли мы с Кацем свою золотую жилу. Удачно пришла моему другу мысль попытаться влезть в Смольный. Одним этим выстрелом мы убивали трёх зайцев; во-первых, изъяли у будущих революционеров место дислокации их штаба; во-вторых, вполне легально и естественно получим в городе место, где можно будет незаметно к февралю 1917-го сосредоточить воинский контингент; ну а в-третьих, на этом ещё и заработаем. А что? И Гучков и князь Львов весьма богатые и влиятельные люди, кроме личных состояний, они председательствуют и в некоторых общественных организациях с немалыми бюджетами. А если эти люди что-нибудь обещают, то, как

правило, отвечают за свои слова.

Дальше беседа приобрела затяжной, не очень-то интересный мне характер. Смысла что-то высиживать уже не было, можно и проколоться на незнании местных реалий. Поэтому я, сославшись на своё самочувствие и необходимость проведения лечебных процедур, откланялся. Связь договорились держать через Джонсона, который теперь будет видеться с руководством Думы часто и с завтрашнего дня начинает заниматься организацией комитета по национальной политике.

Анализ нашего первого выхода в свет мы с Кацем начали, как только вышли из кабинета Родзянко. По обоюдному мнению, вроде бы нигде особо не напортачили. Правда, у моего друга были некоторые претензии к моему поведению – мол, не так себя должен вести брат императора. На это я ему парировал, что фронтовики (кем и является брат императора) гораздо ближе к народу, чем думают всякие там начитанные интеллигенты. А вот в приличном обществе секретари никогда не перебивают своего патрона. Но это были стандартные колкости друг к другу. А если быть объективным, то никто из нас не запорол своих ролей. А ещё, по обоюдному мнению, сегодняшняя встреча в Думе является прорывом в нашем плане изменения истории. А что? Контакт с людьми, которые могут своими поступками изменить историю, установлен. Теперь только остаётся воздействовать на этих видных думцев в нужном направлении. Ну, естественно, и самим действовать, а не только рассуждать и строить планы. Никто ведь не прилетит на голубом вертолёте, чтобы отменить ссылку в Пермь – самим нужно было думать о себе. Было признано очень перспективным предложение Родзянко организовать комитет по национальной политике. Я сразу же заявил Кацу, что как только доберусь до своего корпуса, то направлю в Питер полковника Попова Николай Павловича – большого спеца по национальным взаимоотношениям и не только. Он построит всяких там петроградских большевиков, меньшевиков и прочих эсеров в одну линейку и заставит маршировать под «Боже, царя храни». А ещё я восхитился ходом моего друга – это надо же, занять до большевиков Смольный. По крайней мере, уже этим мы изменим историю. А удержать его, думаю, можно и нужно. Пришлю на охрану этого объекта пару сотен кавказцев из Дикой дивизии, и пусть хоть сам Ленин попробует их распропагандировать на нарушение присяги (клятвы), а я посмеюсь.

Глава 8

Обсуждение всех поднятых тем на встрече с думцами мы с Кацем продолжили и возле автомобиля. Правда, это было недолго, мой друг должен был вернуться к думцам, чтобы согласовать все вопросы по организации новой общественной структуры. Ну а я отправлялся исправлять собственные недочёты. Дурак, думал, если я теперь великий князь, то могу поступать, как хочу. Но не тут-то было. Новые факты раскрылись в разговоре с Кацем, и я принял решение сблизиться с Натальей. Вся ситуация толкала к этому. И Кац, который непрерывно зудел, чтобы я полностью вошёл в роль великого князя и ни в коем случае не настраивал против себя жену. Как мы ни храбрились, но наше положение было весьма шаткое – изображать из себя великого князя было невероятно трудно. Психика у меня была другая – привык всё делать своими руками, а тут требовалось по любому поводу отдавать распоряжение. И всё это должно было выглядеть естественно и непринужденно. В крови это должно было быть. Воспитание, мать его! Единственная причина, почему я ещё не спалился и мной ещё не занимаются психиатры из сумасшедшего дома, это то, что великий князь недавно прибыл с фронта. И то, что там он длительное время командовал не просто дивизией, а туземной. Вот и нахватался от кавказцев непонятных выражений и странного отношения к низшему сословию. Так что на этом мнении о великом князе какое-то время можно было изображать из себя аристократа, который загнал своё воспитание внутрь, стремится стать ближе к народу, к своим солдатам. Таким образом, с этой стороны мы вроде бы психологически защищены, а вот со стороны Натальи нужно было как-то прикрываться. То, что отсылаю её в Англию, это правильно, но она уедет не раньше чем через пару недель, а за это время может так испортить имидж мужа, что мама не горюй. Разоблачит в два счёта, и элита ей поверит, что у великого князя на войне произошло изменение личности и его нужно срочно к психиатрам. Не может же любящий муж мгновенно охладеть к своей супруге и не помнить элементарных вещей. Тем более он с таким скандалом на ней женился. Конечно, за охлаждение к жене никто меня не репрессировал, даже не лишал дохода или там звания, но отношение людей, близких к власти, будет к великому князю несерьёзное. Можно будет забыть о планах, которые мы замыслили проверить до февраля 1917 года. Никто из серьёзных людей не будет связываться с великим князем, у которого поехала крыша. А значит,

всё останется, как в нашей истории, и ссылка в Пермь неизбежна.

Об опасности, которая может грозить нашим планам со стороны Натальи, предупредил Кац. Мой друг о ней многое узнал – и то, что она довольно злопамятна и просто так своего положения жены великого князя не отдаст. Будет бороться за него, и возможности у Натальи для этого есть. Не властные полномочия, конечно, а воздействие на общественное мнение элиты общества. Оказывается, моя жена была известной дамой высшего света. И не потому, что крутилась вокруг бомонда, а всё гораздо серьезней, она сама была законодателем мод и хозяйкой известного высшему свету Петрограда салона. Практически всё высшее сословие стремилось попасть на вечеринку к графине Брасовой, жене великого князя. У неё бывали многие министры, и даже Григорий Распутин туда заглядывал.

Все эти сведения Кац узнал от женщины. Да, вот именно, парень, который находился в новом теле ещё меньше меня, уже обзавёлся любовницей и осведомительницей в одном лице. И повернуть всё это дело он успел утром, когда я страдал всякой ерундой вроде мечты о завтраке. Правда, я сделал хоть какие-то усилия, чтобы осуществить своё желание, а Кац получил всё лёжа в кровати, пока размышлял, в какое тело он попал и что ему теперь в этой ситуации делать. Он сам рассказывал:

– Представляешь, Михась, лежу я с мутной головой и гадаю, не просчитался ли в своих планах и попал ли именно в тело секретаря великого князя, а не кого-нибудь ещё? Лежал и мечтал найти человека, у которого всё бы это выяснить и так, чтобы абориген не догадался, что Джонсон-то липовый. Чтобы сосредоточиться, закрыл глаза и лежу себе, размышляю. Так углубился в мысли, что выпал из реальности и даже не услышал, что кто-то вошёл в мою комнату. Вышел из астрала, только когда одеяло, которое укрывало тело, было отброшено, и рядом улеглась совершенно голая женщина. Я изумлённо открыл глаза, чтобы понять, что происходит. Успел увидеть только весьма симпатичное личико, а потом на меня набросилась истинная фурия. Я лежал под одеялом голым, так её шаловливые ручки сразу схватили меня за причинное место и начали настраивать флейту. Много времени это не заняло, и вот милое создание (а я уже успел её рассмотреть) взгромоздилось на настроенный ею инструмент и начало исполнять целую симфонию. Да нет, скорее кантату, да такую, что я опять провалился в астрал, но теперь не от тревожных мыслей, а от наслаждения. После обоюдной кульминации фурия превратилась в милое покорное создание, которое, прильнув ко мне, шептало ласковые слова. В конце концов, нашепталась на свою голову – силы ко мне вернулись, инструмент превратился в стальное копьё, и я

ринулся на штурм возделенного редута. Ощущения были прекрасные, моя партнёрша тоже ожила и начала помогать не только своими движениями, но и страстными возгласами: «О боже... ещё, ещё... я знаю, ты можешь, о-о-о, Никоша, я тебя люблю!..» Получилось лучше, чем с моей девушкой из нашего времени. Там для Любаши это был просто секс, а тут у незнакомки ощущалась настоящая страсть. Да я и сам под конец ощутил нечто бесподобное. Когда отходил от испытанного оргазма, в голове опять пошла работа над вопросом – кто я есть, почему ко мне пришла эта женщина и что теперь со всем этим делать. Ну, кто я есть – теперь с этим вопросом более-менее стало ясно. Женщина назвала меня Никошей, и скорее всего, я всё-таки вселился в тело Николая Джонсона. А вот кто такая пришедшая ко мне незнакомка? И я начал очень аккуратно опрашивать эту женщину. Начал издали, и чтобы не нарваться на её вопросы, стал жаловаться на своё самочувствие, и что только появление такой феи, как она, вдохнуло в меня жизнь. Вот так и узнал, что попал под грозу и, по-видимому, получил удар молнии, так как нашли меня в бессознательном положении в каретном сарае. А когда она утром узнала о происшествии, случившемся с секретарём великого князя, сама чуть не лишилась чувств. Ведь она так любит своего Коленьку, что если с ним что-либо случится, то ей тоже не жить. Она ждёт не дожждётся ноября, когда запланирована свадьба, вот после этого она ни на шаг не отпустит своего суженого. Так что, Михась, я, оказывается, жених. И кстати, я не против этого – хороша девка, если бы обстоятельства позволяли, я бы с ней продолжал кувыркатся в кровати. Кроме того, что она красивая, ещё и умная, правда, по меркам этого времени. Для нашего она слишком наивная и доверчивая. Вот я и воспользовался этим – наплёл ей, что от удара молнии потерял память, и то, что великому князю грозит опасность. Одним словом, разговорил невесту по интересующим меня вопросам. Настя, а моя невеста проговорила, что её так зовут, рассказала мне многое про твою жену Наталью и про её салон. Вывод Насти один – опасность, которая грозит великому князю, может исходить от людей, посещающих салон Натальи. Многие из этих людей очень нехорошие и подлые. Сама Наталья хорошо относится к Михаилу Александровичу, но особо его не уважает. Считает тюфяком и неспособным постоять за себя и выдвинуться на первые роли в государстве. Поэтому и держится за свой салон – царствуя там, она удовлетворяет свою тягу к манипулированию людьми и утверждает свою значительность. Мечтает она стать царицей и, в общем-то, ненавидит род Романовых. Так что, Михась, нельзя Наталью резко выдернуть из её среды обитания – отослать в Англию и забыть о существовании жены. Можно

будет ждать очень неприятных последствий. Если у тебя душа к ней не лежит, то постарайся, чтобы она сама от тебя отказалась. Может быть, какой-нибудь роман закрутит в этой самой Англии. Аристократы – они такие, пупом земли себя считают, а значит, не удержится доставить себе физическое наслаждение. А пока до её отъезда тебе нужно вести себя, как любящий муж.

Выслушав этот откровенный монолог, я воскликнул:

– Ага, тебе легко говорить, имея молоденькую невесту. Было бы Наталье лет двадцать пять, вопроса бы не было изображать из себя любящего мужа. А на женщину, которой под сорок, боюсь, у меня и член не встанет!

– Да ладно, Михась, свистеть! А вспомни Зою Константиновну, нашего библиотекаря?

– Так с ней случайно получилось – после литры, выпитой на корпоративе!

– То-то ты с ней месяца два встречался!

– Да весёлая она баба, без претензий. Да и готовила вкусно, и трахалась от души. Хорошая женщина, вот только не повезло ей в личной жизни. К тому же я всегда приходил к ней в гости с бутылочкой. А после её употребления было уже всё равно, сколько Зое лет.

– Вот тебе и ответ, как ты должен теперь поступать. Берёшь батл и идешь охмурять свою жену. Первый раз тяжело, а потом привыкнешь, и может быть, тебе это дело понравится. И не захочешь Наталью в Англию отпускать. А нам бы она здесь пригодилась – такой агент влияния в среде не самых последних людей в государстве. Я вот свою Настю уже запряг работать на продвижение наших задумок. Теперь она будет подбирать нам преданных людей и вести бухгалтерию. Девчонка училась в Смольном институте, и там учёт им тоже преподавали, наряду с хорошими манерами и умением вести беседы. Многие она рассказала про свой Смольный институт благородных девиц. Я даже упросил её нарисовать план института. В госпитале, расположенном в твоём гатчинском имении, вместе с Настей работают ещё две бывшие воспитанницы Смольного. Так что, по рекомендации Насти, они первые кандидатки в фан-клуб великого князя.

Кац ехидно усмехнулся и закончил свою реплику словами:

– По крайней мере, в нужный момент эти благородные девицы, устроившись на коленках гвардейских офицеров, будут скандировать: Михаила на царство, Михаил наш самодержец!

Воспоминания о разговоре с Кацем закончились, как только «роллс-

ройс» остановился во дворе красивого особняка. Неплохой домик имел в Питере Михаил Александрович. Я, когда вылез из автомобиля, даже замер, оглядывая эту резиденцию великого князя. Конечно, не только глазел на особняк, а прежде всего давал себе последнюю накачку перед решающим шагом. А затем, сжимая в руке завёрнутую в красивую бумажную обёртку бутылку французского коньяка, шагнул в сторону стоящего у входа швейцара.

Я готовился к тяжелому разговору, с упрёками в мой адрес, но всё получилось совсем не так. Был встречен Натальей как любимый муж, вернувшийся после тяжёлого трудового дня. Поцелуи это ладно, щебетание про текущие дела тоже, но вот стол, заставленный разными деликатесами, произвёл на меня отличное впечатление. А что же вы хотите – чёрная икра под французский коньячок очень вкусно. И при таком столе Наталья ещё и извинялась, что нет мяса по-мушкетерски, так как все блюда подобраны с учётом безвредности для желудка. Ужин прошёл непринужденно, и для этого мне даже не пришлось доставать принесённый коньяк. Наталья явно обладала талантом вести беседу. Обладала она и талантом соблазнения, в этом я убедился после ужина, когда мы остались одни. С бокалом красного вина она подошла ко мне, развалившемся на диване, присела вплотную, пригубила вино и протянула его мне. Я, конечно, не привык пить такие вещи микроскопическими дозами, поэтому махнул вино до конца. Букет этой амброзии, конечно, ощутил, но больше желание обладать женщиной, которая находится рядом. Не знаю, что повлияло на это моё состояние. Может быть, в вино было добавлено какое-то любовное зелье, или на меня подействовал запах сидящей рядом женщины, смешанный с тонким ароматом французских духов. Одним словом, я потерял голову и набросился на Наталью как какой-нибудь пьяный грузчик на портовую шлюху. На ковёр полетели детали дамской одежды, какие-то заколки, кольцо с бриллиантами и изумрудами, а завершающим аккордом на гору женской одежды были брошены мои с таким трудом натянутые в Гатчине бриджи. Эти тесные и, по-видимому, модные брюки, помогла снять сама Наталья, сам бы я быстро не справился.

Когда мы оказались одеты в стиле Адама и Евы, я ни секунды не раздумывая, поставил Наталью в любимую позу моей наставницы по эротическим играм, Зои Константиновны, и приступил к делу. Наверное, моя наставница на бессознательном уровне внушила мне, что возрастным женщинам именно так нравится заниматься любовью. Вот я и делал всё, чтобы моей жене было хорошо. И в этом не ошибся. Такое графиня ещё не испытывала, через пару минут она начала постанывать, как курсистка в

первую брачную ночь, а потом так разошлась, что даже переплюнула любительницу любовных выкрутасов Зою Константиновну. В моей жене открылся вулкан страстей. Во мне тоже. Извержение было сродни землетрясению в десять баллов, а потом были поцелуи, нежные поглаживания и жаркий, с придыханиями шёпот:

– Мишенька, милый, ты был просто великолепен! Так хорошо мне ещё никогда не было!

– Вот видишь, Натусик (именно так Михаил в интимной обстановке обращался к жене, судя по воспоминаниям, оставшимися в долговременной памяти), как полезны перерывы в общении между любимыми. Когда приедешь обратно из Англии, я тебе здесь настоящее Ватерлоо устрою.

– Да как я там буду одна, на этом промозглом острове?

– Надо, Ната, надо! В России грядут серьёзные катаклизмы! На фронте беспокойно. Многие части разложились, и если немцы устроят нечто подобное пятнадцатому году, то всё посыплется. Начнутся солдатские бунты, будут резать представителей верхнего сословия, и в первую очередь членов дома Романовых. А тобой и сыном я рисковать не могу.

– Так поехали в Англию вместе!

– Да ты что? Я русский офицер и родину не предаю! Если я уеду, тогда точно всё развалится! Ники не сможет удержать ситуацию под контролем – слаб он, не авторитарен и к тому же к своей немке прислушивается. Не уважает его офицерский корпус.

– Так Николай Николаевич есть. Все говорят, что он очень популярен в армии!

– Согласен! Популярен. Но только среди дилетантов в военном деле. Для тех, кто судит о войне по хвалебным статьям в газетах. А профессионалы знают, что вина за сдачу Варшавы и другие военные неудачи 1915 года лежат именно на великом князе Николае Николаевиче. Думаешь, просто так император взял бразды правления армией в свои руки? Да из-за своего честолюбия и жажды власти бывший главнокомандующий совсем задвинул все инициативы командующих фронтов и армий. Если бы Николай не стал главнокомандующим, то инициатива Брусилова так и осталась бы мечтой о русском ответе на германские успехи 1915 года. Не было бы Брусиловского прорыва. Не зря Николай Николаевич в армии получил прозвище «Лукавый» – он всех провёл и вышел чистый из того позора 1915 года. Несмотря на допущенные просчёты, он сейчас всё равно на коне и стал наместником на Кавказе. Конечно, некоторые операции можно поставить великому князю в заслугу, и прежде всего это отвод армии с Карпат и из «польского мешка». Здесь он

переиграл генерал-фельдмаршала Гинденбурга, но общий-то счёт в пользу немца. Так что отдавать ему бразды правления всей страной будет большая глупость. Хотя он этого, несомненно, хочет и копает под Ники, раздувая проблему его жены-немки. Именно он стал проводником политики германофобии и шпиономании. Одно дело полковника Мясоедова чего стоит.

Многие факты да и отношение к бывшему главнокомандующему я взял из долговременной памяти Михаила. Поэтому был уверен, что не проколюсь перед человеком из этого времени, тем более женщиной, далёкой от всей военной чехарды. Наталья восприняла мои слова как истину в последней инстанции. У неё вырвался только один вопрос:

– Миша, что же делать? Я знаю, что Ники в последнее время находится в страшной депрессии. Военные проблемы и положение во внутренних губерниях страны накладываются на неурядицы в семье. Страшная болезнь наследника начинает усугубляться. Говорят, что Николай II может отречься, чтобы избавиться от той напасти, которая поселилась в его семье и поразила всю страну. Завсегдатаи моего салона говорят, что и армия, и Дума против Николая II, только Георгий Распутин даёт ему духовные силы держаться. Куда же мы катимся?

– Катимся к большому бардаку. Если Ники не выдержит и сдастся, то начнётся кошмар! Вот этого я и боюсь, поэтому и отсылаю тебя с сыном в Англию. Знаю, что многие желали бы устранить Распутина с его маразматическими разговорами и действиями. Мне он тоже не особо нравится, но я понимаю, как Распутин важен для семьи моего брата. Если не дай бог наши патриоты его убьют, то это явится спусковым крючком к решению Ники плюнуть на всё и уйти в семейные дела. Ты знаешь, как я не хочу быть наследником престола, какие это ограничения накладывает на личную жизнь. Ты становишься рабом скипетра, для тебя закрыта обычная человеческая жизнь. Но если всё полетит к чёртовой бабушке, Николай отречётся, то придётся взваливать на себя эту кошмарную ношу.

Когда я это говорил, то специально наблюдал за реакцией Натальи на мои слова. И ей-богу, когда сказал, что в случае отречения Николая II не буду отказываться от престола, глаза Натальи сверкнули, а на лице проскочила еле заметная улыбка. Несомненно, Наталья хотела стать женой императора. Всё было именно так, как предсказывал Кац. Ещё он говорил, если жена заинтересована в том, чтобы Михаил короновался, то не нужно отсылать её в Англию. Если у нас не получится переломить ситуацию на фронте и притушить все противоречия, накопившиеся в обществе и среди элиты, то тогда отречение Николая II неизбежно. И придётся пойти на

третий вариант нашего плана коррекции истории России. А именно Михаилу Александровичу нужно занимать царский престол. А для этого требуется подготовить почву, чтобы не вышло так же, как в нашей реальности. В этом направлении мы уже начали работать. Но пока только с виднейшими представителями Думы. Судя по истории, поддержка Думы и командующих фронтами это самая главная составляющая успешного занятия трона. Но поддержка общественности тоже нужна. По мысли Каца, в этом может помочь Наталья – распиарить великого князя в своём салоне. Так как она сама в этом заинтересована, то будет вкладывать в это все свои силы и душу. Ещё немаловажна и поддержка внешних сил – союзников России по Антанте. Этим вопросом мы собирались заниматься всё время, которое осталось до отъезда великого Князя на фронт. Кац, оставшись на совещании думцев, кроме согласования конкретных действий по созданию нового комитета, должен был провентилировать вопрос о налаживании связей с посольствами Англии, Франции и Соединенных Штатов. И у Родзянко, и у Гучкова, да и у князя Львова были хорошие связи в посольствах этих стран.

Отвлечённые размышления о задачах, которые нужно выполнять, были прерваны сладкой действительностью. Наталья, восстановившись от предыдущей серии любовных игр, опять прижалась ко мне и попыталась продолжить. Но мне надоело ютиться на диване, захотелось почувствовать себя настоящей элитой общества и испытать мягкость великокняжеской перины. Поэтому, обняв жену, я ей шепнул в ушко:

– Милая, пойдём в спальню, там попробуем способ любви, практикуемый в восточных гаремах – о нём поведал мне один из моих офицеров – мусульманин, азербайджанец из горного Карабаха, сын местного правителя.

Жена, заинтригованная моими словами, поднялась с дивана, а когда я встал, взяв меня за руку, повела в спальню. Перина, впрочем, как и громадная кровать, была великолепна. Было где и, самое главное, с кем разгуляться. Вот я и разошёлся, показал класс, применил все навыки, полученные в XXI веке. Тем более Наталья, услышав, что её муж, в общем-то, готов стать преемником Николая II, стала податливая и мягкая, как пластилин. Куролесили мы до поздней ночи, а когда я упал уже полностью обессиленный, получил сеанс массажа и море ласковых слов. Одним словом, я уснул, полностью выполнив свой супружеский долг, и снял все подозрения Натальи, что я стал ей чужим. Конечно, она продолжала думать, что я стал несколько иным – более инициативным и жёстким, но ей это даже понравилось. А свою грубость и новый сленг я объяснил

влиянием фронта. Что там окружают меня в основном не очень образованные мусульмане, объясняющиеся с сильным акцентом и иногда использующие совершенно дикое для русского уха слова, и выражения другие у моих джигитов. Пришлось рассказать жене пару жутких эпизодов, которые учинили джигиты Дикой дивизии в Карпатах. Взял я их, конечно, из отложившихся в долговременной памяти великого князя воспоминаний. Мой рассказ произвёл ожидаемое впечатление. Наталья задумалась, прекратила преследовать со своими расспросами, и я смог наконец заснуть.

Следующий день был поистине сумасшедший. Переговоры с различными людьми шли непрекращающимся потоком. И всем этим людям я должен был внушить уважение и в конечном счёте понравиться. А это было трудно. Практически все они были знакомы с настоящим Михаилом Александровичем и имели представление о его мягком характере и бесхребетности. А нужно было внушить им, что воля и характер у великого князя есть, и в случае необходимости он сможет удержать ситуацию в империи под контролем. Сложность была и в том, что я встречался не только с российскими должностными лицами, но и с послами Франции и Англии. С нашими я вёл себя как образованный человек, болеющий за страну и монархию. С послами вёл себя совершенно по-другому – как генерал «Держиморда», которого служба командиром Дикой дивизии так обкатала, что выбила весь европейский лоск и образование. Я пытался внушить иностранным послам, что великий князь хоть и недалёкий, но человек практичный и считает делом чести выполнять свои обещания. Несомненно, он будет вести войну до победного конца, вот только предатели и германофилы мешают этому. А если ему помогут материально, то он этих самых «филов» передавит и на белом коне погарцует по Берлину. Тогда и кредиты вернёт. Деньги нужны не столько для закупки вооружений, а чтобы влить в сельское хозяйство, чтобы поддержать крестьян, истощённых войной. Когда народ почувствует помощь императора, то тогда можно будет приступить к искоренению всяких там марксистов и прочих германофилов. А когда будет прочный тыл, русская армия немедленно начнёт наступление на германцев. Посыл был такой – вы нам деньги и помощь продовольствием, а мы, когда наведём порядок, начнём воевать по-серьёзному. А пока извините, господа, сил нет – бардак-с.

На всех встречах со мной был секретарь Джонсон. Если о чём-то удавалось договориться, то я представлял Каца как своё доверенное лицо. А так как я вскоре отправляюсь в свой корпус на фронт, все дела в моё отсутствие будет вести Джонсон. Все с пониманием к этому относились и

обещали реагировать на любую просьбу Каца незамедлительно и исполнять её с тем же усердием, если бы к ним обратился сам великий князь. Особенно такие обещания были важны со стороны министра внутренних дел Протопопова Александра Дмитриевича. Ведь Кацу предстояло занять Смольный и развернуть там комитет по национальной политике. А кроме этого, начинать работу с еврейскими организациями, с целью склонить их к мысли принять активное участие в продвижении идеи основания государства Израиль со столицей в Иерусалиме. Протопопов был назначен министром внутренних дел несколько дней назад, наверное, поэтому он с большим вниманием выслушал предложения великого князя по умиротворению гражданского населения империи. Министр быстро уяснил все плюсы этих идей, а к вопросу переселения евреев в Палестину однозначно отнёсся положительно. А вот английскому послу такая идея не понравилась. Сначала-то он был доволен, что я своим доверенным лицом выбрал Джонсона – хоть и обрусевший, но всё-таки англосакс. Поэтому, может быть, и легко согласился поставить перед своим правительством вопрос об оказании дополнительной финансовой помощи Российской империи. Когда мы обговорили конкретные детали, а также то, на какую сумму транша может согласиться Великобритания, я ради проверки задал вопрос по поводу основания государства Израиль. Бьюкенен сразу же стал безукоризненно вежлив и холоден. Стало понятно, что Великобритания будет всячески препятствовать этому. Естественно, я не стал продолжать эту тему. Не хватало ещё рассориться с Джорджем из-за евреев. Достаточно было начать с ними работу в России, а когда эта идея станет популярной среди российских евреев, то там, глядишь, и американские сионисты подтянутся. Тогда и можно начинать действовать в этом направлении. Вместе Россия и США быстро уломают Великобританию не препятствовать созданию независимого еврейского государства. А сейчас мы слабы и зависимы от союзников, а Англия имеет большие виды на Ближний Восток и не позволит кому-либо мешать им в тех местах. Так что нужно молчать и попытаться из заносчивого Альбиона выжать хоть что-то для моей страны. Так что я эту тему больше не поднимал, а чтобы хоть как-то объяснить свои слова, заявил:

– Сэр Джордж, в западных губерниях России слишком много евреев, они народ энергичный и начали лезть в политику, примыкая в первую очередь к антиправительственным силам. Вот у меня и возникла мысль выселить их куда-нибудь. У правительства будет меньше проблем, и оно сможет больше внимания уделять армии. Но если союзники не помогут нам в этом деле, то забудем эту идею. Будем жить как живём. Только вот денег,

которые выделяют союзники, нужно больше. Не экономить же на армии, чтобы заткнуть дыры в бюджете. Они образуются во многом из-за того, что приходится тратить много средств на противодействие антиправительственным силам.

Посол понял меня так, как я и рассчитывал – что великий князь, озвучивая идею создания на Ближнем Востоке государства, населённого русскими евреями (а значит, априори поддерживающих Россию), хочет просто получить больше денег от Великобритании. Мол, если вы хотите контролировать Ближний Восток и, соответственно, Средиземное море, то раскошеливайтесь, а то мы можем на государственном уровне поднять вопрос об основании Израиля. А эту идею наверняка поддержат все сионистские организации мира, многие банкиры, да и Соединенные Штаты, где очень сильна еврейская диаспора. А почему я решил, что Бьюкенен понял меня именно в нужном ракурсе? Да по одной простой причине – мы стали торговаться о размере кредитов, которые Великобритания сможет выделить России. Джордж Уильям просто начал излучать доброжелательность и любовь к своему союзнику. Опять начал улыбаться и даже смеяться, когда я выдавал порцию довольно плоских солдатских шуток. Наконец мы договорились о сумме кредитов на этот год. И самое главное в нашем договоре было то, что средства пойдут не на счета министерства финансов, а на специальный счет в Учётном банке, и единственным распорядителем этих денег будет великий князь или его секретарь господин Джонсон. Суммы кредитов, конечно, были невелики и больше походили на крупные взятки великому князю за то, чтобы он не продвигал идею создания еврейского государства. Но я, впрочем, как и Кац, был доволен результатом этой встречи. Вырисовывался реальный шанс на эти деньги создать резервный запас продовольствия. Наши авантюрные задумки начали обрастать реальными делами. А финансовый ресурс, в нужное время пущенный в дело, это, пожалуй, лучшее средство затушить надвигающуюся катастрофу. Почти приятельские отношения, установившиеся с английским послом сэром Джорджем Уильямом Бьюкененом, в дальнейшем могли очень пригодиться. А приятельскими они стали в силу нескольких причин. Во-первых, конечно, из-за того, что английский замок великого князя находился рядом с родовым гнездом Бьюкенена. Соседи, так сказать, и вполне, когда оба будем в Англии, можем ходить друг к другу попить чайку. Во-вторых, ближайший сотрудник (секретарь) великого князя по крови был англичанином. И, в-третьих, разговоры мы вели по-английски – оказывается, я знал язык практически в совершенстве.

Глава 9

После посещения английского посольства мы с Кацем поехали в великокняжеский особняк, требовалось всё обсудить и подкорректировать наши дальнейшие действия. Да, я решил остаться в городском доме, хотя вчера это и не планировал. Думал, дам накачку Наталье, чтобы она быстрее уезжала в Англию, и вернусь в Гатчину. А оно вон как вышло – семейная жизнь возобновилась, и глупо было спать одному, когда законная супруга рядом. Да, вот так я стал рассуждать после бурной ночи. Меня уже не смущало, что она гораздо старше меня из прошлой реальности. Ну и что, в этой реальности я же её старше, да и в плане секса у нас с ней всё хорошо. Заводит эта графиня меня не по-детски. В той реальности молодые так не заводили, как сейчас эта графиня, и это несмотря на то, что она моя законная жена. Вот теперь мне стало понятно, почему Михаил Александрович, вопреки общественному мнению, финансовому благополучию, великолепной карьере, выбрал эту женщину. Я, конечно, не он, голову не потеряю, но сексуально она мне понравилась. А тут ещё возник меркантильный интерес – использовать Наталью, вернее её салон, в деле изменения исторического вектора развития России. И я по этому поводу уже провёл с ней работу. Теперь в этом салоне ненавязчиво будут прививать мысль о том, что неплохо будет, если самодержцем вместо Николая II станет Михаил Александрович. Внедрять эту мысль будет не только сама Наталья, но и Джонсон. Я договорился с женой, что на всех вечеринках будет присутствовать и мой секретарь Джонсон. Но я всё-таки как-то беспокоился о Наталье и нашем сыне Георгии (который в настоящее время находился со своим воспитателем в Крыму), поэтому всё равно хотел их отправить в наш замок в Англии. Подальше от надвигающейся бури, поэтому всё-таки договорился с женой, что в ноябре она с сыном точно отправится в Англию. Маршрут был отработан многими покинувшими Россию – сначала в Швецию, а затем на пароходе под нейтральным флагом в Англию.

Вот о чём я размышлял, пока добирались до моего городского особняка. Но сразу закрыться в кабинете не удалось. Пришлось соответствовать роли семейного человека – беседа с женой и ужин на три персоны в малой столовой. Впрочем, ужин был весьма кстати. В посольствах мы пили только чай с печеньем и какими-то десертами. Всё это было, конечно, вкусно, и чувство голода перебивало, но для русского

желудка как-то было несерьёзно.

Наконец все семейные обряды были выполнены, и мы с Кацем поднялись на второй этаж, в мой кабинет. Я уже знал, где он находится – именно там мы с Натальей начали наши любовные игры. Сегодня всё было серьёзно и по-деловому. Обсуждение событий дня начали с эпизодов посещения посольств. При детальном анализе получалась интересная вещь – посол Франции вроде бы принимал нас лучше, но конкретного результата добиться не удалось, а вот посол Англии, несмотря на то что юлил и отнекивался, обещал, что Великобритания до конца года перечислит 150 тысяч фунтов стерлингов на счёт, который утром открыл Кац в Учётном банке. Одним из учредителей там был Гучков. А до начала его избрания в Думу он был его директором. Так что, с учётом завязавшихся деловых отношений с этим уважаемым депутатом Думы, банк был подобран с умом. Мы его ещё на почве финансов привяжем к великому князю. Неплохие результаты были достигнуты и в результате встречи с министром внутренних дел. Была обещана всемерная помощь в деле умиротворения общества, а именно национальных меньшинств, путём содействия общественному комитету по национальной политике. По моей рекомендации Кац стал вхож в министерство внутренних дел, его даже представили некоторым начальникам департаментов. И не просто представили, а рекомендовали тем оказывать господину Джонсону всемерное содействие. Важным человеком становился мой секретарь в этом мире. Признав этот день вполне плодотворным, мы перешли к планированию завтрашних встреч.

Следующий день предстоял тоже хлопотный. Может быть даже тяжелее, чем сегодняшней. И не по количеству встреч, а из-за того, что мы не сможем поддерживать друг друга. Предстояло разделить и выполнять каждому свою задачу. Мне – встреча с военным министром Шуваевым, а затем с послом Соединенных Штатов. Ну а Кац вместе с Гучковым должен был посетить несколько химических предприятий, где планировалось размещать заказы на производство напалма. А после этого он должен был выехать с представителем Гучкова для осмотра территории, которую тот рекомендовал для размещения особо охраняемых складов и организации секретной лаборатории. А если прямо сказать, место, где будет размещён резервный склад продовольствия и воинский контингент, на случай неблагоприятного развития ситуации в Питере. Для этой поездки я выделял свой «роллс-ройс». Мне он был не нужен. Ведь после поездки к Шуваеву американский посол сам приедет ко мне в особняк на приём. Об этом позаботилась Наталья через кого-то из своих знакомых. Этот знакомый

должен был, кроме переданного приглашения, провести определённую работу с послом, чтобы тот особо не упирался, когда великий князь будет просить о содействии в борьбе с германским милитаризмом.

Обсудив с Кацем, что именно нужно просить у американца, мы пришли к единому мнению, что прежде всего грузовые автомобили, чтобы на их базе создавать «Катюши». К тому времени, когда их доставят в Архангельск или в шведский порт, ракеты для катюш уже должны быть готовы. А ещё можно будет просить у посла Френсиса поставок продовольствия. Американцы вроде бы уже начали в промышленных масштабах выпускать тушёнку и сгущенное молоко в жестяных банках. Самое то для наших целей, да и для посла должно быть интересным оседлать такой товарный поток. Дэвид Френсис до занятия государственной должности был бизнесменом. Наталья через своих знакомых узнала, что когда-то он был президентом торговой биржи в Сент-Луисе. А на этой бирже одной из самых успешных товарных групп являлись нужные нам консервы и сгущенное молоко. Калорийные продукты, легко раскладываются по порционным бумажным пакетам. И так же легко развозятся до мест, где будет происходить раздача продуктовых наборов. Думаю, несколько грузовиков с такими наборами утихомирят жён рабочих, да и самих отцов семейств. А продуктовые карточки для труженников оборонных предприятий заставят людей не переживать о пропитании своих семей. Свободные кредиты просить не стоит – американцы очень трепетно относятся к деньгам и потом за выделенные ими средства будут требовать совершенно неприемлемых вещей. С товарами проще, в правительстве ведь считают, что это именно американский товаропроизводитель получил доход, а значит, избиратель доволен, и можно руководить страной и дальше.

После детального обсуждения этой темы мы собрались заканчивать заниматься предположениями, что означают нюансы в поведении собеседников. Какая, к чёрту, разница – важны конечные результаты. А завтра вставать рано и нужна ясная голова. Ради этого Кац решил не ехать в Гатчину, чтобы провести ночь со своей Настей, а остался в Питере. Хотя у Джонсона была в городе квартира, даже ключи от неё нашлись в кармане сюртука, но Кац не знал, где она находится. В долговременной памяти Джонсона вид квартиры был, а вот адреса или, допустим, схемы проезда к ней не было. Пришлось Кацу оставаться у меня – ночевать в гостевой комнате. Но сегодня ладно, а вообще-то эту квартиру нужно было найти обязательно. В квартире была довольно приличная сумма денег, сменная одежда и обувь, а также масса необходимых в жизни мелочей. Мы даже,

несмотря на усталость и принятое решение разойтись, начали разрабатывать метод, по которому будем искать эту квартиру. Наверное, занимались бы этой ерундой долго, если бы я в сердцах не воскликнул:

– Слушай, Саня, мы уже совсем маразматиками стали! На всякую чушь своё время собираемся тратить. Ты же теперь вхож в министерство внутренних дел. Вот и поручи их службе найти квартиру, которая принадлежит господину Джонсону. А то надо же, собрался обходить переулки вдоль Невского в поисках запомнившегося Джонсону фикуса, стоящего у кого-то на подоконнике. Может быть, ты надеешься встретить ту даму, которая выглядывала из того окна, где стоял этот фикус?

– А что делать, квартиру-то найти надо? Не могу же я даже бельё не менять? Ориентиры для поиска квартиры, которые я откопал в долговременной памяти – только этот фикус в окне, напротив подъезда доходного дома, в котором и находится квартира Джонсона. Но ты прав, оставим вариант обхода переулков Невского на крайний случай. Но обращаться в министерство внутренних дел не стоит – привлечём к себе ненужное внимание. Я вот тут вспомнил, что как-то мы с Настей ночевали в какой-то квартире. Наверняка это была жилплощадь Джонсона. А значит, Настя бывала в квартире Джонсона и знает, как туда добраться. Вот я завтра после осмотра площадки в Шушарах заеду в Гатчину и приглашу её в свою квартиру в Питере. Уже в городе сделаю вид, что меня укачало в автомобиле и я стал плохо ориентироваться в окружающем мире. Настя меня и отведёт в квартиру. Ну как план?

– Нормально! Но вот только если ты её пригласишь в свою квартиру, то и должен будешь доставить свою невесту обратно в Гатчину. А не забывай, у нас запланировано очень важное мероприятие. Меня будут представлять на должность председателя в Особом совещании по обороне. И ты, как мой секретарь, тоже должен присутствовать. Сам понимаешь, как важна эта должность в продвижении наших планов. Начало этого совещания в девять, и прибыть туда нужно солидно, не как все, на пролётках, а на «роллс-ройсе». Всё-таки великий князь и будущий председатель прибывает.

– Да понятно всё! Я её после того, как попаду в квартиру, отправлю обратно в Гатчину. Сошлюсь на плохое самочувствие, и водитель отвезёт её в госпиталь. Ну, может быть, для приличия чайком угощу.

– Ага, знаем мы этот чаёк! Сам люблю почаёвничать!

Пошутив ещё несколько минут по поводу наших обоюдных слабостей, мы всё-таки решили разойтись по своим спальным местам. Кац направился в свою комнату-одиночку, ну а я к законной супруге – продолжать

проверять крепость пуховой перины.

Утром я так и не увидел своего друга. «Да всё потому, что в этом мире я великий князь и могу спать сколько хочу, ну а Кац наёмная рабочая сила и обязан оправдывать мою благосклонность. Должен рано вставать и всё подготавливать, чтобы его патрон не занимался всякой мелочёвкой». Так, иронизируя над ситуацией, думал я, поглощая пресный и безвкусный завтрак. Прислуга продолжала меня кормить как больного язвой. Хотя я абсолютно не чувствовал никаких болезней, но объявлять себя здоровым не спешил. А зачем? В неудобных ситуациях всегда можно было сослаться на приступ язвы, и все бы этому поверили. Сам я думал, что язва зарубцевалась вследствие каких-то процессов, которые произошли во время переноса моей сущности в тело Михаила Александровича. Анализировать всё это не было ни сил, ни времени. Принял это как данность и в меру своего разумения использовал этот подарок судьбы. Конечно, не всегда моя стратегия по поводу болезни была оправдана. Вот и сейчас за завтраком сидел и давился мерзкой, даже не солёной перловой кашей. Одна отрада была – позлорадствовать над вставшим с восходом Кацем. Да ещё вспоминать вкус пирожков, которыми я объедался в первый день появления в этом мире.

Наконец издевательство над организмом было закончено – каша была съедена, а слабенький чай, налитый не в очень большую фарфоровую чашку, выпит залпом. И вот я, напомаженный, одетый по последнему писку местной моды, направляюсь к ожидавшему меня во дворе «роллс-ройсу». Но на самом деле вся эта картина была только в моём мозгу. Хотелось так выглядеть. Почувствовать себя сверкающим аристократом, лениво шагающим к своему шикарному автомобилю. На самом деле я почти выбежал к довольно замызганному «роллс-ройсу», одетый в неудобную полевую военную форму. Единственное, что в ней было хорошее, это погоны генерал-лейтенанта, так же как и в автомобиле – название фирмы «Роллс-ройс». Вообще-то я удивлялся – как это чихающее недоразумение ещё ездит и не разваливается.

Раздражение, полученное ещё во время завтрака, не прошло, даже когда я приказал водителю остановиться недалеко от бабки, торгующей жареными пирожками. Глотая слюну, распорядился сходить к ней и купить несколько штук. Злость на жизненные обстоятельства лишь немного улеглась, когда слопал штук шесть маленьких комочков амброзии. Но всё равно к военному министерству, на встречу с министром Шуваевым, подъехал раздражённый великий князь. А тут ещё, когда выбирался из неудобного рыдвана под названием «роллс-ройс», нелепая и жёсткая

военная форма так пережала кое-что ниже поясницы, что я чуть не вскрикнул и выругался матом. Встречающего полковника это сразу же выбило из седла, сломало заготовленную речь, а может быть, и рапорт. Он встал передо мной как столб и что-то проямлил. Я ничего не понял, и это добавило закваски в поднимающуюся из глубины души ярость. Природа её была непонятна, но она требовала выхода. И я начал орать на ничего не понимающего полковника:

– Что встал столбом, дубина стоеросовая? Окопались тут в столице, ни одна сволочь на передовой своего носа не покажет! Почему министр не вышел встречать великого князя, георгиевского кавалера, фронтовика? Чувствует себя пупом земли? Мать твою!.. Марш в кабинет к этому пупу – я сейчас вставлю ему по самые гланды! Тыловики чёртовы...

Полковник молча, как марионетка, повернулся и пошагал в здание министерства. Я, продолжая бушевать, последовал за ним. Даже охрана прижалась к стенке, когда мы проходили мимо их. Но это были ещё цветочки, по-настоящему я начал буйствовать у кабинета Шуваева, когда узнал, что министр задерживается – у него с самого утра, оказывается, была назначена встреча с великим князем Николаем Николаевичем. Вот тогда у меня начался настоящий эмоциональный взрыв. В приёмной министра чихвостил всех подряд. А среди ожидающих Шуваева людей было даже несколько генералов. Тогда мне было всё равно, обида и злость затуманили мозг. Можно сказать, элиту государства я поносил площадной бранью. И что самое интересное, ни один из крупных чиновников и генералов даже и не пытался открыть рта. Всё-таки они боялись и уважали брата императора. Когда я это осознал, ярость начала уходить, и внутренний голос уже материл самого себя. Свою невыдержанность и идиотизм. Что я, спрашивается, цепляюсь к этим людям, они как могут, так и живут. Что не смогли обуздать в 1917 году деструктивные элементы, заботясь в первую очередь о своём благополучии, так это в природе человека. Если бы ты не знал, что тебя через год шлёпнут чекисты, если позволить истории развиваться прежним путём, то однозначно бы занялся своим благополучием. Быть великим князем и не попользоваться этим, да не в жизнь. Так что ты осуждаешь других людей? А что касается опоздания недавно назначенного военного министра на запланированную встречу, так это обычная накладка и связана она с твоей незначительностью и отсутствием властных полномочий. Министр-то знает, что Михаил Александрович бестолочь, который получил звание генерал-лейтенанта только из-за родственных связей с императором. Ради общения с этим, в общем-то, бесполезным для его карьеры человеком Шуваев не стал

отказываться от встречи с прибывшим в Петроград великим князем Николаем Николаевичем. Тот действительно был величина, популярный во всей империи представитель семейства Романовых. К тому же Николай Николаевич был совсем недавно непосредственным начальником бывшего главным полевым интендантом генерала от инфантерии Шуваева Дмитрия Савельевича. Пускай Николай Николаевич сейчас не главнокомандующий, но вполне реальная кандидатура на царский трон. Так что такого человека обижать нельзя, вот Шуваев, плюнув на встречу с Михаилом Александровичем, по первому вызову помчался к Николаю Николаевичу. Что брат императора подождёт, то это не беда – не велика цаца в их властной тусовке, а вот дядя императора это солидная фигура и решает многие вопросы. Хоть Николай II и сменил на посту главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, но многие рычаги власти так и остались в руках дяди императора.

Великий князь прибыл в Петроград неожиданно для многих, но не для меня. Завтра он должен присутствовать на заседании особого совещания по обороне, где будет выдвигать меня вместо себя на пост председателя этого довольно влиятельного, хотя и хлопотного органа. Вот, наверное, и вызвал к себе Шуваева, чтобы поставить ему задачи, которые тот должен продвигать на этом совещании. Так что нечего тут в приёмной наводить шорох, министр всё равно завтра будет работать на меня. А то, что он является агентом влияния Николая Николаевича, запомним. В общем-то это нормально, что верховный главнокомандующий близко контактировал с армейским министром, но теперь верховный Николай II, да и мы с Кацем появились с амбициозными планами переустройства Российской империи. В настоящий момент мне начал не нравиться министр Шуваев. И не потому, что он довольно пренебрежительно отнёсся к Михаилу Александровичу, вовсе нет. А вот именно из-за его отношения к Николаю Николаевичу. Что ни говори, а во многом из-за кулуарных игр великого князя Николай II отрёкся от престола, и это поддержали все командующие фронтами. А среди них влияние Николая Николаевича было очень велико. Понятно, что Николай II слабый царь и никудышный главнокомандующий, но всё-таки нельзя было расшатывать власть в такой ситуации. Но амбиции страшная вещь – кажется, что сделаешь всё лучше, а в итоге получается то, что подталкиваешь страну в ад. Вот из-за амбиций Николая Николаевича тот и становился нашим противником в деле изменения вектора истории. Поэтому к его сподручным в подковёрных интригах стоило относиться очень настороженно. А жаль, что, по-видимому, Шуваев оказался одним из них. Когда буду рассказывать ему о новом оружии, стоит предполагать, что

Шуваев будет рассчитывать применять его с пользой для великого князя, а не для России. А я сегодня, для привлечения военного министра в наши союзники, хотел рассказать ему о напалме и катюшах. Ну что же, что ни делается – всё к лучшему. Предупреждён, значит, вооружён.

Продумав сложившуюся ситуацию, я понял, что лучше не обострять отношения с Шуваевым, а с гордым видом удалиться. Ясно ведь, что если дождусь министра, то тяжёлого разговора не избежать. А получать врага в лице уважаемого и влиятельного человека нельзя. А если сейчас уеду, то, во-первых, сохраню лицо, а во-вторых, собственные нервы. То, что сейчас уеду, Шуваева вряд ли обидит, и мстить он не будет. Моё скандальное поведение будет списано на невыдержанность аристократа, перед которым не лебезят, а занимаются важными государственными делами. Завтра спокойно переговорю с военным министром, и, думаю, во-первых, сегодняшней инцидент будет исчерпан, а во-вторых, он всё равно будет чувствовать неловкость перед Михаилом Александровичем. На этом можно будет сыграть и добиться кое-каких преференций от его министерства. Делать как задумал нужно быстрее, а то по закону подлости столкнусь с министром в каком-нибудь коридоре. Чтобы не проколоться при встрече с Шуваевым (а я не представлял, как он выглядит), я буркнул стоящему рядом полковнику, который меня встречал:

– Полковник, пойдёмте, проводите меня до автомобиля. У меня совершенно нет времени ждать министра. Завтра я его увижу на совещании, там и переговорю.

Мы спокойно, никого не встретив, дошли до автомобиля и там (к удивлению полковника) я автоматически пожал ему руку. Не козырнул, как здесь было принято, а именно пожал, как близкому другу. В кабине я, естественно, начал себя ругать за это, но подумав, что такой жест полковник примет за привычку настоящего фронтовика, успокоился. Раздражение, преследовавшее меня с утра, исчезло, и я подумал, что это не просто так. Наверное, внутренне я не хотел встречаться с Шуваевым, вот и начал чудить. Через двадцать минут был уже у себя дома, а ещё через два часа встречал американского посла.

За то время, которое провёл дома, я окончательно успокоился, и когда посол вошёл в мой кабинет, встретил его очень любезно. Из меня просто пёрло дружелюбие и желание угодить представителю американских штатов. Может быть поэтому дипломатический язык посла быстро перешёл в нормальную человеческую речь. А может быть потому, что я общался с ним на его родном языке. Английский, впрочем, как и французский, отложился в долговременной памяти Михаила Александровича, и я

спокойно мог оперировать этими знаниями. Ещё один бонус, которая получила моя сущность, заняв тело великого князя.

Общаться я с ним начал, используя приёмы, которые отработал ещё в своём времени. А именно когда общался с моими коммерческими партнёрами. Да, вот именно, работая в техническом отделе НИИ Мозга, я ещё и бизнесом занимался, как и большинство не особо бухающих сотрудников. Которые, правда, называли эту деятельность халтуркой. Заклучалась она в том, что народ клепал для московских дачников, имеющих надёлы в Серпуховском районе, различные гаджеты. Моя специализация была в изготовлении крысопугалок. Это такой мультивибратор, генерирующий звуковые колебания, которые крысы, да, впрочем, и другие грызуны не переносят, а человек их не чувствует. Клиент, который разорялся на это чудо русской изобретательности, мог забыть, что такое крысы и кроты на своём участке. Они обегали стороной территорию, защищенную колпаком высокочастотных звуковых колебаний. Не то чтобы мой бизнес процветал, но элементная база требовалась большая. Списанных и приватизированных в НИИ деталей и материалов не хватало. Приходилось закупать кое-что и на рынке. Бывало, постоянные поставщики выделяли материалы и в кредит. Вот и сейчас я обрабатывал американского посла, как тех поставщиков.

Моя обработка начала давать результаты, особенно после того как он узнал, что воюющей России нужны не деньги, а товары. Мне удалось добиться, что посол пообещал, что он будет настойчиво ходатайствовать перед президентом и конгрессом, чтобы России оперативно выделили товарный кредит. Естественно, я зацепился за это обещание и начал убеждать посла, что грузовики и продукты нужно прислать как можно быстрее. Я знал, что США выступит союзником Антанты, и в общем-то не сомневался, что запрашиваемые мной товары будут поставлены. Вопрос – когда? По разработанному нами с Кацем плану – первые грузовики нужны будут месяца через два, а продукты должны лежать на нашем складе к февралю 1917 года. И в таком количестве, чтобы ими можно было кормить многомиллионный город месяца два-три. Вот насчёт этого в основном и вертелась наша беседа.

Чтобы ещё больше заинтересовать американца, я объяснил, зачем нам срочно нужны грузовые автомобили. А когда показал нарисованную мной ещё вчера схему катюши и рассказал, какой эффект вызовет применение систем залпового огня, то своей откровенностью произвёл очень хорошее впечатление на посла. Знал бы он, что этот ход мы с Кацем продумали ещё вчера. И в общем-то были не против того, чтобы сведения о разработанном

русскими новом оружии поступали немцам из разных источников. Можно быть уверенным, что теперь они поступят им и из Америки. Не от посла, конечно, а откуда-нибудь из госдепартамента. Кроме широкого распространения слуха о новом секретном оружии русских, передача такой конфиденциальной информации служила и целям сближения с послом Соединенных Штатов. И он действительно поплыл. Согласился с моими требованиями поставки автомобилей как можно быстрее, а под это дело прошло и требование скорейшей поставки продовольствия длительного хранения. Ещё в навигацию этого года был обещан приход четырёх пароходов в Архангельск. А учитывая то, что море там в ноябре-декабре замёрзнет, то поставки посол обещал организовать очень быстро. В общем-то, я добился от посла Соединенных Штатов всего, что было запланировано, он, видно, тоже получил от великого князя всё, что требовалось. Уверения, что Россия продолжит войну до победного конца и что она очень надеется на помощь Соединенных Штатов. Поэтому наша беседа перешла на тему демократии. Чтобы как-то сбить обсуждение скользкой для великого князя темы, я предложил послу поучаствовать в русском чаепитии. Естественно, в нём приняла участие и Наталья. Американец попытался и её привлечь к обсуждению темы демократии в России, но разве можно этим заинтересовать женщину. Она отвечала ему невпопад, а иногда заводила разговор о своём салоне – утверждая, что там у неё ведутся абсолютно демократические разговоры. Посол вертелся, как уж, пытаясь достучаться до Натальи, но понял, что это бесполезно. Тогда он обратился ко мне:

– Уважаемый Михаил Александрович, вы даже не представляете, насколько проще было бы пробить кредиты России, если бы американские граждане прочитали в газетах о демократическом поведении представителя царской семьи. Я понимаю, что этого требовать от императора невозможно. Но вы его брат, а учитывая болезнь цесаревича, вполне вероятный преемник, поэтому можете рассчитывать, что американские граждане будут ассоциировать вас с русской монархией. И было бы очень полезно для имиджа страны, чтобы вы проявили себя демократом. Например, поучаствовали в каком-нибудь общественном мероприятии. В присутствии американских журналистов и фотографов, пожали бы простым людям руки, а может быть, по русской традиции выпили бы немного и обнялись с простым солдатом. Одобрение американской публики было бы гарантировано. И это обеспечило бы немедленную поставку требующихся вам продуктов и автомобилей. Конечно, я всё это пробую, но ценой очень больших усилий, и не факт, что в полном объёме.

Ну что же, посол предлагал правильную вещь, я с его идеей согласился. И мы начали обсуждать, что это должно быть за мероприятие, которое заинтересует американцев. Перебирали долго, и в этом активное участие приняла Наталья. В отличие от меня, она знала про все предстоящие мало-мальски значимые общественные мероприятия. Именно Наталья предложила принять участие в намечающемся у Исаакиевского собора сборе тёплых вещей для отправки на фронт. Там будут не только представители богатого сословия, но и много обычных горожан. Будет и торжественная часть с выступлением фронтовиков, лечащихся в петроградских госпиталях. Вполне пристойное мероприятие, и великому князю не зазорно на нём присутствовать, и даже обнять какого-нибудь раненого солдатика. Можно и простым горожанам пожать руки и выступить перед народом с речью о буднях на передовой. Людям должно понравиться, когда об этом расскажет родной брат царя, георгиевский кавалер, который сам принимал участие в боевых действиях. Мне предложение Натальи понравилось, да и послу тоже. Американец сразу же заявил, что он разошлёт всем корреспондентам американских газет, которые сейчас находятся в Петербурге, приглашение принять участие в этом мероприятии. Я стал прикидывать, как себя вести и что говорить, на этом, можно сказать, митинге. Ну а на Наталью легла вся организационная составляющая выхода великого князя к народу. Разговоры на эту тему продолжались минут десять, а потом посол начал прощаться. Школа у него была, конечно, хорошая. Вовремя уйти это тонкое искусство.

Глава 10

Утром я проснулся рано, но вставать не спешил – не хотел будить Наталью, сладко сопевшую у меня под боком. Сначала не хотел, а потом и забыл, что жена лежит рядом. В голове образовалась каша, мысли о том, как себя вести на сегодняшнем заседании Особого совещания по обороне, перемешивались с идеями, как поставить себя на митинге у Исаакиевского собора, который состоится завтра. К этому ещё примешивались мысли и о том, что пиар и председательство в солидном совещании вещи, конечно, хорошие, но настоящих властных полномочий они не дают. Никакой силовой поддержки за спиной нет, а скоро наступят горячие деньки, и она ой как понадобится. Думцам и прочим говорливым и амбициозным господам будет глубоко наплевать, что ты там какой-то председатель особого совещания и великий князь. А вот если за спиной будут гарцевать джигиты из Дикой дивизии, то этим господам станет очень интересным и ценным твоё мнение. Так что нужно как можно быстрее покидать столичный муравейник и ехать в корпус, которым командовал Михаил. Приняв это решение, начал обдумывать, как себя вести в среде настоящих ветеранов, которым вряд ли запудришь мозги сказками об ударе молнии, который великий князь получил в мирном Петрограде. Да и с жалобами на приступы язвенной болезни вряд ли получится предстать перед подчиненными всё тем же великим князем, который был до его отъезда в столицу. Вроде бы и болезнь такая же, и похож внешне, но князь-то не тот.

Вон Наталья не признаёт же во мне Михаила – говорит, что я всё делаю не так, как прежде, словно в теле её мужа сидит другой человек. Но Наталья ладно, ей даже нравится новый Михаил, особенно в сексе и тем, что он стал амбициознее. Даже не против занять трон. Очень её эта идея вдохновила, и она закрыла глаза на многие мои нелепые для этого времени слова, поступки и поведение. А вот офицеры штаба корпуса, которые знали Михаила Александровича, могут не закрыть глаза на изменения, произошедшие с великим князем. Бунт-то они, конечно, не поднимут, но распустить язык могут. Пойдут ненужные слухи, а в условиях войны будут говорить, что это происки немецких шпионов, которые подменили великого князя. Обязательно эти слухи дойдут и до царя, а при долгой личной беседе с императором я, естественно, проколюсь. А значит, все наши с Кацем планы бесполезны, без поддержки власти они неосуществимы, а значит, Октябрьская революция свершится, и здравствуй, Пермь. Можно, конечно,

сделать ход конём – приехать в ставку и упросить Николая назначить меня командовать другим кавалерийским корпусом, где офицерский состав не прошёл с великим князем два года войны, а значит, если и знает его, то поверхностно. И эти офицеры будут отождествлять мои привычки, манеру говорить и характер как, несомненно, принадлежащие великому князю Михаилу Александровичу. Эти офицеры не проверены в деле, и неизвестно, как они будут себя вести во время надвигающегося на Россию катаклизма. А вот во 2-м кавалерийском корпусе многих офицеров Михаил знал лично, и их характеристики и человеческие качества отпечатались в его долговременной памяти. Слабых душонкой и явных прохиндеев там не было. Они доверяли великому князю и, судя по впечатлениям Михаила, готовы были отдать жизнь за Россию. Исходя из анализа сохранившихся воспоминаний Михаила, у меня сложилось мнение, что 2-й кавалерийский корпус предан великому князю и выполнит любой его приказ. Корпус является как бы золотым ключиком, способным открыть дверь в новую историю России. Так что этот ключик бросать нельзя, а нужно любыми методами убедить офицеров корпуса, что Михаил свой и стал ещё лучше после поездки в Петроград.

Часы пробили семь часов, а значит, подъём – нас ждут великие дела. Впервые в своей жизни я займу хоть какую-то крупную должность. Пусть в теле великого князя, но это именно я буду принимать дела председателя Особого совещания по обороне всей России. Взбодрив себя этим посылом, я выбрался из-под одеяла и направился в местный, так сказать, санузел. По стандартам XXI века он тянул максимум на уборную в «хрущобе», а для этого времени такой санузел был мечтой любого аристократа. Кроме водопровода там был, о боже... – ватерклозет со смывным бачком под потолком. Но это так – лирика. Самое главное для меня, что там был бритвенный прибор – пускай убогий, хоть и английский, со вставляющимися лезвиями, но всё-таки бриться им можно было самому, а не идти к цирюльнику. Который орудовал опасной бритвой прямо на моём горле и вызывал у меня настоящий ужас. Мне хватило один раз посещения лучшей в Питере цирюльни, после этого я зарёкся допускать до себя даже виртуозов обращения с такой страшной вещью, как опасная бритва. Обработывал себя сам, пускай долго, иногда с порезами, но зато душа была спокойна.

Приведя себя в порядок, пошёл в малую столовую завтракать. Прислуга была предупреждена, что господин сегодня встанет рано и нужно быть готовым подавать завтрак в половине восьмого. И не только для великого князя, но и для его секретаря. Зайдя в столовую, я разочарованно

вздыхнул – Кац уже сидел за столом и с видимым удовольствием поглощал бутерброды с чёрной икрой. А я-то надеялся явиться в столовую раньше него и, пользуясь тем, что завтракать мы должны были за одним столом, слопать все выпечки и закуски, которые поставят на стол для Джонсона. А что касается моего секретаря, я предложил бы Кацу позавтракать моей перловой кашкой. Вот же чёрт, опять придётся давиться пресным дерьмом. Я чуть не сплюнул на паркет, но удержался и обречённо поплёлся к столу, где уже стояла ненавистная тарелка с бледно-серой бурдой.

Если сравнивать моё настроение после сегодняшнего завтрака со вчерашним, то это были небо и земля, хотя пища была похожая, и поглощал я её с таким же отвращением. Только тогда я завтракал в одиночестве, а сегодня в компании Каца. И естественно, всё внимание было сосредоточено на его рассказе о вчерашней поездке, а не на собственных ощущениях от проглоченной мерзкой субстанции. К тому же мне удалось слямзить чашку кофе, поданную Джонсону. Кац был не в обиде, что я выпил его кофе, парень был не промах и тут же крикнул обслуживающей нас женщине, что он желает большую чашку божественного напитка. А когда Кацу её принесли, он повернулся ко мне и ехидно улыбнулся. Да... поменяв тело, Кац свою натуру не изменил – лишившись чего-нибудь, он возмещал это в тройном размере. Чашка кофе, которую ему принесли, была раза в три больше, чем та, которую я выпил. Вот когда он осваивал эту порцию кофе, а я слабо заваренный чай, мы начали намечать, что мне говорить на этом особом совещании – какую линию поведения там избрать. Решили, что Михаил Александрович должен вести себя скромно и во всём соглашаться с великим князем Николаем Николаевичем. Наталья меня уже просветила, что тот не терпит возражений, и вообще он мелочный и мстительный тип. Не любила она его.

На совещание, которое должно было проходить в одном из залов Зимнего дворца, мы прибыли, как истинные джентльмены, без одной минуты девять. Но само заседание началось минут через пятнадцать. Народ-то весь собрался, но великие князья (то есть я и Николай Николаевич) изволили беседовать друг с другом. Разговор вёл, так сказать, мой дядя. Касался он в основном положения на фронте, и не на нашем, а на западном. Из разговора у меня сложилось впечатление, что великий князь Николай Николаевич был более французом, чем русским. Потому что он мог пожертвовать русскими войсками совершенно свободно, только с той целью, чтобы помочь французам и англичанам. Я, конечно, соглашался со всеми его идеями и сделал несколько тонких комплиментов о его стратегических способностях. И выразил недоумение тем, что такого

выдающегося военачальника сняли с поста главнокомандующего. Все слова восхищения и несогласие с решением Николая II я содрал с мнения Родзянко, которое он высказал во время нашей недавней встречи. Одним словом, я вёл себя так, как мы и обговаривали с Кацем. А вообще-то Николай Николаевич произвёл на меня поразительное впечатление, прежде всего своей выдающейся царственной внешностью. Чрезвычайно высокого роста, стройный и гибкий, как стебель, с длинными конечностями и горделиво поставленной головой, он резко выделялся над окружавшей его толпой, как бы значительна она ни была. Тонкие, точно выгравированные черты открытого и благородного лица Николая Николаевича дополняли его характерную фигуру. А небольшая седеющая бородка клинышком вызывала доверие к этому человеку. Доверие вызывал этот человек только у того, кто не знал будущего, а я знал, поэтому отнёсся к его разглагольствованию очень настороженно. Внешне, конечно, я изображал из себя балбеса, который с большим вниманием выслушивает мудрые мысли великого князя. А внутри себя думал: «Хвали себя, хвали, а исторические факты неумолимо свидетельствуют об огромной личной ответственности великого князя Николая Николаевича и его штаба за провал успешно начатой кампании 1914 года и за кровавое отступление 1915 года. Именно под руководством великого князя Россия оказалась весной-летом 1915 года перед угрозой военного поражения, при командовании великого князя были оставлены обширные территории империи; несомненно, великий князь способствовал хаотичному и бездумному исходу сотен тысяч мирного населения, что резко ухудшило внутреннее положение в государстве. Объективные исторические факты безоговорочно свидетельствуют, что только после отстранения великого князя от верховного командования ситуация была стабилизирована, а в 1916 году стала резко меняться в лучшую сторону. И прежде всего это, конечно, Брусиловский прорыв. Как ни странно, сам Брусилов был высокого мнения о Николае Николаевиче. Хотя наступление Юго-Западного фронта стало возможно лишь после того, как главнокомандующим стал сам император Николай II.

Николай Николаевич сначала держался настороженно, зондируя наводящими вопросами мои намерения. Я гадал, с чего бы это великий князь начал сомневаться в Михаиле Александровиче. Ведь это по его настоятельной просьбе я согласился занять пост председателя Особого совещания по обороне. Неделю назад он не сомневался в своём протее, а тут вдруг облако сомнений окутало великого князя. Но потом по этим самым наводящим вопросам я понял, что именно обеспокоило Николая

Николаевича. И это были мои встречи с послами Англии, Франции и США. Испугался он такой активности всегда инфантильного Михаила Александровича. А тут ещё, кроме встречи с послами, он устроил скандал в военном министерстве. Начал вести себя как самостоятельная фигура, а вдруг Михаил замыслил всё-таки согласиться стать наследником престола? Я своими словами о выдающейся роли, которую играет Николай Николаевич в деле противостояния странам оси и укрепления монархии, несколько успокоил великого князя. А когда я выразил надежду, что такой выдающийся военный специалист окажет помощь в оснащении русской армии новыми средствами борьбы с германцами, Николай Николаевич совсем оттаял. А я разошелся и начал излагать разработанную с Кацем версию. Как бы по секрету, встав вплотную к великому князю, тихим голосом произнёс:

– Ко мне попала документация по принципиально новому оружию, а вот денег на его производство нет. В первую очередь в поисках нужных средств я обратился в посольства наших союзников. Ведь у Англии и Франции денег много, и они заинтересованы, чтобы русская армия стала сильнее и как можно быстрее пошла в новое наступление. Денег послы пообещали, но немного, и когда они раскошелятся, неизвестно. А средства нужны уже сейчас. У немцев хороших специалистов много, и пока мы ковыряемся с налаживанием производства нового оружия, они могут сами начать его изготавливать. Сама по себе идея системы залпового огня, да и дающего громадную температуру сгорания напалма, проста. И немцы способны достаточно быстро запустить всё это в производство. А у нас эта тема буксует. Николай Николаевич, на вас вся надежда, что деньги быстро найдутся, и мы весной, используя это оружие, сможем ударить по германцам, помогая этим нашим французским братьям.

Николай Николаевич, выслушав мои слова, усмехнулся и в общем-то доброжелательно заявил:

– Помочь, конечно, я помогу, тем более ты, Миша, об этом ходатайствуешь. Но ты поосторожней там с всякими гениальными изобретениями. Народ сейчас ушлый – наплетут такое, что, казалось бы, внедри мы это, то завтра войну выиграем. Специалисты эти все новые образцы оружия должны оценивать, а не великие князья. Вот почему, спрашивается, этот изобретатель обратился к тебе, а не в Артиллерийский комитет?

– Если был бы жив, то, конечно, обратился бы. Но, к сожалению, он погиб, испытывая своё оружие. А возможности у этого оружия колоссальные. Я сам видел, как оно действует. Когда работает установка

залпового огня, то снаряды одного залпа выжигают всё на площади нескольких десятин. А напалм просто незаменим, если штурмуются сильно укрепленные позиции. Например, форты или крепости. От его действия даже кирпичи плавятся. Срочно нужно оснащать нашу армию таким оружием. Например, установки залпового огня или, как называл сам изобретатель это грозное оружие – катюши, нивелируют преимущества немцев в тяжёлой артиллерии. Я, когда увидел результаты работы катюши, то сразу же решил взять под крыло этот проект и всячески продвигать разработчика этого чудо-оружия. Но, к сожалению, автор погиб, и теперь самому приходится заняться организацией производства разработанных Петровым новых видов вооружений.

– Не дело великому князю заниматься такой суетой. Поручи кому-нибудь, а сам контролируй, чтобы внедрение этого вооружения шло без сбоев. В этом, обещаю, я тебе помогу.

– Я так и хочу! Вон поручил заниматься этими вопросами Джонсону, а он, бестолочь такая, шагу без меня ступить не может. Пришлось самому окунуться в проблему организации широкого производства нового оружия, разработанного Петровым. Тогда я и понял, что без хорошего финансирования этот вопрос не удастся сдвинуть с мёртвой точки. Раньше думал, что своими личными деньгами обойдусь, а сейчас ясно, что средств нужно намного больше, чем я могу выделить, вот и кинулся к нашим союзникам, в надежде выжать из них нужную сумму. Но всё-таки деньги они обещали, а если с тем же вопросом к союзникам обратитесь вы, то тогда они быстро решат вопрос с выделением средств для повышения боеспособности русской армии. Всё-таки вы, Николай Николаевич, очень авторитетный человек, как у нас, так и в странах-союзниках.

– Эх, Миша, что ты по всякой мелочи обращаешься к послам. Что, мы сами не найдём денег на твоё чудо-оружие? Завтра я встречаюсь с министром финансов и выбью из него нужную сумму. Миллиона тебе хватит?

– Да вы что, Николай Николаевич? Раза в два меньше нужно.

– Что-то маловато на новую артиллерийскую систему. А вот Фёдоров на производство своего ружья-пулемёта миллион просит. Уже чёрт знает, сколько денег выделили, а он ещё миллион требует. На Сестрорецком оружейном заводе новый цех строится для производства его 2,5-линейных винтовок. Так что не скромничай – если уж 6,5-миллиметровый ружье-пулемёт требует для налаживания производства таких денег, то для изготовления твоей 6-дюймовой пушки-пулемёта наверняка денег потребуется не меньше. А если эта пушка-автомат себя хорошо покажет, то

тут миллионом не обойдёшься. Раз в десять больше нужно будет вкладывать в это твоё чудо-оружие. Эта пушка-пулемёт должна снарядов расходовать громадное количество. А значит, придётся строить снарядный завод. Вот хорошо в ружье-пулемёте Фёдорова используются 6,5-миллиметровые патроны от японской винтовки «Арисака», а они имеются на складах в больших количествах. Значит, патронный завод пока строить не нужно. Потом, конечно, придётся, ведь эти ружья-пулемёты хорошо показали себя на Румынском фронте. Особенно с магазинами на 25 патронов. Неплохо проявили себя и 50-патронные ружья-пулемёты. Представляешь, там всего рота 169-го Измаильского пехотного полка, вооружённая этими ружьями-пулемётами, покрошила в капусту целый полк австрияков. Правда, в том бою расход патронов был колоссальный, но зато потери в роте были минимальные. Из 158 солдат и четырёх офицеров погибло пять нижних чинов, ранено 17 бойцов, а из офицерского состава легко ранен только один прапорщик.

Слова великого князя меня очень заинтересовали. Получается, уже в это время в России производились автоматы. Да это ведь то, что нам нужно. Незаменимая вещь в уличных боях. Если в Петрограде начнётся всё-таки заварушка, то всего лишь одна рота сможет обуздать проникший в столицу финский батальон. Да и революционные матросы и банды дезертиров, услышав над головами свист пуль, быстро разбегутся. Нужно познакомиться с этим Фёдоровым, подсказать ему, как можно улучшить конструкцию автомата. Это, наверное, я смогу сделать, ведь не зря меня столько тренировали в армии, заставляя разбирать автомат с закрытыми глазами. Да и полную разборку «калаша» я делал лучше всех в нашем дивизионе. После этого бездумного тренинга наш старлей ещё и рассказывал, для чего нужна каждая деталь разобранного автомата. Так что хорошую школу практического обслуживания автомата я имел и, вполне вероятно, смогу что-нибудь посоветовать разработчику этого оружия.

Решив для себя, что нужно обязательно найти этого Фёдорова, я начал очень осторожно выяснять у Николая Николаевича, где я могу познакомиться с разработчиком ружья-пулемёта. Оказывается, Фёдоров практически поселился в мастерских ружейного полигона офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме. Всё улучшает своё ружье-пулемёт и дорабатывает автоматическую винтовку под патрон 7,62. После того как узнал, где можно найти изобретателя автомата, я в общем-то потерял интерес к разговору с великим князем. Устал выдумывать комплименты Николаю Николаевичу. Хотелось сказать этому напыщенному индюку какую-нибудь гадость. Превозмогая себя, я всё-таки выдавил приятные для

уха великого князя слова. Это моё сверхусилие было вознаграждено. Николай Николаевич пообещал, что в то время, когда я буду отсутствовать в Петербурге, он лично будет курировать и помогать Джонсону наладить производство катюш и напалма. А я ещё в начале разговора сказал, что вскоре уеду в свой корпус. Наступление Юго-Западного фронта под командованием Брусилова уже выдыхалось, и следовало ожидать мощных контратак австрийцев и переброшенных с запада германских дивизий. Если командира корпуса не будет, то может начаться бардак и лишние жертвы. А желудок меня беспокоит уже гораздо меньше, и диету можно соблюдать и у себя в корпусе. Эта информация тоже способствовала тому, что Николай Николаевич убедился в отсутствии у Михаила Александровича политических амбиций и ему спокойно можно доверить руководство Особым совещанием по обороне. Это, конечно, не Госсовет, но если Николай II зашатается, то политический интриган с амбициями и, самое главное, с легитимным основанием принять скипетр, вполне может использовать весьма влиятельных людей, членов этого совещания, как трамплин для восшествия на престол. Но если Михаил Александрович хочет вернуться в свой корпус, то никакой он не интриган, а как был романтическим мальчиком, так и остался.

Наконец Николай Николаевич решил, что достаточно зондировать своего племянника – с ним всё ясно, можно и даже нужно продвигать его в председатели Особого совещания по обороне. Он подтолкнул меня к столу, у которого стояло два роскошных кресла, и сказал:

– Ну что, Миша, поговорили, душу отвели, пора и делом заняться! Ты сегодня посиди, присмотришь к людям, а на следующем заседании сам будешь председательствовать.

И направился к столу, стоявшему немного в отдалении от рядов кресел, в которых сидели члены совещания и несколько приглашённых чиновников. Всего было человек сорок – элита, так сказать государства. Присутствующие с любопытством смотрели на меня и о чём-то перешептывались. Они, конечно, раньше видели брата императора, но чтобы он принял участие в серьёзном совещании, это они не ожидали. А то, что его выдвигают в председатели Особого совещания по обороне, это вообще был нонсенс. То, что Михаил влюбился и ради женщины наплевал на перспективу стать царём, это все знали. Эти его бесшабашность и наплевательское отношение к собственной судьбе хорошо вписывались в то, что он стал неплохим командиром Дикой дивизии. Кто же ещё мог совладать с басурманами и заставить их выполнять приказы православного монарха! Но в то, что Михаил Александрович согласился заниматься

рутинным делом, вместо дикой сшибки с неприятелем, в это не верил никто. Но это случилось, и нужно внимательнее присмотреться к этому великому князю. Может быть, присутствующие думали о брате царя и по-другому, кто знает людей этого времени? Но мне именно такая мысль пришла в голову. А между тем заседание шло полным ходом. Чиновники, а их в зале было подавляющее большинство, выступали один за другим. Перед будущим председателем, а там и, глядишь, новым монархом, каждый старался выставить своё ведомство в лучшем свете. Я особо не вслушивался, а всё думал – если всё так хорошо в ваших ведомствах, какого же чёрта вы довели народ до революции. Все такие деловые, грамотные и энергичные, а через год вас начнут отстреливать через одного.

Когда начал выступать военный министр Шуваев, я тоже первоначально не прислушивался, но в его словах прозвучало слово восстание, и мой мозг сразу же насторожился и вернулся в реальность. Оказывается, в Туркестанском военном округе всюду полыхал мятеж. И такой, что 17 июля там было объявлено военное положение. Счёт жертв мирного населения шёл на тысячи. Основные волнения происходили в урочище Асы, Чарына и в других местностях Семиречья. Киргизы вырезали ряд местных русских поселений. Полностью перебили население деревни Кольцовка. Разорили Иссык-Кульский монастырь, убив находящихся там монахов и послушников. Кроме крестьян, от рук повстанцев гибнут служащие почтовых станций, обслуга железной дороги, врачи. Число жертв резни большей частью гражданского населения уже достигает трех тысяч человек. Из-за этого мятежа военное министерство вынуждено свернуть ряд строительных программ – нет рабочих рук. Православные мобилизованы в армию, а азиаты бунтуют. Поняв, что Михаил Александрович заинтересовался его словами, Шуваев оживился и как бы для меня произнёс:

– Как вы знаете, правительство издало 25 июня 1916 года указ о мобилизации мужского населения Средней Азии и Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Но в июле вспыхнул мятеж в Семиречье, и сейчас мобилизованные в Средней Азии на наши строительные объекты не поступают.

Наверное, поняв, что неприятными известиями, доведёнными до великих князей, карьеры не сделаешь, Шуваев перестроился, как говорится, на лету, уже бравым голосом он начал вещать:

– Все и всюду взялись за изготовление того, что необходимо для армии. Какой же результат, господа? Позвольте вам в круглых цифрах

сказать, что же дало это наше общее движение, к чему оно привело. Я возьму только три цифры: 1 января 1915 года за единицу, а затем я скажу, во сколько раз производство увеличилось к 1 января 1916 года и в настоящее время. Трехдюймовые орудия: 1 января – единица; 1 января 1916 года – в 3,8 раза и в августе 1916 года – в 8 раз. (Голоса: *Браво.*) 48-линейные гаубицы: это орудие сложное и трудно изготовляемое, но и оно в январе месяце 1916 года удвоилось. А в августе почти учетверилось сравнительно с январем 1915 года. Винтовки в январе 1916 года увеличились в 3 раза, а в августе 1916 года увеличились в 4 раза сравнительно с январем 1915 года. Снаряды 42-линейные в январе 1916 года увеличились в 6 с половиной раз. А в августе 1916 года – в 8 раз. 48-линейные снаряды: в январе 1916 года увеличились в 2 с половиной раз, в августе 1916 года – в 9 раз. Шестидюймовые снаряды: в январе 1916 года – в 2 раза, а в августе – в 5 раз. Трехдюймовые снаряды: в январе 1916 года увеличились в 12 с половиной раз, а в августе 1916 года – в 19,7 раз. Взрыватели – это важный элемент для снарядов – увеличились в январе в 6 раз, а в августе – в 19 раз. 48-линейные и шестидюймовые фугасные бомбы – в 4 раза и в 16 раз. Взрывчатые вещества... Я не буду перечислять вам, господа, все, но увеличение произошло в некоторых случаях даже в 40 раз. Я остановил ваше внимание на артиллерийском снабжении, не касаясь интендантского, и скажу во всеуслышание, что изъян есть, недочеты есть, но, в общем, дело терпимое. Скажу, что в инженерном, военно-техническом снабжении мы встречаем затруднение с автомобилями, и то благодаря причинам, от нас не зависящим. Так вот что дала дружная, общая, совместная работа. Позвольте надеяться и просить вас помочь и в будущем в этой совместной работе для снабжения нашей доблестной армии. Я ещё раз повторю: каждый день приближает нас к победе и каждый день приближает неприятеля к поражению. Мы должны во что бы то ни стало победить. Этого требует, по указанию Его Императорского Величества и по общему нашему признанию, благо родины нашей, перед которым все должно отойти в сторону. Господа, позвольте ещё раз высказать полную уверенность, что мы не только должны победить, мы победим во что бы то ни стало. Нет такой силы, которая могла бы одолеть русское царство.

У меня от всех этих цифр и бравурных слов в стиле речей, произносимых на съездах КПСС, даже голова заболела. Как во времена СССР, шли доклады о сплошных успехах и достижениях, а потом бац – и громадная Страна Советов рухнула. И хрен поймёт почему, ведь всё было, по словам партийных бонз, хорошо. В целях самозащиты своего мозга я опять перестал слушать выступающих. Снова углубился в собственные

мысли. Но они всё равно касались не прошлой моей реальности, а людей, от которых зависело изменение положения дел в это время.

Глава 11

Я начал перебирать в памяти всё, что знал о Григории Распутине. В багаже знаний, которые вынес из XXI века, об этом человеке было очень мало. И эти сведения были в основном негативные и на уровне слухов и сплетен. Основной массив знаний об этом человеке основывался на песне «Бони-М» – «Распутин лав машин», ну и из фильмов, в которых обсасывались эпизоды, навеянные слухами о его жизни и смерти. Именно из этих источников сложилось моё представление, что этот деятель чуть ли не исчадь ада – развратник, пьяница и вообще нехороший человек. В его натуре было только одно интересное качество, за счёт которого он и вылез из сибирского небытия – Распутин был неплохим экстрасенсом и целителем. Вот за счёт этого он втёрся в доверие к императору и стал лечить наследника престола. Григорий Ефимович сумел внушить Николаю II и Александре Федоровне, что только он своими молитвами сможет спасти больного гемофилией наследника Алексея. И обеспечить «божественную» поддержку царствованию Николая II. Сибирский мужик, по-видимому, обладал качествами гипнотизера и смог внушить Николаю II убеждение, что если он погибнет, то та же участь ждёт всю империю. Именно из-за этого внушения у Николая II, после убийства Распутина кучкой светских заговорщиков, наступила жуткая депрессия, больше напоминающая морок, и он отрёкся от престола, чтобы нарушить тот сценарий гибели империи и его семьи, который внушил ему Распутин. Вот так я представлял себе Распутина, да и Кац в общем-то тоже. Поэтому никто из нас не собирался игнорировать этого человека и не предпринимать шаги, чтобы помочь ему избежать гибели в ту роковую декабрьскую ночь. Глядишь, тогда Николай II не впадёт в полную депрессию и не отречётся. И революция при дееспособном царе будет вряд ли возможна. Мы работали по нескольким направлениям, чтобы ликвидировать или хотя бы ослабить надвигающийся на Россию катаклизм. Самым идеальным было бы изменить ход войны, чтобы народ начал получать хорошие сводки с фронтов. Тогда хотя положение народа и останется тяжёлым, но появится надежда, и никакими лозунгами не заставить людей подняться против власти, побеждающей в этой кошмарной войне-мясорубке. На этот вариант мы тратили больше всего сил и времени. Если же не удастся добиться существенных успехов на фронте, то отказываться от возможности укрепить существующую монархию просто глупо. Правда, Кац всё время

меня убеждал, что именно Михаил Александрович должен стать новым монархом. И именно на это нужно направить все наши усилия, но я был против. Я – и вдруг монарх, это было неправильно. Я по натуре лёгкий человек, и обязанность что-то делать меня очень тяготит. Если на ура, могу осилить любое дело, а вот кропотливый ежедневный труд... тут уж увольте. Сам на себя такое ярмо вешать не буду. Вот Николай, он специально обучен этому делу, пускай и дальше продолжает царствовать. А как показывает история, Николай II психологически зависел от Распутина, значит, в целях моего дальнейшего беззаботного существования в теле великого князя нужно позаботиться, чтобы сибирский старец остался жив.

Встречаться с Распутиным и предупреждать об опасности, которая ожидает его в доме Юсупова, никто из нас не собирался. Смысла не было. Захотят убить, шлёпнут в другом месте. Его нужно было вообще увезти из Петрограда, и я считал, что лучшее место это Могилёв. Там ставка, хорошая охрана и Николай II под боком. Но вот только как это сделать? Распутин ведь привязан к столице и к наследнику. Ни Николай II, ни его жена не разрешат увезти целителя от их безнадежно больного сына. Получается безвыходная ситуация. Мы с Кацем долго обсуждали варианты её решения. Так и ничего не придумали. Решения просто не было. Тогда решили начиная с декабря установить за Распутиным слежку, а когда филёра заметят, что его собираются убить, то должны будут вмешаться. Но такой метод мог сработать только на улице. А если Распутин сам пойдёт к убийце в гости – так же, как в нашей истории отправился в особняк к Юсупову? Получается, к нему нужно приставлять телохранителей, а это, зная Распутина, вряд ли возможно. Остаётся один путь, приставлять к нему женщину того типажа, который ему нравится, и чтобы она докладывала, что Распутин намерен делать, к кому в гости собирается направиться. И уже по этому адресу направлять тревожную группу с заданием предотвратить убийство Распутина.

Гладко получалось только в наших рассуждениях и планах. А в реальности всё было печально. Такой женщины, которую можно было подложить под Распутина, не было, тревожной группы тоже, да и вообще мы ничего не знали об этом человеке. В первую очередь требовалось выяснить характер и привычки этого сибирского мужика. Вот я и начал выяснять. А у кого? Естественно, у Натальи – она же весь свет и полусвет Петербурга знала. Как обычно, расспрашивал я её в постели, ненавязчиво и очень аккуратно, иногда превращая свои вопросы в шуточки. В тот раз моя ирония о выдающихся мужских качествах эротомана Распутина не нашла понимания. Наталья реально считала сибирского старца чудотворцем и

наговорила много восторженных слов о Распутине. Но я посчитал это гипнотическим воздействием сибирского старца на женский пол, что он воздействует на баб, как удав на свои жертвы. Именно так я и сказал. В ответ получил небольшой семейный скандал. Со слезами, вскакиванием с кровати и покиданием спальни. Пришлось тоже выйти, чтобы пропустить у себя в кабинете рюмашку шустовского коньяка.

Только я достал бутылку, как в кабинет вбежала Наталья с каким-то блокнотом в руке. Со слезами в глазах она протянула мне этот блокнот и выкрикнула:

– На вот, почитай предсказания Распутина. После этого поймёшь, как ты неправ!

Передав мне блокнот, она выбежала из кабинета. Я, естественно, стал читать. А что делать? Не идти же обратно в спальню к обиженной и расстроенной Наталье. Мало приятно спать спинами друг к другу, со злой и надутой женой.

Когда я вчитался в текст, с трудом пробираясь сквозь яти, то был потрясён. Пришлось одну за другой выпить две рюмки коньяка. По существу это было завещание сибирского «чудотворца», переходящее в предсказание будущего. В своем «завещании» Николаю Второму провидец указывал на совершение в стране нескольких революционных переворотов и предупреждал царя об убийстве всей императорской семьи по «заказу» новых властей. Также Распутин предсказывал создание СССР и его неизбежный распад. Старец предугадал, что Россия победит Германию во Второй мировой войне и станет великой державой. При этом он предвидел терроризм в начале XXI века, который начнет процветать на Западе. В своих предсказаниях Григорий Ефимович не обошел вниманием и проблемы ислама, четко указав на то, что в ряде стран образуется исламский фундаментализм, который в моё время именовали ваххабизмом. Распутин утверждал, что в конце первого десятилетия XXI века власть на Востоке, а именно в Ираке, Саудовской Аравии и Кувейте, Ираке будет захвачена исламскими фундаменталистами, которые объявят США «джихад». После этого, согласно предсказаниям Распутина, возникнет серьезный военный конфликт, который продлится семь лет и станет последним в истории человечества. Правда, Распутин предрек во время этого конфликта одно большое сражение, во время которого с обеих сторон погибнет не менее миллиона человек.

Одним словом, когда я всё это прочитал, то врезал ещё одну рюмку коньяка и пошёл к Кацу, ночевавшему в гостевой комнате. Как я и думал, мой друг ещё не лёг спать, поэтому смог адекватно оценить пророчества

Распутина. Прочитав записи в блокноте, он несколько озадаченно произнёс:

– Да, дела... Если бы своими глазами не прочитал всё это и не жил в ХХI веке, то не в жизнь не поверил, что такое знание о будущем возможно. Да перед этими пророчествами Распутина откровения бабы Ванги или, допустим, Мессинга отдыхают.

– Ну что, Саня, получается, ошибались мы с тобой насчёт Распутина? Может, не зря Николай II его приблизил? После прочтения этих предсказаний я склонен доверять Наталье, которая говорила об отношении царя к этому сибирскому мужику: «Григорий Распутин является для царя не только целителем, но и главным советником. Так как он имеет дар прозорливости. “Божий человек”, именно так называют крестьянина в царской семье, умеет заглядывать в душу людей, раскрывать императору Николаю все помыслы ближайших царевых приближенных, которые получают высокие посты при дворе только после согласования с Распутиным. Сибирскому крестьянину удалось произвести на царя мощное впечатление, вызвавшее желание у Николая II часами беседовать со странником-провидцем».

– Да... не всё так однозначно с этим мужиком. С одной стороны – пьяница и развратник, а с другой – точно провидец. Не зря о Распутине ходят легенды по всему Питеру. Слушай, Михась, не будем себе забивать голову уникальностью Распутина, нам по-любому нужно, чтобы его не убили. Я тут нашёл ход в дом Феликса Юсупова – не напрямую, конечно, а через обслугу. У дворника, который обслуживает мой дом, брат работает тоже дворником, но в доме Юсупова. За пару целковых он сможет укрыть во дворе несколько человек. И в декабре, когда соберутся убивать Распутина, эти ребята выскочат и отобьют провидца. Я даже продумал, кто это сделает. Наймём лихих ребят, они за пару сотен целковых провернут всё в лучшем виде. Я тут познакомился с одним фраером, кстати, тоже живёт в моём доме, так у него есть такие ребята. Берут недорого, если кого нужно отмутузить, подороже, если со стрельбой.

– Ну ты даёшь, Кац! Один день в своей квартире ночевал, а уже такие знакомые! И дворник, и уголовный элемент! И все, главное, свои услуги предлагают.

– Уметь надо с людьми разговаривать, а не ходить задрав нос, не видя окружающих. Дворнику вон сказал по-татарски, что он хорошо работает (это меня в Казани научили), так он расплылся в улыбке от такого отношения и, наверное, с полчаса мне рассказывал о себе, о своих родственниках и о людях, которые живут в доме. Познакомил с Семёном (это который фраер), обещал переговорить с братом и уверил, что тот

обязательно поможет в таком благородном деле, как спасение человека. К тому же не любит тот Юсупова – заносчивый слишком господин.

– А как же ты узнал, что дворник татарин?

– Так он своему пацанёнку что-то по-татарски крикнул. У меня студенческий друг татарин (это у него я в гостях в Казани был), так он обычно, когда выпивал, меня татарским словам учил.

– Понятно, с этим всё ясно, но в связи с предсказаниями Распутина у меня в голове вообще всё запуталось. Если мы здесь появились и, по твоим словам, в нашем мире всё начало кардинально меняться в связи с изменениями, которые произошли в прошлом, то значит, история пошла другим путём. Получается, что и предсказания этого «божьего человека» неверны?

– Скорее всего, это именно так. Давай проведём эксперимент – возьмём у него новые предсказания и сравним с этими.

– Да жди... так тебе он и сделал эти новые предсказания! Прошлые откровения он отдал только в руки Николая II. Вот и сейчас он если и согласится сделать новые предсказания, то только по просьбе царя, и передаст их исключительно в его руки. Конечно, тогда мы их всё равно получим, так же как и эти. У Натальи уже налажен канал получения конфиденциальной информации из близкого царского окружения. Но боюсь, что у Распутина, в связи с нашим появлением здесь, в голове всё перемешалось. И пока всё не устаканится, его дар бесполезен.

– Согласен! Но на всякий случай я закуплю ящик хорошей мадеры, а когда ты уедешь в свой корпус, постараюсь познакомиться с Распутиным. Твоя Наталья с ним знакома, вот и сделает мне протекцию. Я, конечно, сомневаюсь, что он передо мной откроет душу и поделится своими откровениями, но хоть пойму, что он за человек, да и хорошего вина попью.

– Хорошо, тогда ты работаешь по Распутину лично, а я буду действовать сверху. Мне по-любому нужно будет, перед тем как я приеду в корпус, отметить в ставке, увидеться с Николаем (брат всё-таки) и оставить у него самые лучшие впечатления о себе. Обязательно переговорю с ним о «святом старце». Во-первых, скажу ему, что в Питере ходят слухи, что Распутина зимой убьют. Поэтому нужно, чтобы «святой старец» уехал из столицы, и лучше всего под защиту императора, в Могилёв. А во-вторых, намекну Ники, что если Григорий Распутин приедет к нему в ставку, то его прогнозы будущего изменятся. Так как само будущее от этого шага поменяется.

...Я так углубился в свои мысли, что прослушал все выступления. Только прямое обращение ко мне Николая Николаевича вернуло в

действительность. Он попросил высказать своё мнение о положении дел на фронте. И какие шаги следует предпринять присутствующим для укрепления нашей армии в свете прозвучавших здесь слов. Как будто я эти слова слышал. Но что делать? Пришлось выворачиваться. В голове по этой теме сидела только мысль о катюшах и напалме. Но нужно было как-то связать это с положением на фронте, но об этом я тоже ничего не знал, кроме того, что наступательная операция Брусилова пока продолжалась. А из истории мне было известно, что в сентябре наступление Юго-Западного фронта выдохнется. А сейчас была середина августа, и значит, наступление вот-вот закончится. А заканчиваются такие операции по двум причинам – из-за усталости наступающих и увеличения сопротивления обороняющихся. А так как я (Михаил Александрович) был командиром 2-го Кавалерийского корпуса, входящего в Юго-Западный фронт, и непосредственно участвовал в операции Брусилова, то мне и нужно озадачить присутствующих пробуксовкой наступления. И скорым переходом Юго-Западного фронта к оборонительным боям.

Судя по слухам (мы с Кацем их усиленно собирали) и материалам, публикуемым в газетах этого времени, никто даже и не предполагал, что блестящее наступление Брусиловского фронта скоро выдохнется. Если великий князь это озвучит, то, скорее всего, его слова вызовут у присутствующих негодование и шок, но через некоторое время (когда фронт действительно остановится) все эти люди будут считать Михаила Александровича очень опытным военачальником, умным и прямым человеком. Авторитет его возрастёт и будет основываться не только на том, что он брат императора, но и на его личных качествах. Вот я и начал зарабатывать этот авторитет. Когда закончил говорить о том, что наступление выдохлось, и пора уже остановиться и готовиться к отражению контратак противника, шум в зале возрос многократно. Явно присутствующие были недовольны моими словами. Пришлось почти кричать:

– Деревья до небес не растут! Время начинать рассаживать саженцы – готовить наступления на Западном и Северном фронтах. А когда это произойдёт, враг окончательно дрогнет и побежит, преследуемый нашей доблестной кавалерией. Но вы сами понимаете, чтобы сбить немцев с позиций, одной доблести мало. Техника нужна – артиллерия, броневики, самолёты и дирижабли. А по этим позициям мы отстаём от Германии. Но это исправимо, есть у нас некоторые наработки, которые как можно быстрее нужно воплотить в жизнь. А это во многом зависит именно от вас. Мы на фронте готовы умирать за отечество, так и вы будьте готовы

пожертвовать хоть чем-нибудь, чтобы дать нам в руки меч Немезиды, тогда мы убавим спесь проклятым тевтонам.

После моего экспрессивного монолога зал несколько успокоился, стало тише, и я уже обычным голосом начал излагать проекты изготовления «Катюш» и напалма. Особое внимание уделил тому, что это даст русской армии. Не удержался и опять скатился на патетику и урапатриотизм. Но народу это понравилось, и мою речь проводили бурными аплодисментами. Выход в свет пришельца из XXI века удался. Теперь я этими весьма влиятельными людьми буду ассоциироваться не как легкомысленный брат императора, а как умный и решительный генерал, который имеет собственное мнение и умеет его отстаивать. А как же? Ведь он самому Николаю Николаевичу возражал, когда тот утверждал, что наступление Юго-Западного фронта будет продолжаться до тех пор, пока Австро-Венгрия не запросит пощады.

Я действительно вступил в полемику с Николаем Николаевичем, но сделал это хитро, чтобы великий князь не подумал, что я его принципиальный противник. Повернул наш спор так, что мой визави сам пришёл к выводу, что Юго-Западному фронту скоро придётся отражать атаки немецких дивизий, переброшенных из Франции. Мне, конечно, конкретно не было ничего известно, но я, пользуясь данными, случайно прочитанными когда-то в Интернете, с уверенным видом заявил:

– По сведениям, которые я получил в ходе допросов плененных австрийских офицеров, мне стало известно, что немцы начали переброску дивизий с Западного фронта в Галицию. Даже из-под Вердена перебрасываются две дивизии. Командовать контрнаступлением германских войск на этом участке фронта назначен генерал Линзинген. Кроме этого, австро-венгры прекратили успешное наступление на итальянском фронте и спешно начали перебрасывать высвободившиеся дивизии из Трентино под Ковель.

Как я и предполагал, Николай Николаевич не усомнился в этих данных, озвученных генерал-лейтенантом Михаилом Александровичем. Наверное, как опытный военный, он мгновенно проанализировал эти сведения, пришёл к выводу, что мощных контратак не избежать, и как истинный мастер дворцовых интриг завуалировал свои прежние слова, заявив:

– Вот я и говорю, что ожесточённых боёв в нашем наступлении не избежать. Но если русская армия тронулась, то она всё равно раздавит всех противников.

Я внутренне хмыкнул, но обострять отношения с великим князем не

стал, а наоборот, поддержал его шапкозакидательский тезис, воскликнув:

– Естественно, русаки всегда били пруссаков! Будет так и в этот раз!

На эти слова Николай Николаевич удовлетворённо кивнул и начал сворачивать заседание.

Уже в автомобиле мы с Кацем начали обсуждать прошедшее заседание Особого совещания. Время для этого было. Мы поехали не в мой особняк, а в Офицерскую стрелковую школу, расположенную в окрестностях Ораниенбаума. Кац даром время не терял и, пока шло заседание Особого совещания, по телефону связался с начальником школы, генералом Филатовым и предупредил, что великий князь Михаил Александрович желает переговорить с конструктором ружья-пулемёта Федоровым и осмотреть оружейные мастерские. Во время этого звонка произошёл небольшой казус, у начальника школы Кац узнал, что полковник Фёдоров стал уже генералом. Я удивился, что мы едем не в сам Ораниенбаум, а в его окрестности. Но оказывается, Фёдоров со своим главным помощником Дегтярёвым практически постоянно находятся в мастерских ружейного полигона Офицерской стрелковой школы. А этот полигон расположен в окрестностях Ораниенбаума. Фамилия Дегтярёв меня воодушевила – если уж такой оружейник принял участие в разработке ружья-пулемёта, то наверняка получившееся изделие будет то, что надо.

Углубившись в думы и мечты заполучить автоматическое оружие, в разработке которого принимал участие сам Дегтярёв, я практически не принимал участие в обсуждении прошедшего заседания Особого совещания. Зато Кац, который, в связи с телефонными переговорами, появился там только к моменту выступления военного министра, разошёлся не на шутку. И в основном с язвительными замечаниями в адрес выступивших с напыщенными речами чиновников. Я в ответ только поддакивал. А что я ещё мог делать? Во-первых, голова была забита совершенно другим, а во-вторых, я не имел собственного мнения, так как не слушал выступления этих людей. Кац назвал наше участие в этом сборище высших чиновников государства впустую потраченным временем. Единственная польза была только в том, чтобы засветиться среди тех, кто как будто что-то решал. Но на самом деле эти ходячие иконостасы (у многих было навешано столько орденов, что в глазах рябило) ничего не решали. Были абсолютными флюгерами – куда властный ветер дунет, туда они и поворачиваются. Я с этим мнением моего друга был полностью не согласен. Мы начали спорить. И в конце концов пришли к согласию, что участие в этом совещании всё-таки было необходимо. Во-первых, Михаил получил какую-никакую, но легитимную всероссийскую площадку для

действий по преобразованию армии. Во-вторых, великий князь показал себя грамотным генералом, переживающим за будущее страны. И не просто на словах – он реально принимает участие в военных действиях и при этом ещё пытается продвигать новое чудо-оружие. Конечно, повышение авторитета среди этих чиновников особого значения не имеет, эти люди и так преданы существующей власти и перед ними не имеет смысла её приукрашивать. Перед ними, конечно, нет, но вот перед чиновниками рангом ниже, безусловно, стоит. А слухи о выступлении великого князя наверняка пойдут. И о его споре с Николаем Николаевичем тоже. Слухи это такая вещь, которая имеет тенденцию откладываться в подсознании. И если всё, как в нашей истории, пойдёт вразнос, то в сознании многих людей Михаил Александрович останется не только как брат Николая II (Кровавого), а как боевой генерал, обуздавший туземцев Дикой дивизии, пекущийся о повышении боеспособности русской армии. При этом он не только на словах призывает укреплять армию, но реально занимается внедрением новейшего вооружения. Одним словом, настоящий спаситель отечества. И именно его нужно поддерживать, а не какое-то там временное правительство. А ещё это заседание показало, что брат императора никакой не мямля, а вполне грамотно говорит и умеет отстаивать своё мнение. Вон доказал же Николаю Николаевичу, авторитетнейшему великому князю, бывшему главкому, что прав именно он, хотя и является всего лишь командиром кавалерийского корпуса.

Наш разговор с Кацем прервался, как только мы перешли к хитросплетению отношений внутри дома Романовых. К расстановке великих князей по их значимости и способности влиять на наши планы. Мы приехали. И в общем-то для этого времени довольно быстро. Водитель был хороший и прекрасно знал Питер и его окрестности. Легко с ним было работать. Называл место, куда тебе нужно было попасть, и дальше никаких забот и плутания. А в мастерских ружейного полигона Офицерской стрелковой школы водитель уже бывал – какую-то деталь для «роллс-ройса» заказывал там изготовить. Когда приехали, он первый выбрался из автомобиля, чтобы, во-первых, открыть дверь авто с моей стороны, а во-вторых, предупредить дежурного офицера, что великий князь Михаил Александрович прибыл.

Мы с Кацем только добрались до калитки, возле которой стоял часовой, как оттуда высыпала целая куча народа. Нас ждали, и это был, можно сказать, комитет по встрече, во главе с генералом Фёдоровым. Выслушав его доклад, я подошел к выстроившимся в одну шеренгу людям и очень демократично, для генерал-лейтенанта и великого князя, начал с

ними знакомиться и пожимать каждому руку. Я так и не понял ужимок Каца, пытающегося таким способом о чём-то меня предупредить. Если о том, что я веду себя неподобающим для великого князя образом, то он не прав. Это же не обычные солдаты, а люди, одетые в офицерскую форму, к тому же создатели нового оружия и наверняка весьма образованные. Когда я пожимал руки конструкторам, Федоров пояснял, кто это и чем занимается в его бюро. Особенно я долго жал руку оружейному мастеру Дегтярёву и даже воскликнул:

– Наслышан, наслышан о вашем мастерстве!

После ритуала приветствия и знакомства Фёдоров проводил меня и Джонсона в свой кабинет, где и началось ознакомление с ружьём-пулемётом. Сначала мне демонстрировали схемы этого изделия, и Федоров пояснял принцип действия ружья-пулемёта:

– Ружьё-пулемёт работает по принципу использования отдачи при коротком ходе ствола с ускорителем отхода затворной рамы. Затвор запирается двумя качающимися личинками, расположенными симметрично с двух сторон и вращающимися в вертикальных плоскостях. Во время выстрела при отходе ствола назад эти личинки поворачиваются и освобождают затвор, который после этого может беспрепятственно отходить в крайнее заднее положение.

Эту своеобразную лекцию генерала-оружейника прервало появление Дегтярёва, который принёс в кабинет само ружьё-пулемёт. Дав его мне, он внимательно наблюдал, как я осматриваю это оружие. А затем, когда я наигрался с этим смешным по моим меркам автоматом, он предложил:

– Господин генерал-лейтенант, не желаете испытать ружьё-пулемёт в деле? На стрельбище всё подготовлено.

– Хорошо, вот только почитаю ещё брошюру по эксплуатации ружья-пулемёта, которую изучают ваши курсанты-стрелки, и тогда пойдём на полигон.

Я углубился в чтение руководства по использованию ружья-пулемёта Фёдорова. Именно по нему готовились стрелки, которых вооружали этим оружием. Спокойно я читал эту брошюру минут пять, а потом чуть громко не расхохотался. Развеселил пункт об обслуживании магазина ружья-пулемёта. Начало этого пункта для меня было не очень понятно, но по крайней мере не смешно – «использовать ручную осадку верхних патронов». А дальше начались картинки и текст в юмористическом для жителя XXI века стиле. «Стрелок обязан носить с собой флягу с маслом и кисть, которой должен смазывать верхние патроны снаряжённого магазина для улучшения работы автоматики оружия».

Как ни странно, вся эта нелепица, которую я прочитал, только подняла настроение. И моё отношение к Дегтярёву и Фёдорову, оставивших заметный след в истории, несколько изменилось. Из почтительно-восторженного оно стало несколько снисходительным. И я уже не хотел идти на полигон, стрелять из этого убожества. Тем более на улице накрапывал дождь, и кто знает этот древний автомат, вдруг его разнесёт при попадании влаги или грязи на какой-нибудь узел. Да и грязнить свой чистенький мундир ради сомнительного удовольствия совсем не хотелось. Это раньше я не мог отказать такому человеку, как Дегтярёв, а после прочтения брошюры я превратился в знающего себе цену – великого князя. Поэтому решительным тоном заявил:

– Отставить полигон! На дворе дождь начинается и можно испачкать мундир, а мне ещё сегодня нужно заехать к французскому послу. Постреляю из вашего чудо-ружья в следующий приезд. А он обязательно будет, так как я приехал к вам не из-за любопытства, а по конкретному делу, и буду ещё сюда наведываться. Вы, наверное, знаете, что я командир 2-го Кавалерийского корпуса, и нам нужны ваши ружья-пулемёты. Я думаю, они будут очень эффективны в городских боях. Сейчас при взятии городов в ходе Брусиловского прорыва мой корпус несёт большие потери. Если у австрийцев находится пара не потерявших голову от нашей атаки бойцов, то они, обладая пулемётом, способны остановить целый эскадрон. Вот я и хочу сформировать роту бойцов, вооружённых вашими ружьями-пулемётами, чтобы они зачищали от австрийцев такие города.

Фёдоров на мои слова с небольшой задержкой ответил:

– Желание ваше понятно, но мощности нашей мастерской на этом полигоне чрезвычайно малы. И мы физически не сможем быстро изготовить оружие для целой роты. Сейчас строится цех на Сестрорецком оружейном заводе, где будут выпускаться ружья-пулемёты, вот тогда вы без проблем сможете получить это оружие хоть для двух ваших рот.

– Хм... да это, небось, целый год нужно будет ждать, а моих джигитов в это время будут убивать. Чёрт, а я так надеялся на вас! У меня в корпусе пытались делать подобное вашему ружью-пулемёту, но прапорщика Петрова – душу этого проекта, убило месяц назад во время артиллерийского обстрела. Кстати, он своё изобретение называл «автомат». Талантливый человек был – действующий образец своего автомата сделал буквально на коленке. Я из него стрелял, и этот автомат был легче, чем ваше ружьё-пулемёт. Правда, патроны там были маленькие, от обычного нагана, и дальность поражения цели была невелика – саженой пятьдесят, не более. Но для боёв в городских условиях больше и не нужно. Точность боя

тоже не принципиальна. Выцеливать противника, засевшего в заранее подготовленной позиции, можно и из винтовки, а вот поразить мелькнувший среди домов силуэт из штатной трёхлинейки или карабина невозможно. Вот мои офицеры и обрадовались, когда Петров изготовил свой автомат. Но тут случился артобстрел, и крупнокалиберный снаряд попал в сарай, где располагалась мастерская прапорщика Петрова. Погиб не только он, но и трое его помощников, кроме этого были уничтожены готовые автоматы. А в пожаре, который начался после попадания снаряда, сгорели и рабочие чертежи. Но кое-какие рисунки устройства автомата и некоторых его узлов остались целыми, и я их захватил с собой с целью показать специалистам. Устройство автомата, на мой взгляд, очень простое, его можно быстро изготовить с небольшими трудозатратами. Из-за нашей фронтовой специфики и отсутствия токарных и фрезерных станков детали там используются в основном штампованные. И штамповочное оборудование Петров использовал самое обычное, которое имелось в наличии в рядовом паровозном депо. Я думаю, ваша мастерская сможет изготовить автомат Петрова очень быстро и в количестве достаточном для вооружения хотя бы одной роты. Не желаете взглянуть на привезённые мной бумаги?

С большим интересом слушавший мой монолог Фёдоров воскликнул:

– Конечно, покажите!

А стоявший до этого молча Дегтярёв добавил:

– Использовать штампованные детали... это очень интересно! За этим будущее! Можно наладить поточное производство и оснастить всю русскую армию автоматическими винтовками.

«Да... – подумал я, – дисциплина у них тут подгуляла – подчиненный, не спросив разрешения генерала, лезет со своим мнением. Даже в нашем НИИ МНС молчит, когда завлаб высказывает своё пожелание». Но вслух я, конечно, ничего не сказал – может быть, в этом времени у конструкторов так принято. Я, повернувшись к секретарю (показывая класс), просто скомандовал:

– Николай, достань чертежи из портфеля и покажи их господам.

Кац, ни слова не говоря (этим тоже показывая класс выучки подчиненных великого князя), выложил на стол подготовленные ещё вчера бумаги. Я часа два (по памяти) вырисовывал детали автомата ППШ. Правда, не с круглым, а с рожковым магазином. Ещё в школе на занятиях по НВП у меня не получалось в деталях изобразить круглый магазин, а наш преподаватель «Полкан» требовал именно детального изображения. Хорошо, что у автомата Шпагина предусматривался и рожковый магазин. А

рисовать его я научился. Навязчивая идея была у отставного полковника – его ученики должны знать устройство автомата, с которым Красная армия выиграла великую войну. Это он так патриотический дух будущих солдат воспитывал. Полкан, – что с него взять – именно так мы о нём думали. Но Полкан был весьма суров, поэтому мы хотя и материли его солдафонские замашки, но продолжали грызть этот кактус (изучали автомат ППШ). В той реальности даже в армии мне это не пригодилось, а вот в этом времени это было самое то. По тем ощущениям (в кабинете НВП автомат Шпагина был, правда, со спиленным бойком и с просверленным дулом), ППШ запомнился как тяжелое, неудобное оружие. Но подержав сегодня в руках ружьё-пулемёт Фёдорова, я понял, что ППШ это верх изящества и удобства. А если представить себе, что во время боя требуется перед установкой нового магазина смазать верхние патроны машинным маслом (а то заклинит и стрелять будет невозможно), тогда ППШ покажется подарком судьбы. Эта пришедшая в голову мысль заставила меня воскликнуть:

– Кстати, у автомата Петрова магазин был на тридцать патронов и стрелок обходился без машинного масла! Подача патронов происходила без всяких проблем.

Рассматривающий мои чертежи Фёдоров тут же ответил:

– Да, очень оригинально, ново и талантливо! А что касается бесперебойной подачи патронов, то у этого изделия используется магазин с измененным радиусом изгиба. Очень жалко, что разработчик такого шедевра погиб – автор по-настоящему гениален!

Фёдоров продолжал восхищаться оригинальностью найденных решений, но я оборвал его речь конкретным вопросом:

– Так что, Владимир Георгиевич, возьмётесь по этим чертежам изготовить автоматы и вооружить ими роту солдат моего корпуса? Рота автоматчиков должна быть вооружена автоматами до Нового года. Могу вам по секрету сказать, что в феврале предстоят большие дела, и рота автоматчиков будет крайне необходима. Кстати, сами понимаете, что принцип автомата и все узлы не запатентованы. Считаю, что если вы возьмётесь за изготовление первой пробной партии автоматов и вооружите ими мою роту, то все права на эту конструкцию должны принадлежать вам. Петров был бы этим доволен, он очень вас уважал.

– Моё бюро с воодушевлением возьмётся за эту работу и постарается уложиться в отведённые вами сроки. Судя по этим рисункам, автомат действительно не очень сложен в производстве. Это в ружьё-пулемёте ствольную коробку и тело затвора получают путём пайки медью стальных деталей простой формы в кондукторах. Потом детали обрабатываются

напильниками, что определяет качество используемых сталей. А также трудозатраты на одно изделие. Судя по рисункам и описанию, в автомате всё делается по-другому. И может быть, при применении штампованных деталей удастся снять проблему низкого качества конструкционных материалов. А то сейчас при производстве ружей-пулемётов очень большой процент брака. А основные причины – это осадка деталей, наплывы металла и тому подобное.

– А что вы хотели? Чай, не в Германии живём! Без проблем у нас новое производство не запустишь. Зато если уж запустим, то немцы за голову хватаются. Так что, господин генерал – надерем немцам задницы, берётесь за выпуск автоматов?

– Берусь! Вот только могут возникнуть проблемы с производством нужного вам количества автоматов в этом году.

– А в чём проблемы?

– В стволах! Сами мы не можем изготовить высверленные и протянутые стволы – нужно их заказывать на Тульском оружейном заводе. А это время, и немалое. Процесс можно намного ускорить, если изготавливать автомат с другим калибром, чем Петров. У нас много стволов под патрон 6,5 мм «Арисака» с дульной энергией 2615 джоулей. По моему мнению, вполне можно сделать автомат не под патроны Нагана, а под «Арисака». Конечно, вес автомата увеличится, но зато возрастёт его убойная сила и дальность стрельбы.

– Так это хорошо, что увеличится дальность стрельбы, а что касается веса, то бог с ним. У меня ребята не слабые, и лишние несколько фунтов для них тьфу.

После этого мы начали конкретно обсуждать вопросы производства автоматов, чем великий князь может помочь в этом. Договорились, что связь будем поддерживать с остающимся в Петербурге Джонсоном. Он и будет с моей стороны заниматься конкретной помощью бюро Фёдорова.

Глава 12

В автомобиле мы с Кацем начали обсуждать результаты переговоров с Фёдоровым.

– Удачно заехали, – резюмировал мой друг.

– Конечно, удачно, – поддержал его я, – надо же, без особых проблем и объяснений удалось легализовать идею автомата, Не зря я вчера мучил свою память и рисовал узлы и детали ППШ. А представляешь, куда мы можем послать Петросовет, если, конечно, всё пойдёт не по нашей задумке и он образуется, имея роту автоматчиков? Да тут любых денег не жалко, тем более Фёдоров не особо наглел, когда называл сумму, в которую обойдётся производство автоматов для нашей роты.

Я хохотнул и добавил:

– Остаётся дело за малым – найти людей, чтобы сформировать такую роту. Да... как в Питере ни хорошо в шкуре великого князя, но нужно двигать в корпус, подбирать решительных и преданных существующей власти или лично великому князю людей. Надеюсь, что, по крайней мере, в корпусе найдутся преданные Михаилу Александровичу бойцы. Судя по долговременной памяти великого князя, такие люди, по крайней мере в Туземной дивизии, есть.

После этих слов мы переключились на планирование моей поездки на фронт. Было очень важно органично вписаться в образ великого князя, который сложился у подчинённых за время, проведённое Михаилом в действующей армии. В ходе разговора возникла тема всадников Кавказской туземной дивизии. А именно в какую форму они обмундированы в осенне-зимний период. Я вспомнил про висевшую в платяном шкафу толстенную и тяжёлую бурку. И тут же заявил:

– Слушай, Кац, а пожалуй, на завтрашний митинг я не буду надевать парадный генеральский костюм. Оденусь в казацкую бекешу и бурку с собой захвачу. У моего ординарца Василия имеется казацкий наряд, вот я его одетого в такую форму и возьму на этот митинг. Брутальная парочка получится – я в бурке и рядом казак в штанах с лампасами и с Георгиевским крестом на груди. Американский посол обещал, что все фотокорреспонденты, находящиеся сейчас в Питере, будут на митинге у Исаакиевского собора. Намекнул, что и киносъёмка не исключена. Представляешь, какая картинка получится? Тут на митинге и говорить ничего не нужно будет. Покрасовался перед фотокамерами в бурке и с

обнажённой шашкой, обнялся с рядовым казаком, сверкнул своим Георгиевским крестом, и можно спокойно удаляться чай пить. Борзописцы в своих газетных статьях и так волну нагонят.

– Так ты что, и говорить ничего на митинге не собираешься?

– Да нет, нужно! Некрасиво получится и стыдно перед собравшимися людьми, собирающими тёплые вещи для фронта, если брат императора покрасует перед вспышками и, ничего не сказав народу, свалит в свой дворец. Поблагодарю людей за помощь фронту, расскажу какой-нибудь военный эпизод из долговременной памяти Михаила, ну а дальше как пойдёт.

Дальше развивать эту тему не получилось. «Роллс-ройс» подъехал к особняку великого князя. Мы с Кацем сегодня не обедали, не до этого было. Хотя Фёдоров предлагал пообедать, но я отказался, сославшись на свою язву. Дело нужно было делать, а не чаи распивать. Дело-то сделали, но голод не тётка, и поэтому, как только автомобиль остановился, мы быстрым шагом направились в дом, где была вожделенная столовая. После спешно поданного ужина, совмещённого с обедом, мы с Кацем в курительной комнате ещё немного побеседовали о завтрашнем мероприятии, после чего он направился к себе домой. А я пошёл в гардеробную комнату, подбирать себе наряд на завтра. Консультантом у меня была Наталья. Подобрал к завтрашнему мероприятию наряд, мы с консультантом пошли тестировать мягкость перины в нашей спальне.

На следующий день я встал рано и, как обычно, начал мучить организм физическими упражнениями. А куда деваться, доставшееся мне тело, по моему мнению, было неуклюжим и негибким. Бог силой Михаила не обидел, но вот гибкости недодал. Приходилось исправлять эту ошибку создателя ежедневным длительным тренингом. Больно и неприятно было делать растяжки, но я уже добился того, что тело начало меня слушаться, и уже мог без особых проблем присаживаться с вытянутой ногой и руками. То есть на одной ноге, что было невозможно в первый день появления моей сущности в теле Михаила Александровича. Да и прыжки в стиле айкидо начали получаться. А уж о фирменном и отработанном до автоматизма хуке слева я и не говорю – ударом ломал толстые дубовые доски. Такой силы удара мне не удавалось добиться даже в своём прежнем теле. Которое было гораздо моложе и тренированней, чем тело великого князя. Напрыгавшись до измождения, я еле доплёлся до ванной. Душа у великого князя не было, но зато имелось много слуг, которые к этому времени должны были поставить в ванну несколько вёдер с тёплой водой. Облив тела этой водой вполне заменял мне душ. И во время этой процедуры я обязательно думал,

что всё-таки нужно заняться прогрессорством и внедрить в местную жизнь хотя бы некоторые бытовые изыски XXI века. Правда, потом все эти идеи отходили на задний план. Прежде всего, нужно было не допустить коллапса на одной шестой части суши. Ну и, естественно, сохранить для себя любимого тело великого князя. А уже когда всё успокоится, можно внедрять на территории России те знания XXI века, которые известны нам с Кацем. На самом деле их не так уж и мало, просто нужно вспомнить. Вон, устройство ППШ я же вспомнил, а когда мы после появления моего друга думали, что же можем предложить этому веку, то в мою голову ничего конкретного не приходило.

Вся моя философия закончилась с последним ковшиком воды. Потом реальность и потребности организма загнали отвлечённые думы на нижний уровень сознания. Теперь главенствующим было чувство голода. Слава богу, я вселился в тело великого князя, а не в какого-нибудь там бедного крестьянина, поэтому никаких проблем удовлетворить это желание не было. И не просто набить свою утробу грубой пищей, а под милую болтовню Натальи откусать разных деликатесов. Всякие противные диетические каши остались в прошлом. Я всем домочадцам и жене внушил, что язва чудесным образом после воздействия на меня небесного огня зарубцевалась. Такое воздействие на окружающих дало мне не только вкусное питание, но и немалое обожание прислуги. Народ тут был простой, верующий, и поэтому они посчитали, что великого князя Бог любит и за праведность излечил от страшной болезни живота. А я этим бессовестно пользовался, поедая разные рыбные деликатесы и домашнюю выпечку.

Только я позавтракал, как появился Кац. Я про себя позлорадствовал: «Ага, сегодня ты пролетел мимо своей любимой чёрной икры». Когда мы с ним поднялись в мой кабинет, я понял, почему он не присутствовал на великокняжеском завтраке. Кац протянул мне блокнот, где были написаны тезисы выступления великого князя на сегодняшнем митинге, конечно, в понимании моего друга. Прочитав эту галиматью, я обозвал Каца идиотом, который ради такой белиберды пожертвовал хорошей порцией чёрной икры. Ох, как взвился мой друг, и понеслась ругань в традициях наших прежних споров в той реальности. И как и там, она довольно быстро закончилась, и мы приступили к серьёзному разговору по поводу выхода к народу великого князя. Продолжали наш спор о том, как мне нужно себя вести на митинге до того самого момента, когда пора уже было облачаться в наряд воина. Да и после того, как я оделся, Кац продолжал приставать со своими советами. Замолчал только тогда, когда в кабинет вошёл мой денщик Василий. Парень тоже уже был одет в казацкую форму, и на груди

его висел, как я и распорядился, Георгиевский крест. Дав последний инструктаж Василию, я вручил ему бурку, и мы все втроем направились к «роллс-ройсу».

У Исаакиевского собора нас встретил представитель Земгора Павел Николаевич Волков. Именно по инициативе этой общественной организации происходило сегодняшнее мероприятие. Волков был очень горд, что в общем-то рядовое благотворительное мероприятие, инициированное им, превратилось в крупное политическое событие. На нём даже присутствует сам брат императора, герой войны и генерал-лейтенант, которому удаётся держать в узде диких кавказцев. Именно это мне выдал Павел Николаевич в первые минуты нашего общения. А ещё он с гордым видом сообщил, что сам председатель Земгора князь Львов присутствует на этом митинге, и мы сейчас направляемся к нему. Кроме этого, он начал перечислять, какие газетные издательства прислали своих корреспондентов освещать это, несомненно, выдающееся событие. На втором десятке названий известных мировых изданий мы дошли до князя Львова, стоящего в окружении неизвестных мне господ. После того как я поздоровался с Георгием Евгеньевичем, он начал представлять стоявших рядом людей. Все они входили в руководящие органы Земского и Городского союзов.

Между тем мероприятие началось – народ выстроился в очередь сдавать тёплую одежду, и всё это под аккомпанемент сменяющихся друг друга ораторов и периодически сверкающие магниевые фотовспышки. Ораторы произносили свои речи, стоя на невысоком дощатом подиуме, лишь немного возвышаясь над толпой. Народу было довольно много, и толпа росла. В это время развлечений у жителей Петрограда было мало, а тут такое – собравшаяся толпа, сверкание вспышек, мелькание среди серого тона белых кителей городских. Настоящее шоу времён Первой мировой войны. Я, как главная изюминка этого шоу, должен был выступать в конце. И вот этот момент наступил. Ведущий шоу (это я его так назвал) пронзительным голосом объявил, что сейчас выступит герой войны, георгиевский кавалер, генерал-лейтенант, командир 2-го Кавалерийского корпуса, принимавшего самое активное участие в Брусиловском прорыве, великий князь Михаил Александрович.

Перед этим князь Львов меня предупредил, и я успел облачиться в ужасно неудобную бурку. Поэтому задержки с моим выходом на подиум не было. Я появился там, как Супергерой, с увеличенными в несколько раз буркой плечами, в лихо заломленной папахе и сопровождаемый казаком – георгиевским кавалером. Выход был эффектный. И толпа одобрительно

зашумела. Но как только я начал говорить, шум утих. Народ с интересом рассматривал брата императора, да и к тому же ещё и бывшего командира Дикой дивизии, наводившей ужас на австрийцев. А рассматривать было что, даже Кац признал, что когда на великом князе надета бурка, то это производит ошеломляющее впечатление. Сразу хочется верить, что перед тобой великий воин и защитник. Мой друг сначала смеялся, когда я сказал ему, что на митинг пойду в бурке, но когда он увидел меня в ней, сразу же признал, что я прав. И что интересно, надетая бурка воздействовала и на меня. Я чувствовал себя в ней крутым мачо, который порвёт любого. Да и моя речь становилась другой. Это я и начал демонстрировать перед собравшимся народом.

Все намётки моего выступления полетели к чёрту. Вместо того чтобы поблагодарить людей, собирающих тёплые вещи для солдат, замерзающих в окопах, я начал орать что-то ура-патриотичное. Но народу это понравилось. А я, поддерживаемый толпой, совсем разошёлся. Выхватил шашку и начал ею размахивать, показывая, как мои джигиты рубят головы австриякам. В самый кульминационный момент этого угарного шоу шашка, которую я держал перед собой, разлетелась. Инстинктивно, как учили нас в армии, я упал и откатился, при этом чуть не напоролся на кусок острия шашки, который, упав, застрял в щели подиума. Когда я катился, то опять же инстинктивно выискивал, откуда по мне вёлся огонь. И увидел мужика с револьвером, направленным в мою сторону. И опять раздался выстрел, я даже услышал свист пули. Дальше разбуженный инстинкт взял руководство на себя. Рука дёрнулась к застрявшему в досках кончику шашки, выдернула этот своеобразный кинжал и метнула его в стреляющего. Ещё служа в армии, я бросал на отлично штатный штык-нож. В этот раз выучка дала своё, хоть метнул и отличавшийся по весу и геометрии от штык-ножа предмет. Сейчас бросил даже лучше, хотя и находился под огнём противника. Моё метательное оружие попало чуть ниже кадыка стрелявшего типа, и он на моих глазах, выронив револьвер, начал падать. А из его шеи фонтанировала кровь. Он ещё не упал, а я уже вскочил и бросился в его сторону. Лучше бы этого не делал. Я еще не успел даже спрыгнуть с подиума, как раздалась новые выстрелы. Но и в этот раз Бог оказался ко мне милостив. Пули принял на себя Василий. Он выскочил как чёрт из табакерки и перекрыл своим телом директрису огня стреляющему. А это была женщина. Проскочив с ходу мимо корчившегося Василия, я прыгнул с намерением ногой выбить пистолет из руки этой мегеры. Мои тренировки с телом великого князя дали свои плоды – прыжок получился. И удар тоже, хотя и попал немного не туда, куда метил. Хотел в кисть,

чтобы выбить пистолет, а попал в районе локтя. Хорошо попал, по-видимому, сломал сустав. Так как женщина, взвизгнув, потеряла сознание и начала падать. Типичный болевой шок.

Но это было ещё не всё. Только я поднялся после прыжка, как из толпы, стоявшей как сборище манекенов с открытыми ртами, вырвался громадный мужик, судорожно пытающийся достать из кармана что-то стреляющее. Не знаю что, но достать он не успел. Я уже был на боевом взводе, поэтому не рассуждал, какая пушка зацепилась в его бездонном кармане. Я опять прыгнул и ударил ногой по ёрзающей в кармане руке. Но на меня шёл какой-то монстр. Если предыдущим ударом у мадемуазели я сломал руку, то эта годзилла просто что-то заорала, выдернула руку из кармана, и чудище пошло на меня с кулаками. К этому времени я успел вскочить и принять боевую стойку. А в такой стойке у меня привычка бить первым, и обязательно в серии ударов присутствовал мой любимый хук слева. Но, к моему удивлению, мужик выдержал мой фирменный удар. Конечно, его немного повело, но он стоял и даже попытался врезать мне по челюсти. Пришлось повторить серию, но в нокаут мужик провалился только после применения удара, который поставил мне тренер в секции айкидо. В прыжке пяткой по челюсти. Если по виску, то получится стопроцентный труп. А я не хотел убивать мужика – нужно было его допросить и узнать, кто поручил убить великого князя.

Мой завершающий удар явился как бы сигналом силам правопорядка. Как белые тараканы, из людской массы начали вылезать городовые. Толпа стала издавать всё нарастающий гул, который иногда перекрывался пронзительными женскими возгласами. Мозг все эти детали фиксировал, а тело уже метнулось к лежащему и продолжающему корчиться Василию. Непроизвольно я его поднял с брусчатки и прижал к груди. Чувствовалось, что парень доживает последние секунды своей жизни. Когда я его поднимал, то, наверное, сделал парню больно, и Василий вышел из забытья. Глядя на меня красными от лопнувших сосудов глазами, он прошептал:

– Слава Богу, государь, вы живы!

После этого, издав хриплый вздох, перестал дышать. Мне стало ужасно горько, что ушёл из жизни отличный, весёлый парень. За то небольшое время, которое я его знал, он нравился мне всё больше и больше. Может быть, из-за того, что это был первый человек, который скончался непосредственно у меня на руках, а скорее всего, произошёл откат нервной системы после перенесённого стресса, но на лице великого князя появились слёзы. И я провалился в выдуманный мир своего детства,

где все были счастливы и никто никогда не умирал.

Возврат в реальность произошёл, когда на мозг начали воздействовать шипение и световые вспышки. Фокусировка зрения восстановилась, и я увидел, что окружён со всех сторон громадными фотоаппаратами на треногах и людьми с поднятыми вверх фотовспышками. Именно они издавали тот мерзкий звук и свет, которые вытащили меня из идеального мира, где не убивают людей. Там даже мясо не едят, а питаются исключительно шоколадом и пирожными. Когда я увидел этих людей, питающихся трагедиями, мне захотелось рвать и метать, ну, по крайней мере, разогнать эту шуштуру. Но сидящий внутри меня человек XXI века не дал это сделать. Он понимал, что такое пиар. Что за счёт него можно избежать того кошмара, в котором оказалась Россия после 1917 года.

Плюнув на то, что эти акулы пера засняли великого князя плачущим, я передал тело Василия подбежавшим городовым и подошёл к нокаутированному мною здоровому мужику. Но он оставался без сознания и был бесполезен для допроса. А я хотел именно сейчас допросить хоть кого-нибудь из покушавшихся на великого князя террористов. По свежим следам, когда психика находится не в лучшей форме после такого провала. Поэтому взглянул на свой последний вариант – женщину, застрелившую Василия. Вот она вроде бы очухалась, по крайней мере, сидела на брусчатке, окружённая людьми в белой форме. Я решительно направился к ней. Бесцеремонно отодвинув городского, я подошёл к этой женщине и присел рядом на корточки. Это была совсем девчонка, лет восемнадцати, не больше. В глазах были слёзы, губы дрожали. Одним словом, она страшно боялась и держалась из последних сил. Какой-нибудь гуманист, может быть, её и пожалел бы, но не я. Перед моими глазами всё ещё стояло лицо хорошего парня, весельчака и жизнелюба, Василия. Поэтому я довольно жёстко спросил эту мадемуазель:

– Кто тебя послал? В какой партии ты состоишь? Говори быстро, зараза!

Девушка молчала. Вот только из глаз её ручьём начали течь слёзы. Но меня это не разжалобило, а даже ещё больше разозлило. Я вспомнил свои слёзы и красные глаза умирающего Василия. Схватив девушку за сломанную руку (она поддерживала её другой рукой и прижимала к своему телу), я рявкнул:

– Сука, говори какая партия?

И тут её прорвало. Сквозь слёзы она выкрикнула:

– Большевики!

И начала рассказывать, кто именно поручил их боевой группе

провести покушение, фамилии и клички своих соратников, а также кто входит в группу поддержки. Выложив всё это, она зарыдала.

Откровения девушки-революционерки слушал не я один. Непонятно каким образом рядом оказались Кац и какой-то господин в прорезиненном плаще и в клетчатой кепке. Деловой такой мужик, с блокнотом, куда он карандашом записывал слова девушки. Корреспондентом какой-нибудь газеты он вряд ли был (типаж не тот), а вот филёром вполне вероятно. И это подтвердилось, как только я обратил на него внимание. А это я сделал довольно бестактно. Поднявшись с корточек и увидев рядом подозрительного типа, выкрикнул:

– Ты кто такой? Что там пишешь?

Намерения у меня были однозначные, если бы его ответ меня не устроил, то хук слева этому господину был бы обеспечен. Но этот человек повёл себя совершенно правильно. Вытянувшись передо мной по стойке смирно, он доложил:

– Ротмистр Плещеев, сотрудник жандармского управления, ответственный за правопорядок на этом мероприятии. Я знаком с господином Львовым, и он может подтвердить место моей службы и звание.

Проверить слова этого человека не имело смысла, и так было видно, что он не врёт. Городовые явно знали этого господина и подчинялись ему. Он только кивнул, и толпа была отеснена, и вокруг нас образовалась площадка, свободная от людей и фотокамер. Границы её охраняли городовые. Стало возможным уже не кричать, чтобы пробиться сквозь возгласы толпы, а говорить вполне нормальным голосом. Это я и сделал, предъявив этому господину претензию:

– Как же вы допустили такое безобразие? В столице воюющей страны, в самом её центре, происходит вооружённое нападение на боевого генерала, к тому же великого князя. Как это понимать? Охранное отделение совсем перестало мышей ловить?

– Господин генерал-лейтенант, в том, что случилось, моя вина. Не ожидал, что такое, в общем-то, рядовое мероприятие вызовет интерес террористов. Информация о том, что в митинге примет участие великий князь, поступила только вчера. Я сразу же запросил информацию, поступающую от наших секретных агентов, но эсеры и эсдеки никаких терактов не готовили. Кто же знал, что это могут организовать большевики. Это партия новая, до этого случая политическим террором не занималась. Боевики у неё, конечно, есть, но, как правило, они занимаются финансовым обеспечением своей партии – грабят банки, трясут магнатов и прочих

денежных мешков. К тому же она разобщена, многие её руководители находятся за границей, в основном в Германии. Из-за этого агентурная работа в среде её руководителей затруднена. Они тесно связаны с немецкими спецслужбами, которые, можно сказать, охраняют её от нашего влияния.

Я только начал переваривать эту информацию, а Кац уже спросил у ротмистра:

– Так что это получается – нападение на великого князя организовано по инициативе немецких спецслужб?

Плещев несколько замялся, а потом, подумав, что его спрашивает всё-таки секретарь великого князя, по-видимому, он был в курсе, кто такой Кац, поэтому ответил:

– Видите ли, господин Джонсон, я не могу это знать точно, но скорее всего это именно так. Убрать энергичного, набирающего популярность представителя дома Романовых в интересах немецкого Генерального штаба. Когда Михаил Александрович был в гостях у германского императора Вильгельма, тот очень высоко оценил брата нашего царя. Вот немцы и боятся, что если такой человек начнёт влиять на Николая II и правительство, власть укрепитя, порядка в стране станет больше и соответственно возрастёт мощь русской армии.

Слова ротмистра, что за попыткой покушения на великого князя стоят немецкие спецслужбы, а значит, Генштаб Германии, меня очень заинтересовали. Этот вопрос требуется очень серьёзно обсудить с моим другом. Если это так, то нам нужно срочно скорректировать свои действия. Ведь всё, что мы до этого делали, предполагало, что это останется в тайне от серьёзных игроков. Ну не может же суэта великого князя вокруг вопроса производства нового оружия стать основанием для организации на него покушения. Ведь была задействована сила, которую германский Генштаб готовил для действительно грандиозной задачи – устроить мятеж в России, чтобы она вышла из войны. По-видимому, немецкие аналитики просчитали, что великий князь Михаил Александрович может нарушить этот план. И чтобы его устранить, рекомендовали использовать любые средства. Чёрт, да они могут использовать для этого и свою главную силу в Петрограде – финский батальон. Кто знает, может быть, какая-то часть этого батальона, сформированного из финских добровольцев, уже проникла в столицу. Кулаками с ними не справишься. Если боец хорошо обучен, то мой хук слева это просто смешно. Обученный чухонец пристрелит такого петуха и не поморщится. Срочно нужно принимать меры против этого – без силовой поддержки никак. А найти её возможно только в своём корпусе.

Пока я в очередной раз делал такой вывод, Кац выяснял у ротмистра, что тому известно об этих самых большевиках. Краем уха я тоже это послушал, но был сильно разочарован той мизерной информацией, которую имело охранное отделение на людей, поставивших Россию буквально на уши. Любой человек XXI века больше знал о большевиках, чем этот ротмистр, поставленный на стражу империи. Посчитав этот разговор информационно для нас бесполезным, я вклинился в беседу Каца и ротмистра, заявив:

– Всё, Николай, заканчивай мучить человека – ему действовать нужно, а не пустые разговоры вести. У нас тоже масса срочных дел, которыми нужно заниматься.

Сказав это, я подумал, что связь с человеком из жандармерии прерывать нельзя. Плещеев хоть и мелкая сошка, с невысоким званием, но может в наших планах быть полезным. Поэтому я сразу же сказал ротмистру:

– Господин Плещеев, я не виню вас в этом происшествии. Вы действительно вряд ли могли предотвратить это нападение, задуманное не маньяком-одиночкой, а целой партией. Думаю, что теперь у вас достаточно материала, чтобы разобраться с этими большевиками. Прошу держать меня в курсе ваших действий в отношении большевиков. Связь с вами будет осуществлять мой секретарь господин Джонсон. Прошу любить и жаловать!

И положил руку на плечо Каца. А затем, пожав жандарму руку, повернулся и направился к всё ещё лежащему на брусчатке телу Василия.

Вокруг тела моего денщика суетилось два человека в гражданской одежде, а стоявший рядом городской отгонял любопытствующих. Подойдя туда, я выяснил, что люди в гражданском тоже из жандармерии. А вскоре должна подойти повозка, чтобы отвезти тело в полицейский морг. Подошедший следом за мной Кац присоединился к расспросам о том, когда можно забрать тело героя. Я решил устроить Василию достойные героя похороны. Оставив своего секретаря окончательно выяснить вопрос, когда можно забрать тело, я направился к подиуму. Нужно было прихватить свою бурку, сброшенную там. Эта подаренная отцом одного из джигитов Туземной дивизии вещь, можно сказать, спасла мне жизнь. Ведь стреляли несколько раз, я вроде бы слышал три выстрела. Только одну пулю остановила шашка, а другие, получается, бурка. Сомневаюсь, что стрелок мазал, не посылают на такие задания дилетантов. А я всё был недоволен, что бурка такая тяжёлая, а овчина плохой выделки. Про себя возмущался, что великому князю подсунули деревенский самопал. А оно вон как вышло

– деревенская, плохой выделки бурка сработала как хороший бронезилет. Подняв с подиума сброшенную мной сразу после выстрелов бурку, я направился в сторону князя Львова, что-то объясняющего двум господам. Я шёл и думал, куда же мне деть бурку, чтобы нормально побеседовать с Георгием Евгеньевичем? Держать её в руках – негоже для великого князя. Накинуть на плечи – сейчас жарко стоять в зимней бурке. Что допустимо для брутальных фотографий, не годится для возможно длительной беседы с князем Львовым. Но эта проблема разрешилась практически сразу. Я ещё даже не дошёл до князя Львова, как меня догнал Кац. Вот ему я и вручил бурку и посоветовал, чтобы не стоять с этой тяжестью в руках, отнести бурку в «роллс-ройс». И, в общем-то, он ничего не потеряет, если подождёт меня там, а не будет присутствовать на беседе двух аристократов (двух князей). По-любому принять непосредственное участие в этой беседе он не может. Он не аристократ, а по правилам этого времени секретари молчат и имеют право сказать слово только по сигналу своего босса. Молча кивнув, Кац, перебросив бурку через плечо, направился к нашему автомобилю. «Скучно ему там не будет, – подумал я, – водитель собеседник хороший и много знает о специфике этого времени». Я по своему статусу душевные разговоры с водителем не вёл, а вот Кац болтал с ним подолгу. Выцедил у Григория столько детальной информации о жизни его современников, что я думаю, не всякий урождённый в этом времени обладал такими знаниями. Несомненно, и сейчас будет выяснять, что Григорию известно о большевиках и есть ли у того какие-нибудь выходы на подпольщиков. А Григорий человек общительный, у него было много знакомых в среде промышленных рабочих.

К князю Львову я направился не просто так (почесать языком), у меня насчёт этого человека был весьма меркантильный интерес. А всё было связано с явной нехваткой средств на продвижение наших с Кацем планов. Любое начинание, даже шедшее на пользу воюющему государству, требовало крупных сторонних влияний. И складывалось такое впечатление, что власть предрержащим было наплевать, что будет со страной. Думали только о своём маленьком мирке, о личном достатке и благополучии. В общем-то, это обычное дело, но в этом времени это усугубилось наличием внутри государства организованной деструктивной силы. Как известно из истории, подавить её разложившемуся государственному аппарату не удалось. Мы с Кацем много думали над этим вопросом и пришли к выводу, что помогать такому аппарату бессмысленно – нашими силами отладить его не реально. Оставалось сосредоточить свои силы на двух вещах – росте боеспособности Русской армии (за счет внедрения оружия будущего,

естественно, того, которое мы имели представление, как изготовить) и подготовке к существованию в условиях коллапса, в который попадёт Россия, если на фронте новое оружие не поможет и всё пойдёт так же, как в нашей истории. И оба эти направления требовали больших сумм. Кое-какие действия были предприняты, но по финансовым выкладкам Каца денег, если даже они будут предоставлены в объёмах, которые были обещаны, явно недостаточно. Естественно, после финансового анализа моего друга в моём мозгу постоянно шла работа – где взять средства, чтобы наши задумки всё-таки исполнить. Основным поставщиком информации о богатых людях и конторах была Наталья. Вот она и рассказала мне об общественной организации, где председателем был князь Львов. ЗемГор «ворочал» огромными средствами, и, как почти всегда бывает, к чистому делу прилипали нечестные, а то и просто воровские руки. Сам князь, несомненно, был честным человеком и патриотом. И была надежда склонить его к финансированию проектов, которые несомненно шли на пользу России. А ещё Наталья поведала, что имя Львова стало фигурировать во многих списках членов «ответственного министерства» или «министерства доверия», которое должно было заменить существующее «правительство бюрократов». Эти списки возникали в кругах либеральной оппозиции, которая не останавливалась перед опасностью «перемены коней на переправе», а имя Львова, «безупречного в нравственном отношении человека», более всего нужно было как «символ» чистоты будущей власти, ее освобождения от пленения «темными силами». Конечно, я знал, что князь Львов был первым премьер-министром после отречения Николая II, но в результате разговора с Натальей стало понятно, откуда у этой истории растут ноги.

Когда я подошёл к князю Львову, то не стал заниматься словоблудством, пытаясь исподтишка внушить ему мысль способствовать финансированию проектов, предлагаемых великим князем. А, пользуясь тем, что стал героем дня, практически сразу заявил:

– Представляете, Георгий Евгеньевич, что было бы, если вместо меня выступал бы император? Убили бы его, и осталась бы страна в лихую годину без Верховного главнокомандующего. Я всё-таки в Англии занимался боксом, да и на фронте бывал под огнём неприятеля. Нет, эту вакханалию террористов нужно как-то заканчивать! Полиции и жандармов море, а порядку нет! А всё почему? Да потому, что не боятся они наших правоохранительных органов. Эти бандиты вооружены зачастую лучше, чем жандармы. И из этого положения есть выход. Генерал Фёдоров изобрёл нечто удивительное. Легко переносимый одним человеком пулемёт. Теперь

один обученный боец может справиться с целой толпой бандитов, вооружённых револьверами или подобными хлопушками. Называется это оружие ружьём-пулемётом. Оно, конечно, тяжеловато и неудобно для полицейского, но у Фёдорова есть в проекте и более лёгкое и простое в обслуживании оружие – автомат называется. Вот только производить он их не может – нет финансирования. Худо-бедно производство ружей-пулемётов государство взяло под своё крыло. А вот на автоматы не выделено ни копейки. Я собираюсь помочь Фёдорову кое-какими деньгами, но этого явно мало. Полностью профинансировать программу производства автоматов у меня не получится. У государства тоже средств нет. Остаётся уповать на общественность.

Я замолчал и требовательно взглянул на князя Львова. Эффект был примерно такой, на который я и рассчитывал. Вот только Георгий Евгеньевич сначала закатил целую речь о том, что ЗемГор создавался как благотворительная организация. Закончив перечислять некоторые факты добрых дел, которые организовал ЗемГор, князь Львов всё-таки пообещал поставить вопрос о финансировании производства автоматов перед советом своей организации. А это было равносильно обещанию, что деньги ЗемГор выделит. Именно так мне говорила Наталья – мой главный консультант по психологии и стилю поведения местной политической элиты. А ещё она меня предупреждала, что если князь Львов на что-то согласился, то не стоит пытаться раскрутить его на что-то большее. Можно потерять и то, чего достиг. Вот я и не стал давить на князя Львова, чтобы выжать ещё что-нибудь из богатого ЗемГора. Немного поговорил о положении на фронтах, а затем откланялся. Правда, перед этим обговорил с Георгием Евгеньевичем, что в моё отсутствие в Петрограде все дела будет вести секретарь великого князя, Джонсон.

Глава 13

Уже забравшись в «роллс-ройс», я немного пограбил этого оборотистого секретаря великого князя. Отобрал у Каца бумажный кулёк с жареными пирожками. А то ишь ты, пока голодный великий князь выискивает средства на осуществление наших планов, этот жулик за милой беседой с водителем набивает свою утробу такой амброзией. Теперь я начал набивать свой желудок этой вкуснотищей, попутно слушая информацию, которую узнал Кац у водителя. В общем-то, ничего интересного он не узнал. Разве это новость, что рабочим Питера тяжело материально. Рост зарплаты не покрывал галопирующей инфляции. Вон, несколько дней назад я покупал пирожки по две копейки за штуку, а сегодня Кац брал их за три копейки. Так что время Кац потратил бездарно, в отличие от меня, который, можно сказать, решил одну их первоочередных задач. Именно так я издевался над своим другом всё время, пока мы добирались до нашего штаб-особняка. Это я так в шутку называл свой дом, при этом постоянно капал на мозги Каца, который подал идею взять Смольный и сделать там наш штаб.

Все шутки кончились, как только мы подъехали к моему особняку. И не потому что у нас изменился настрой, а всё из-за бабских истерик. Каким-то образом (без радио и телевидения) Наталье, да и всем обитателям особняка стало известно, что на великого князя совершено покушение. Поэтому как только вошёл в дом, обойдя застывшего в ступоре привратника, то услышал женские рыдания и причитания. А затем на меня кинулось и повисло на шее растрёпанное, что-то бубнящее существо. Это была моя жена Наталья. Словами привести её в нормальное состояние никак не удавалось. Пришлось применять средство «К», то есть отпаивать её французским коньяком. Михаил Александрович в этом вопросе оказался человеком запасливым и хорошо подготовленным к «сухому» закону. Гаркнув на Глашку, чтобы замолкла, а она уже успела прибежать из кухни и сейчас, как и все женщины в доме, скулила и что-то причитала. Уже не обращая внимания на продолжающиеся всхлипывания, я начал распоряжаться:

– Глафира, быстро носи закуску под коньяк в мой кабинет. Приборы и рюмашки подашь на трёх человек. Будем отмечать счастливое спасение великого князя от происков террористов.

Уже улыбающаяся домоправительница убежала, а я, поддерживая

Наталью за плечи, повёл жену в кабинет. За нами поднялся и Кац. Только мы расселись за столом, как дверь распахнулась, и улыбающаяся челядь начала вносить скромную закуску великого князя. Да с таким закусоном я с несколькими друзьями мог бы в Пущино месяц гудеть не просыхая. Кац, наверное, был такого же мнения, по крайней мере, улыбаясь, он шепнул:

– Михась, вспомни нашу пьянку в институте, спиртягу и маринованные томаты! Да мы просто теперь в раю с тобой – вон, даже закуска на столе не помещается! Всё-таки я умный, раз нырнул за тобой в неизвестность.

Наше застолье продолжалось довольно долго. И одной бутылкой дело не обошлось. Полученный стресс нужно было снимать не только Наталье, но и мне. Я же не железный, и очко, правда, после принятия первой рюмки, тоже начало играть. Потом, спровадив уже хорошо поддающего Каца, я набросился на Наталью. А может быть, и она на меня – помню плохо. Но чувство удовлетворения этой ночью любви хорошо запомнилось.

Детальное обсуждение покушения и его причин началось утром, после завтрака. Аналитиком и оратором выступил Кац. В отличие от меня, он выспался, а я, сидя за письменным столом, можно сказать, клевал носом. Пришёл в себя только после того, как привратник принёс в кабинет утренние газеты. Ещё бы не прийти в себя, когда на первых полосах принесённых газет красуется твоя физиономия. Возмущался я только первые секунды, когда увидел эти фотографии великого князя с различимыми слезами в глазах, а когда прочитал несколько передовиц, досада моя прошла. И моё отношение к прочитанным материалам выразил Кац, тоже просмотревший несколько газет. Он после этого воскликнул:

– Обалдеть!.. Лучшего пиар-хода, чем вчерашние события, трудно придумать! Надо же, допотопными фотокамерами сделаны такие классные фотографии! Резкость поразительная – даже слёзы на твоих глазах видны. А кадр, где ты целуешь заслонившего тебя от пуль георгиевского кавалера, реально берёт за душу.

– Да не целовал я его! Просто Василий был очень слаб, и я поднёс его к себе, чтобы услышать шепот парня. Ну и свою голову наклонил близко к лицу Василия. Так что не целовал я его, а всего лишь наклонился, чтобы разобрать, что говорит Василий.

– Ты только не говори это никому другому – даже жене. Не нужно своей правдой опошлять такой трогательный момент. И то, что Василий был твоим денщиком, тоже не говори. Пусть люди думают, что фронтовик, георгиевский кавалер, заслонил собой от пуль немецких шпионов боевого генерала. Нужно всеми силами поддерживать эту газетную версию. Ты хоть

понимаешь, что вчерашнее нападение большевиков и героический поступок Василия, решает массу наших проблем? Во-первых, когда народ узнает, что за покушением с целью убить боевого генерала, приехавшего в Петербург лечиться от страшной болезни, заработанной на фронте, стоят большевики, то рейтинг их даже среди промышленных рабочих очень сильно упадёт. А известие о том, что убили они простого крестьянского парня, героя войны, грудью вставшего на защиту своего генерала, подорвёт их рейтинг и в среде либеральной интеллигенции. И наоборот, твой поступок, когда ты в одиночку одолел банду шпионов-марксистов, повысит уважение к дому Романовых. Дело за малым – нужно грамотно дать информацию в газеты, что на тебя организовано покушение партией большевиков, руководство которой сейчас находится в Берлине и сотрудничает с германским Генштабом. Этим я сегодня же займусь.

– Противно всё это! Грязно как-то!

– Благородным стал? Мараться не хочешь? Тогда в Пермь, пожалуйста! А я такой участи себе не желаю!

– Ладно, Кац успокойся! Ты же знаешь меня и то, что я никуда не сверну с выбранной нами дороги. И за свою жизнь, вернее великого князя, буду биться любыми грязными методами. А тут ещё к моей жизни пристёгнуты судьбы миллионов людей.

– Понял тебя, Михась, я тоже никуда не сверну. И не волнуйся – одного тебя барахтаться в этом дерьме не оставлю! Ладно, хватит лирики, вернёмся к серьёзным вещам. Так вот, большевики подставились очень капитально, и я не Кацман, если не раскручу это по полной программе. В общем, буду работать по этому вопросу. Но не только проблему большевиков поможет решить вчерашнее происшествие. Вот скажи мне, Михась, в чём у нас сейчас самая большая потребность?

– Сам знаешь – в деньгах и в отсутствии преданных воинских формирований.

– Вот именно! А вчерашнее подлое нападение на великого князя, к тому же командира 2-го Кавалерийского корпуса, может всё это дать.

– Каким же образом?

– Деньги от императора, а солдат вполне можно будет взять в твоём корпусе. Ты сам знаешь, что самой большой трудностью в наших планах было твоё появление в корпусе. Ты сам боялся, что офицеры тебя не примут и начнут шептаться: а великий князь-то не настоящий. Так вот, после покушения на тебя не начнут. Будут гордиться, что у них такой командир – в одиночку, безоружный, обезвредил трёх опаснейших террористов. Да они теперь все твои промахи и несуразности будут

пропускать мимо глаз и ушей.

– Твоими бы устами да мёд пить! Вон, Наталья мне говорила, что я после удара молнии даже разговаривать стал иначе. Не говоря уже о других вещах – секс, привычки и тому подобное. Но она женщина, и изменения, особенно в сексе, её устраивают. К тому же у неё появилась надежда стать императрицей. Теперешний Михаил Александрович, в отличие от прежнего, не отвергает мысль о том, что может стать императором. Вот она и закрывает глаза на несуразные для прежнего Михаила слова и поступки.

– Твои подчиненные тоже будут закрывать глаза на появление не свойственных Михаилу слов, появившихся в лексиконе героического генерала. Особенно если ты в разговоре с кем-нибудь расскажешь про молнию и пропущенный удар в голову во время схватки с гигантом-террористом. Всем подряд не рассказывай, а выбери самого болтливого и поделись с ним случаями, которые случились с тобой в Петербурге. Ты же, перед тем как направиться в свой корпус, собираешься посетить Николая II в Могилёве?

– Собираюсь! Да я век бы его не видел, но положение обязывает. Если ты бы служил в армии, то знал бы, что после отпуска или ещё какого-нибудь длительного отсутствия на службе ты должен доложить командиру, что приступаешь к своим обязанностям. А главнокомандующий у нас Николай II, и именно он откомандировал меня на лечение в Питер. Значит, именно ему я обязан доложиться, что лечение закончилось, и я возвращаюсь в корпус.

– Это хорошо, что именно на пике газетной шумихи ты встретишься с императором. Ты в его глазах тоже предстанешь героем, и думаю, каверзных вопросов к тебе у Николая II не будет. Но на всякий случай ты приготовь для своего брата ту же историю про молнию и сильный удар террориста. По-родственному пожалуйся, что после нападения у тебя иногда болит голова, да и с памятью случаются провалы, но зато язва, как сказал доктор, зарубцевалась, и желудок больше не беспокоит.

– Думаешь, прокатит это враньё?

– А ты больше хвали и восхищайся самим императором, и всё будет тип-топ.

– Ладно, психоаналитик ты наш, – тебя я понял, буду косить перед Николашкой контуженным в схватке с террористами. Но при этом рвущимся накостылять и австриякам. Уж как это получится, не знаю, но стараться буду. В этом вопросе я с тобой согласен. Да и что нужно выезжать в корпус как можно быстрее, согласен тоже. Ты прав, в деле вхождения в образ Михаила нужно воспользоваться этой газетной

шумихой. Герою, победившему коварного врага в честной с его стороны схватке, многое прощается. Будем исходить из этого постулата, а дальше как карты лягут. Всё, этот вопрос закрыт – в корпус выезжаю в ближайшие дни. Теперь давай подумаем, какие задачи мне там нужно решить.

И мы приступили к обсуждению самой ответственной и скользкой темы – поездки великого князя в действующую армию и проблем, которые могут там возникнуть. Только мы копнули поездку великого князя на фронт, как проблемы посыпались одна за другой. И чтобы их как-то решить, требовалось время, а его практически не было. Газетная шумиха скоро прекратится, и все геройства великого князя отойдут на второй план, а потом вообще забудутся. А мне нужно было попасть в корпус, когда героический поступок великого князя занимал умы людей. Именно в этот момент нужно было появиться, чтобы своей личностью заместить в головах людей образ настоящего великого князя. Основываясь на этой идее, и продумывались детали предстоящей поездки.

Первая трудность, которую нужно было решить, с кем великий князь приедет в корпус – выезжать одному было не по рангу, а значит, подозрительно. К тому же возможно понадобится силовая поддержка. Непонятно же, почему организовали покушение на великого князя. Как политическая фигура он был ноль и в общем-то никому не мешал. Ненависть к любому представителю дома Романовых? Это вряд ли. Напал же не фанат-одиночка, а хорошо организованная группа боевиков. А значит, была проведена определённая подготовка. И напали после того, как Михаил Александрович стал себя вести не так, как обычно. Значит, стал чем-то опасен, и в первую очередь для большевиков. Но вряд ли там есть великие аналитики, которые могут из маленьких фактов создать картину возможной опасности в будущем от какого-то лица, а вот в немецком Генеральном штабе наверняка есть такой человек. И если один раз не получилось, он может отдать приказ повторить операцию по устранению потенциальной угрозы для Германии. Значит, нужно быть готовым отразить и эту угрозу. Поэтому мы решили, несмотря на возможную задержку, создать небольшую боевую группу. И подобрать денщика великому князю, взамен погибшего Василия.

А где найти боевых и хоть как-то проверенных ребят? Этот вопрос мы тоже обсудили и пришли к выводу, что наверняка таких людей можно выбрать среди выздоравливающих в госпиталях. И в первую очередь надо посмотреть в госпиталях, расположенных в моей усадьбе в Гатчине и здесь, в питерском особняке. Эта идея так нас захватила, что мы, даже не допив чаю, направились к главному врачу госпиталя, занимавшего большую часть

моего особняка. Госпиталь был рассчитан на сто нижних чинов и двадцать пять офицеров. В реальности госпиталь был переполнен – в данный момент в нём проходили лечение и реабилитацию двести двадцать семь раненых. Об этом рассказал начальник госпиталя, когда мы с Кацем ввалились в его маленький кабинет. Он попытался доложить характер ранений и методы лечения. Но меня это мало интересовало. Я прервал его доклад словами:

– Иван Ильич, это ваша прерогатива – назначать лечение и ухаживать за ранеными. Я не собираюсь лезть в дела госпиталя. Меня интересуют выздоравливающие, и то не все, а только те, кто добровольно готов вернуться на фронт. Наверняка вам известны настроения в среде раненых, и вы можете порекомендовать людей, которые не поддались пропаганде, повсеместно распространенной сейчас в Петрограде. Я создаю у себя в корпусе специальный отряд для борьбы с австрийскими диверсантами, и мне требуются ловкие и дисциплинированные бойцы.

Иван Ильич ненадолго задумался, а потом сказал:

– У нас выздоравливающих не очень много – всего семнадцать человек. Из них, по моему мнению, готовы без понуканий и приказа возвратиться в свои части только пять человек. Я это говорю только о нижних чинах. Среди офицеров и вольноопределяющихся совершенно другие настроения. У нас готовы к выписке три офицера и два вольноопределяющихся, и каждый из них готов выполнить присягу до конца. Сами просят скорее их выписать, чтобы вернуться в свою часть.

– Похвальное желание. Давайте-ка, Иван Ильич, мы с господином Джонсоном побеседуем с рекомендованными вами людьми. Я посмотрю, способны ли они участвовать в операциях по нейтрализации вражеских диверсантов, а мой секретарь будет проверять документы этих людей. Надеюсь, бумаги этих офицеров и нижних чинов у вас в наличии?

– Конечно, государь, сейчас прикажу, чтобы их принесли.

– Хорошо, Иван Ильич, и дайте распоряжение, чтобы этих людей начинали вызывать по одному в этот кабинет. Надеюсь, вы не возражаете, что я с секретарём займу ваш кабинет?

– Как можно, государь! Сколько нужно, столько и занимайте.

После этих слов Иван Ильич быстро вышел из комнаты, торопясь выполнить поручение великого князя. Благо ему не нужно было вставать с глубокого кресла и выбираться из-за письменного стола – это он сделал ещё когда я появился в его кабинете.

До этого разговор происходил стоя, но когда Иван Ильич вышел, я уселся в удобное кресло начальника госпиталя. А моему другу пришлось

садиться на угловатый и, наверное, неудобный стул, стоящий рядом с письменным столом. В кабинете мы не разговаривали, всё было обговорено по пути в госпиталь. Наверное, поэтому в голову лезли не связанные с делом мысли. Почему-то я начал думать о том, что начальник госпиталя называл меня государем. Вообще-то так называли Михаила Александровича, когда он был официальным наследником императора, сразу после смерти от чахотки старшего брата Георгия. Целых пять лет пришлось исполнять роль цесаревича. Но после рождения у императора сына Алексея этот титул отпал. И вот опять меня называют государем. Не иначе это связано с ростом моей популярности после вчерашнего случая. И в двух газетах вон называли – государь Михаил Александрович. Нет, определённо, если Михаила стали называть государем даже образованные люди, нужно как можно быстрее выезжать в корпус. Кац прав, народ на этой эйфории от геройств великого князя будет сквозь пальцы смотреть на все мои ляпы, которые не должен допускать генерал, тем более участвующий в военной кампании с 1914 года. Мне теперь главное на фронте не кланяться снарядам, и наверняка всё офицерство будет считать меня своим.

Мои приятные размышления прервал Иван Ильич, он вошёл в кабинет и доложил, стоя чуть ли не по стойке смирно:

– Государь, выбранные вами военнослужащие прибыли и ожидают аудиенции в коридоре.

– Хорошо, Иван Ильич, пускай господа начинают заходить в кабинет по одному.

Начальник госпиталя козырнул, развернулся по-уставному, как гвардеец на строевом смотре, и вышел из кабинета. Через несколько секунд начался этот своеобразный кастинг.

Опросом входящих бойцов в основном занимался Кац, который, просматривая документы входящих людей, задавал уточняющие вопросы. Я подключался лишь тогда, когда человек меня интересовывал. Таких было почти половина. Что касается нижних чинов, то трое из них вполне подходили для наших целей. Из офицеров мне очень понравился прапорщик Хватов. Да что там понравился – это была просто находка для любого спецназа. Крепкий, решительный, да к тому же умный и сообразительный парень. Лучшего командира моей спецгруппы и не найти. Я дольше всех с ним разговаривал, а в конце нашей беседы заявил:

– Прапорщик, заканчивайте все ваши дела в городе и в госпитале. Я вас забираю в свою спецгруппу – будете её командиром. Ваш отпуск после ранения отменяется. Я вскоре выезжаю на Юго-Западный фронт, в свой

корпус, будете меня сопровождать. Вы как, не против служить в другой части, да тем более лишиться законного отпуска? Денежную компенсацию вы, конечно, получите, но главное, обретёте интересную службу.

– Государь, я готов к любым приказам, исходящим от вас! Сочту честью для себя перейти под ваше командование!

– Хорошо, Сергей, тогда первый мой приказ – принять участие в отборе кандидатов в эту спецгруппу. Так как вы её будущий командир, то даже больше нас заинтересованы, чтобы в ней служили хорошие бойцы. Задачи у этой спецгруппы будут разнообразные, но в основном это, конечно, борьба с диверсантами и террористами. Соответственно, и людей нужно подбирать специфических – быстрых, цепких и сообразительных.

После разговора с прапорщиком Хватовым в отборе кандидатов в бойцы спецгруппы участвовало уже три заинтересованных человека. Процесс кастинга несколько замедлился, но мы всё равно успели переговорить и оценить всех предложенных Иваном Ильичом кандидатов. Кроме прапорщика Хватова в спецгруппу было отобрано ещё четыре человека. Из них мне больше всего понравился вольноопределяющийся Юрий Меньшиков. Про себя я его назвал человек-змея, даже в кабинете он был пластичен и гибок, вот и вызвал у меня такую ассоциацию.

Можно сказать, спецгруппа почти уже была сформирована, и это по итогам работы всего в одном не очень-то и большом госпитале. Это воодушевляло, и хотелось закончить с этим вопросом. Мы с Кацем планировали создать спецгруппу численностью семь – десять человек. Поэтому решили сегодня после обеда двинуть в Гатчину. Там, в госпитале, занимавшем большую часть моего поместья, продолжить наш кастинг. Тем более в Гатчине я надеялся найти себе денщика вместо погибшего Василия. Это было важно. Во-первых, не мог генерал, к тому же великий князь, быть без денщика. Во-вторых, спецгруппа спецгруппой, но нужен был человек, непосредственно прикрывавший спину великого князя. Поступок Василия произвёл на меня большое впечатление, и очень хотелось найти денщика, способного на подобный поступок. А Кац утверждал, что среди выздоравливающих пациентов гатчинского госпиталя был такой человек. Его присмотрела его невеста и, естественно, не для меня, а для своего жениха, обожаемого Николая (как она называла моего секретаря – Никоши). Так вот, когда Кац как-то своей невесте Насте заявил, что он, может быть, вскоре вместе с великим князем уедет на фронт, Настя, проработавшая в госпитале больше года, примерно представляла, с чем может столкнуться на фронте её жених. И самое главное, она узнала, каким образом можно облегчить жизнь суженого в армии. Естественно,

приставить к нему няньку. А в армии такой нянькой являлся денщик. Вот она и отыскала такого человека среди выздоравливающих раненых. Заставила моего друга с ним встретиться и поговорить. Этот человек Кац понравился, и он собирался сделать его завхозом Смольного. Даже договорился с начальником госпиталя, чтобы Дмитрия Первухина не выписывали, а подождали, пока великий князь не определит судьбу этого солдата. На данный момент Кац понимал важность моей поездки в корпус и поэтому отдавал свой кадровый резерв на общее дело. Не будет силовой поддержки, не нужен и его комитет по национальной политике, а тем более завхоз в Смольном.

После раннего обеда мы, захватив прапорщика Хватова, поехали в Гатчину. Он занял переднее сиденье «роллс-ройса», поэтому можно было не конспирироваться, а говорить совершенно свободно. Уже давно нами было проверено, что если задёрнуть специальные шторки, то водителю и человеку, сидящему на переднем пассажирском сиденье, абсолютно не слышно разговоров, ведущихся в задней части салона. Кац был несколько возбуждён нашей поездкой в Гатчину, поэтому болтал не переставая. Мне было понятно почему, но я не пытался его подкалывать. Влюбился парень в свою невесту. Может быть, поэтому основной темой его разговора было, какие замечательные женщины в этом времени и о вреде эмансипации, которая, в общем-то, и убила мужские качества в XXI веке. Я только поддакивал, чтобы не злить своего друга. Уж очень он был возбуждённый, правда, это состояние, несколько спало, когда я заявил:

– Кац, а зачем тебе сегодня возвращаться в Питер. Встреча с Родзянко у тебя завтра. Отдохни в Гатчине по-человечески. Угости Настю хорошим вином. Я там в запасах Михаила обнаружил ящик замечательного французского вина. Могу тебе пару бутылок выделить. Остальные захвачу с собой в Питер – вечером с Натальей оттянемся.

Я замолчал, Кац на мои слова не прореагировал, пришлось спросить его прямо:

– Что молчишь? Так оставлять мне вино или увозить? Побалую жену, пока она в Англию не уехала!

Мой друг задорно усмехнулся и выпалил:

– Оставляй!.. Но только не две, а три бутылки! Я тоже невесту побалую, да и сам оттянусь. Только тебе одному придётся сегодня вечером ехать к Фёдорову.

– Ну и поеду – ничего страшного. К тому же я не один, а с прапорщиком. А если наберём в этом госпитале людей в его команду, то и их захвачу. Пусть, пока готовятся бумаги к их выписке, поучатся стрельбе

из ружья-пулемёта. Сколько единиц этих праавтоматов тебе обещал генерал, когда ты звонил Фёдорову из госпиталя, договариваясь о нашем приезде?

– Четыре ружья-пулемёта, которые имеются у него в наличии. И возможно, до твоего отъезда на фронт передаст ещё одно – оно в процессе изготовления в мастерских.

– Вот видишь, Саня, не зря я тебя заставлял звонить Федорову. Если часть денег мы перечислили и Гучкова к нему направили для ознакомления с новым видом оружия, которое нуждается в финансировании, тогда жди ответа. Генерал Фёдоров не дурак и понимает, что если великий князь взялся за дело, то и для него нужно сделать что-то полезное. А его конструкторское бюро может дать только ружья-пулемёты. Вот Федоров и выделяет боевой группе великого князя свои последние (наверняка предназначенные для демонстрации большим чинам) изделия. А ты говоришь, рано ему звонить – мол, мы у него недавно были, и готовых ружей-пулемётов у Фёдорова не было. Правильно, тогда не было, а как только деньги пришли и началась движуха в верхних эшелонах власти, так несколько ружей-пулемётов и нашлось. Учись, студент, как дела делать, а то среди своих высоколобых учёных совсем иудейское чутьё потерял.

– Да чья бы корова мычала! Ты вспомни своё мнение об этих ружьях-пулемётах? Сам говорил, что худшего оружия в руках не держал и ржал над маслёнкой, которую нужно носить с собой, чтобы смазывать верхние патроны при смене магазина. Так что, может, я и правильно делал, что не хотел звонить Фёдорову. На кой чёрт нужно вооружать спецгруппу ружьями-пулемётами, не пойму? Сырым изделием вооружать спецгруппу это же неправильно – можно всё дело запороть!

– Ну, во-первых, смеялся я не над маслёнкой, а над специальной ёмкостью с машинным маслом и кисточкой, которой должен поработать стрелок, перед тем как заменить магазин. А во-вторых, для нынешнего времени оружие вполне доработано и даже испытано в боевых условиях. Рота, вооружённая этими ружьями-пулемётами, показала себя прекрасно. Не зря в такое тяжёлое время военное министерство нашло деньги и ресурсы, чтобы на Сестрорецком оружейном заводе начать возводить цех для производства этих ружей-пулемётов. И самое главное – наша спецгруппа малочисленна, и по армейским меркам, если она вооружена обычным для этого времени стрелковым оружием, её огневая мощь смешна. Ты сам сторонник того, что большевики покушались на меня по заданию немецкого Генштаба. А значит, исключать, что это не повторится, нельзя. А когда там узнают, что великий князь направился во фронтовую

зону, то будут действовать совершенно другими методами и силами.

– Так там у тебя под командованием целый корпус. Не будут же они планировать большую операцию, в которой нужно задействовать не одну сотню тысяч людей, чтобы нейтрализовать одного человека.

– Конечно, не будут, но какую-нибудь банду, которых в наших тылах много, привлечь могут. Не будешь же двигаться по своему тылу в сопровождении сотни джигитов. Или, допустим, по телеграфу поступит приказ прибыть в штаб армии, а по пути будет организована засада. Охрану отсекут, допустим, пулемётным огнём, а тебя и ближайший круг охраны просто-напросто расстреляют из карабинов. Нет... охрана должна быть компактной, но с большой огневой мощностью. В идеале двигаться с охраной нужно вместе – в одном грузовике или, допустим, в вагоне. Когда бандиты попытаются напасть, то встретить их шквалом автоматного огня. А четыре ствола этих ружей-пулемётов могут роту солдат сдержат, не говоря уже о какой-нибудь банде. И что ценно в небольшой охране – противник не подумает организовывать пулемётных засад и задействовать очень уж большие силы.

– Где ты там, в Галиции, грузовик найдёшь? Максимум на телеги или, в лучшем случае, на тачанки можешь надеяться.

– Парень, плохо ты меня знаешь, и мозги у тебя направлены не туда. Мы же вместе с тобой обрабатывали американского посла на предмет поставки грузовиков в Россию?

– Но это же для катюш, да и на поставки можно надеяться не раньше конца ноября.

– Правильно, а ещё помнишь, он сказал, что у посольства есть один «форд» грузоподъемностью три тонны, и он готов предоставить его лично великому князю. Вот завтра я обещанный грузовик и заберу у посла. Поставим на него кунг, в котором будет находиться охрана, ну а я, естественно, ездить буду в кабине. Набъём на неё и кунг железные листы, чтобы шальная пуля не пробил, и всё, великокняжеский броневик готов.

– А за рулём ты что, сам сидеть будешь? В этом времени водитель автомобиля специальность редкая. Тем более трудно найти водителя на фронтной грузовой.

– А я, можно сказать, уже нашёл водителя, который рвётся на фронт. И не простого, а их благородных. И учился он водить автомобиль во Франции.

– Когда же ты мог найти такого человека? Я же секретарь великого князя и знаю, что у тебя все дела расписаны буквально по минутам, и с посторонними, не нужными для дела людьми ты не встречаешься.

– Зато с женой регулярно ночами встречаюсь. Вот Наталья и уговаривает меня взять в свою свиту сына одного из её знакомых. Хочет парень на фронт, родители боятся, что он может записаться добровольцем и попасть в какую-нибудь жуткую переделку. Вот и хотят пристроить этого парня ко мне – хоть и фронт, но люди великого князя вряд ли находятся на передовой. Наталья чуть ли не каждый вечер уговаривает: «Возьми Максима к себе, хоть вторым адъютантом или денщиком. А то жалко мальчишку, горяч больно и погибнет ведь просто так, за свою мечту о великой России». Когда я услышал о мечте парня, то и начал думать, куда определить этого «горячего парня». Узнал все, что он умеет. Со слов Наталии, этот Максим прекрасно водит папашин «форд» и сам любит его ремонтировать. Когда это узнал, то однозначно решил парня брать с собой и там, в корпусе, найти какую-нибудь трофейную колымагу и попытаться из неё соорудить нечто подобное броневика. Но посадить спецгруппу на автомобиль гораздо важнее, чем какой-то мифический броневик. Так что, когда встречу с Максимом, буду его рассматривать с точки зрения члена спецгруппы и водителя грузового «форда».

– А когда ты с ним встретишься, ведь у тебя всё расписано?

– Придётся сделать, как сегодня – за счёт занятий в манеже. Конечно, негоже для командира кавалерийского корпуса сидеть в седле, как тюфяк, но что делать? Чтобы чувствовать себя свободно на лошади, нужны годы. Слава богу, что хоть кое-какие навыки кавалериста передались от Михаила, а то совсем беда была бы. Задница помнит, как сидеть в седле. Но всё равно в деле джигитовки мне до Михаила далеко. В долговременной памяти отложилось, как Михаил участвовал в конкурсах и других конных состязаниях. Если прямо сказать, то больше всего вариантов, что офицеры корпуса будут с подозрением относиться к Михаилу, и проблема заключается в плохом умении нынешнего великого князя обращаться с лошадьми. Так что если по фронтовым дорогам я буду передвигаться на грузовике, это просто спасение моего имиджа. И главное, это многие офицеры и даже джигиты поймут, ведь все знают любовь великого князя к автомобилям. Конечно, посчитают это чудачеством, но достойным для генерала и представителя дома Романовых. Так что автомобиль мне на фронте необходим. А с водителем я встречу на днях – Наталья сообщит папочке, что великий князь готов взять его сына водителем, чтобы возить охрану, но перед окончательным своим решением он должен переговорить с Максимом и проверить умение того управлять автомобилем. Думаю, после звонка Наталии парень явится на собеседование в тот же день.

– Так ты же завтра собираешься у американцев забирать обещанный

«форд». Кто же его тогда поведёт?

– Не бойся, тебя лишать водителя, а значит и «роллс-ройса», не буду. Я понимаю важность встречи с Родзянко и дальнейших мотаний по городу. Ведь на кону стоит организация комитета по национальной политике и вселение его в Смольный. Да ради этого я на пролётке поеду в американское посольство, а «форд» сам перегоню к особняку. «Роллс-ройс» я уже пробовал водить, думаю, американский грузовик тоже освою. В нынешней автомобильной технике есть только одна трудность для пользователя, это отсутствие гидроусилителей. Приходится прилагать большие усилия, чтобы повернуть руль.

Я ещё не успел развить мысль обо всех трудностях управления существующими автомобилями, как «роллс-ройс» въехал на территорию моей загородной резиденции.

Глава 14

Только мы въехали в ворота, я сразу достал свои часы-«луковицу», открыл крышку и посмотрел, сколько времени. Было уже два часа дня, а у Фёдорова (как договорился Кац) я должен быть в семь часов вечера. А Григорий, наш водитель, сказал, что до мастерских Фёдорова вёрст пятьдесят, и он доберётся туда меньше чем за два часа. Знал он, как туда проехать, минуя город. Но всё равно время поджимало, отбор бойцов в спецгруппу следовало проводить быстрее. Поэтому Кац направился разыскивать Настю, а я, сопровождаемый прапорщиком Хватовым, направился к главному врачу госпиталя, который сейчас совмещал и обязанности начальника этого учреждения. Разговор у меня с ним был несколько иной, чем с начальником госпиталя в Петрограде. Все-таки Матвей Леопольдович был и моим лечащим доктором. И именно к нему великий князь приехал с фронта лечить обострившуюся язву желудка. Поэтому, несмотря на нехватку времени, пришлось выдержать небольшой медицинский осмотр. И только потом изложить цель своего визита.

Госпиталь, расположенный в имении, был гораздо меньше, чем питерский. Там находилось на излечении всего 57 нижних чинов (предполагалось тридцать), офицерских палат не было вообще. Но так как главный врач был очень хорошим врачом, выздоравливающих было практически столько же, как и в питерском госпитале. Дождаться Каца не стали и собеседование с выздоравливающими нижними чинами начали вдвоём с прапорщиком. Вернее, Хватов вёл беседы, а я сидел и учился, как должен обращаться русский офицер с нижними чинами. Я посчитал это важным, ведь мне предстояла поездка в действующую армию, и чтобы не быть «белой вороной», нужно было научиться разговору с солдатами. Самому принимать участие в отборе бойцов в спецгруппу я посчитал уже не нужным – есть командир, вот он пускай и набирает себе подчиненных. Но Кац, вошедший в кабинет, когда прапорщик опросил уже трёх человек, считал, что он обязан лично принять участие в отборе бойцов в спецгруппу. Поэтому, войдя и усевшись рядом со мной на кресло, начал задавать какие-то маразматические вопросы стоявшему навтыяжку бедолаге. Тот и так находился в стрессовой ситуации от присутствия генерал-лейтенанта и великого князя, а от заданных вопросов вообще поплыл – ответы были не менее маразматические. Пришлось на ухо Кацу шепнуть, чтобы не занимался идиотизмом и не лез в дела, в которых не понимает. Пусть

Хватов набирает себе бойцов, а мы тут присутствуем, чтобы те осознали ответственность службы в спецгруппе. Если уж великий князь присутствует при отборе, то наверняка эта спецгруппа будет снабжаться по высшему классу, и вхождение в неё это престижно и выгодно материально.

Кац молчал недолго, но теперь он уже обращался не к проходящему кастинг солдату, а ко мне. Начал рассказывать, что встретился с Настей и лично переговорил с Дмитрием Первухиным, которого она навязывала ему в денщики. Предупредил того, что с ним встретится великий князь, и Первухин ждёт сейчас в коридоре этой встречи. На слова Каца я подумал, что денщик по-любому нужен, так пусть будет этот Дмитрий. Наверняка он человек хозяйственный, если смог понравиться невесте моего друга. Да и Кацу он явно понравился, а уж это кое-что значит. А если мне ефрейтор не понравится, или этот Первухин окажется трусоват, то в корпусе подберу себе боевого парня, похожего характером на Василия. Эту мысль я тут же Кацу и озвучил. После чего попросил заткнуться и не мешать усваивать речевые обороты, которые должен употреблять офицер в общении с нижними чинами. Кац понял мои слова правильно и не просто замолчал, а сам с интересом стал слушать, как общается реальный фронтовик, офицер, с нижними чинами. К тому же в кабинет на своеобразный кастинг заходили не только рядовые солдаты, но и младший командирский состав. По результатам кастинга в питерском госпитале в спецгруппу были зачислены младший унтер-офицер и ефрейтор, а в Гатчине мне очень понравился старший унтер-офицер. И как я понял, прапорщику Хватову тоже. Последним перед нами появился ефрейтор Дмитрий Первухин. Но с ним беседовал уже не Хватов, а я. Этот рыжий парень, вернее мужик, мне понравился. Чувствовалось, что на него действует обстановка и присутствие генерал-лейтенанта, к тому же брата императора, но он держался вполне достойно. Чувствовался в нём стержень. Беседовал я с ним минут пять, а потом объявил:

– Ефрейтор, я беру вас к себе денщиком, но не думайте, что служба у генерала будет лёгкой и безопасной. Не те сейчас времена, чтобы такая служба казалась мёдом. До вас у меня был денщик Василий, так вот он погиб, защищая жизнь своего командира. У вас именно сейчас имеется возможность сказать – готовы ли вы служить мне, не щадя своей жизни. Если откажетесь, никаких последствий не будет, это я вам гарантирую.

Я замолчал, с интересом наблюдая за реакцией ефрейтора. А она была. Изначально розоватое лицо Дмитрия Первухина покраснелось, и он, глядя мне прямо в глаза, гаркнул:

– Да я, ваше высочество, жизнь положу, чтобы Божья воля

восторжествовала! А вы и есть Божья воля! Можете располагать мною в любом качестве. Я ради вас на всё пойду.

Пафосный ответ, но слова ефрейтора (простого мужика) меня тронули. Стало ясно, что Кац с ним качественно поработал и дал посмотреть газету, над статьёй и рисунками в которой я смеялся. Там присутствовали слова о Божьей воле и о том, что спасение великого князя и есть воплощение этой воли Творца. Однозначно, такого подготовленного человека нужно было приближать к себе, и я сказал:

– Хорошо, Дмитрий, считайте себя зачисленным на новую службу. Господин Джонсон поможет вам оформить все бумаги, и завтра вы вместе с ним приезжаете ко мне в Петроград. И уже там получите полную инструкцию о ваших новых обязанностях. Можете идти, начинать оформлять бумаги. Скажете Матвею Леопольдовичу, что великий князь вас забирает из госпиталя.

После того как Первухин вышел, прапорщик Хватов доложил, кого он считает целесообразным зачислить в спецгруппу Старший унтер-офицер там был. И похоже, Хватов руководствовался в подборе кадров теми же критериями, что и я. Это меня порадовало, и я с лёгким сердцем утвердил его небольшой список. Там было три фамилии. Таким образом, в спецгруппу отобрано восемь человек. Оставалось найти туда водителя, добавить матчасть и оружие, и можно сказать, что у нас появилась боевая группа. А если бойцы будут вооружены автоматическим оружием и в достаточной мере натренированы, то они будут способны противостоять любой банде пьяных анархистов. Процесс комплексной тренировки я думал начать сразу же, как мы прибудем в корпус. Я сам хотел принять участие в обучении бойцов спецгруппы. Не зря же в армии присвоили звание старшего сержанта – под конец службы мне даже нравилось учить салаг воинским премудростям. А так как я служил в разведывательном взводе артиллерийского дивизиона, то был обучен не только хорошо маскироваться и быть корректировщиком огня, но и рукопашному бою с применением любых подручных средств. А также незаметному проникновению в тылы противника для взятия «языка». Но прежде чем начинать тренировать людей по методике XXI века, нужно было, чтобы специалисты обучили бойцов спецгруппы владению передовым стрелковым оружием начала XX века. Вот поэтому я и хотел, чтобы все бойцы спецгруппы прошли обучение на полигоне Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме. У генерала Фёдорова были опытные инструкторы – они уже обучили несколько сотен солдат обращению с ружьём-пулемётом.

После обсуждения прошедшего кастинга я заявил:

– Ну что, господа, хватит разговоров, времени до выезда к генералу Фёдорову осталось не очень много, а сделать ещё нужно массу дел. Вы, прапорщик, начинайте оформлять бумаги отобранных в спецгруппу людей, ну а мы с господином Джонсоном займёмся другим важным делом.

Я тут же встал с кресла и, кивнув Кацу, вышел из кабинета. Важное дело, которым мы пошли заниматься – это была передача моему другу обещанного вина.

В Ораниенбаум я уже ехал на переднем пассажирском кресле «роллс-ройса». Заднюю часть салона автомобиля занимали нижние чины, прошедшие отбор и зачисленные в спецгруппу. Даже прапорщик, фронтовик, и тот удивился демократичности великого князя, когда я предложил сегодня же перевезти прошедших отбор бойцов на курсы Фёдорова в своём «роллс-ройсе». Опять прокололся – не принято было в этом времени, чтобы представитель дома Романовых, да к тому же генерал-лейтенант, так заботился о нижних чинах. Никак я не мог привыкнуть, что местный бомонд (включая даже офицеров-фронтовиков) считали простолюдина гораздо ниже себя. Даже те, кто заигрывал с этими людьми, всё равно считал их сырыми и убогими и совершенно не уважал простой народ. Соответственно, в 1917-м и получил от простого народа по полной программе. Вот и великий князь получил пулю в затылок от простого рабочего парня и, скорее всего, за то, что в своё время вёл себя как сноб. А я не хотел для Михаила такой участи, поэтому в глубине души хмыкнул, а внешне как будто не заметил удивления прапорщика. Кстати, самого Хватова я оставил окончательно оформлять документы отобранных в спецгруппу бойцов, они теперь будут формально проходить службу во 2-м Кавалерийском корпусе. А завтра утром прапорщик уже самостоятельно прибудет с остальными бойцами спецгруппы на курсы Фёдорова. Которые расположены на территории ружейного полигона Офицерской стрелковой школы. Я поставил перед прапорщиком задачу – в течение трёх суток не только освоить ружья-пулемёты, но и добиться боевой слаженности в действиях спецгруппы.

Трое суток возникли не случайно. Мы с Кацем, проанализировав всю нашу деятельность, пришли к выводу, что как бы ни хотелось быстрее добраться до корпуса, чтобы обеспечить силовую составляющую, но великому князю требуется находиться в столице ещё три-четыре дня. Многие дела начинали двигаться, только если чиновники видели, что за этим стоит брат императора. Вон вроде бы договорились с видными думцами о создании комитета по делам национальностей, но чтобы это

дело пошло и тем более, чтобы этот комитет вселился в Смольный институт, нужно было, чтобы великий князь обязательно переговорил с министром внутренних дел Протопоповым. Об этом Кацу сказал Родзянко. Не смог председатель Государственной думы самостоятельно решить этот вопрос. Требовалась поддержка брата Николая II, как гарантия того, что в этом вопросе заинтересован сам император. И это несмотря на то, что председатель Госдумы заинтересован в положительном решении этого вопроса, а Протопопов не без протекции Родзянко назначен министром внутренних дел. До своего назначения министром Протопопов был популярным и влиятельным «думским деятелем». Кроме создания комитета по национальной политике, так же тормозились дела и по производству нового оружия. Заводы и даже небольшие частные предприятия в Петрограде были перегружены военными заказами. И даже имея финансовые ресурсы, без санкции военного министерства невозможно было вклиниться в их производственную программу. А значит, великому князю опять нужно было ехать в военное министерство и обрабатывать его министра, господина Шуваева. Слава богу, деньги на изготовление ста тонн напалма и первой партии катюш уже были. Гучков выполнил своё обещание, и кредитная линия в Петроградском филиале Московского учётного банка была открыта. И таких задач, которые решить мог только великий князь, было несколько. И получалось, что из Петрограда можно было относительно безболезненно для наших дел уехать только через три-четыре дня.

Водитель действительно хорошо знал дорогу. До Ораниенбаума мы добрались за полтора часа. Так как приехали раньше назначенного времени, то нас не ждали, и Фёдорова ещё на месте не было. Но его помощник Дегтярёв был в мастерских и вышел, чтобы выразить мне своё почтение. И это было без всякого притворства. Великий в будущем оружейник всё ещё находился под впечатлением предоставленных мной чертежей автомата ППШ. Часть своего восхищения конструкцией автомата он перенёс на меня. Да и разговоры у него были только об автоматическом оружии. И в основном о том, насколько здоровой оказалась мысль, высказанная великим князем об изменении геометрии магазина ружья-пулемёта. Такие магазины на 25 патронов уже были изготовлены и испытаны. Результаты испытаний были ошеломляющие – при комплектовании ружья-пулемёта такими магазинами нужда в смазывании верхних патронов машинным маслом отпадала. Подача патронов шла мягко, без всяких перекосов и заклиниваний.

Во время нашей беседы с Дегтярёвым я ненавязчиво внушал ему идею

создания ручного пулемёта. А уже перед самым появлением генерала Фёдорова в блокноте Дегтярёва нарисовал «дегтярь» – ручной пулемёт времён Великой Отечественной войны. При этом подумал: «Конечно, это не чертёж, по которому можно изготовить пулемёт, но глядишь, этот рисунок даст толчок Дегтярёву создать свой пулемёт гораздо раньше. А что касается опасности изменения истории, то мы с Кацем столько уже здесь наколбасили, что от такой мелочи хуже уже не станет».

С генералом Фёдоровым разговор пошёл более конкретный. И в первую очередь об обучении бойцов спецгруппы, и только потом я завёл разговор об автомате. Меня интересовал вопрос, когда будет изготовлена первая партия автоматов. Фёдоров обещал, что через месяц можно присылать людей для обучения стрельбе из автоматов. А к концу года корпус сможет сформировать роту автоматчиков. Я сразу же зацепился за предложение генерала присылать людей на обучение. Вопрос легализации нахождения в Петрограде подразделений 2-го Кавалерийского корпуса был важен. Не один раз мы с Кацем обсуждали, на каком основании командир корпуса будет направлять с фронта в столицу свои подразделения. А тут вполне понятное обоснование направления подразделения в Петроград. И немаловажно, что этому подразделению будут предоставлены казарма и полигон, для тренировок и обучения. Конечно, для нейтрализации хорошо обученного батальона финских егерей роты мало, но кто сказал, что я направлю в Петроград только одну роту? Под программу перевооружения новым стрелковым оружием можно направить в Петроград не одну роту, а несколько. Если в Ораниенбауме нельзя разместить больше одной роты, то остальные подразделения размещу у себя в имении, городском особняке и в Смольном институте. Госпитали к началу следующего года нужно перевести в другие места.

Генерал Фёдоров слегка удивился, когда на его слова, что через месяц можно присылать людей, я заявил:

– Владимир Георгиевич, это хорошая новость, но торопиться не будем. В осеннее-зимний период больших боёв, я думаю, не будет. Нашего наступления-то точно. Чтобы эффект применения автоматов был максимальный, нужно применить их неожиданно и в массовом порядке. Если ваши мастерские могут в течение месяца изготовить автоматы, чтобы вооружить ими целую роту, то к Новому году они способны произвести штук пятьсот этих изделий. Вот я и начну присылать свои подразделения где-нибудь в январе. Всего думаю рот пять вооружить автоматами. Вот тогда весной мы и покажем австриякам и пруссакам, где раки зимуют. Как вам мой план? Сможете к весне вооружить автоматами и обучить

обращению с этим новым вооружением пять моих рот?

– Производственных мощностей и обслуживающего персонала у меня хватит, но вот стволов для такого количества автоматов нет. В наших условиях невозможно сделать высверленный и протянутый ствол. Их нам поставляет Тульский оружейный завод. Имеющихся запасов стволов хватит на изготовление трехсот автоматов. Получить новые стволы сейчас очень проблематично – завод перегружен, и останавливать производство, чтобы изготовить стволы под патрон «Арисака» калибром 6,5 мм никто не будет. Стволов для трёхлинеек не хватает, а тут нужно останавливать часть производства, чтобы изготовить небольшое количество стволов редкого калибра. Этот вопрос только император может решить.

И Фёдоров вопросительно посмотрел на меня. Наверное, ждал, что брат императора возьмёт решение этого вопроса на себя. Я и взял, но причина была не та, о которой подумал Фёдоров и которую я озвучивал вслух. Не нужно мне было к весне пять рот, вооружённых автоматами (конечно, это было бы хорошо, но не это главное), мне требовалось к февралю сосредоточить в Петрограде два-три обученных, управляемых и надёжных батальона, чтобы не допустить той вакханалии, которая началась в 1917 году в моей прошлой реальности. Да и о егерском батальоне, сформированном из финских добровольцев, ненавидящих Россию, не стоит забывать. Это тебе не пьяные анархисты, матросы и дезертиры, отсиживающиеся в Петербурге, а вполне грамотные и мотивированные солдаты. Их не испугаешь пулемётной очередью над головой – загрызут, если будешь рассусоливать и тянуть время в надежде, что всё и так рассосётся. Так что, пообещав генералу заняться вопросом снабжения его оружейных мастерских стволами под патрон «Арисака», про себя я решил при встрече с Николаем II не поднимать эту проблему. Для наших с Кацем целей хватит и трёхсот автоматов ППШ. Под моё обещание генерал Фёдоров согласился ходатайствовать перед командованием Офицерской школы, чтобы казармы на полигоне зарезервировали для подразделений, прибывающих из 2-го Кавалерийского корпуса. Добившись этого обещания, я перевёл разговор к сегодняшним делам. А именно к вопросу обучения спецгруппы. Сначала Фёдоров ни в какую не соглашался сократить срок обучения до трёх дней. Пришлось объяснить ему, что бойцы спецгруппы это по существу моя охрана. А мне необходимо через четыре дня выезжать в свой корпус – такое положение складывается на фронте, что я там необходим. Выехать без охраны не могу – враги совсем обнаглели, даже в столице попытались организовать на меня покушение. Фёдоров об этом читал в газетах и начал в деталях расспрашивать об этом покушении

на великого князя. Я ему рассказал, упирая на то, что вот как бывает, когда у брата императора нет охраны, и теперь от генерала зависит, чтобы это были хотя бы немного обученные люди. Мой напор дал свои результаты – Фёдоров согласился дать лучших инструкторов и за три дня сделать всё, чтобы мои люди овладели ружьём-пулемётом. Добившись желаемого результата, я тепло попрощался с генералом Фёдоровым и направился к «роллс-ройсу».

В автомобиле я задремал. Настолько был задёрган такой жизнью, что, добравшись до своего особняка, только в силу привычки вяло поужинал, перебрался парой фраз с Натальей, а потом, как сомнамбула, направился в спальню досыпать. Провалился в мир снов настолько глубоко, что даже не почувствовал, когда жена улеглась рядом со мной. Причину такого состояния я понял только потом – организм, наверное, предчувствовал, что начнётся такая суета, что будет уже не до сна. А суета началась знатная. Каждый день я встречался с десятками должностных лиц и каждому что-то доказывал, приказывал, грозился, а иногда просто орал в ярости, что ничего не делается. Правда, иногда я был сама любезность, например, когда забирал грузовой «форд», подаренный американским послом. Ещё бы не быть любезным, когда получаешь такой подарок, и при этом ещё восхищаются твоим поведением в момент покушения. Небольшой фуршет, который устроил американский посол Дэвид Френсис после моего появления, превратился в какое-то чествование брата императора. За завесой хвалебных слов я уловил только одну фразу по существу, Френсис заявил:

– Уважаемый цесаревич, а вы, несомненно, им являетесь (так как сын императора Алексей болен неизлечимой болезнью), могу вас уверить, что теперь конгресс одобрит любую сумму кредита, выделяемую Российской империи. Фотография, где вы со слезами на глазах обнимаете умирающего солдата, действует на людей потрясающе. Это настоящая бомба в души людей, особенно женщин. Американские избиратели (как мне сообщили по телеграфу) удивлены человечностью наследника русского трона. Теперь уже никто не верит в жестокость власти в Российской империи.

Посол был ещё тот хитрован, за его хвалебными речами проглядывало желание привязать к Америке возможного высшего правителя Российской империи. Желание его было понятно – работа у посла такая. А моя задача была более многопрофильной. Во-первых, выжать из Америки как можно больше ресурсов, требуемых воюющей Россией. Во-вторых, постараться ускорить процесс перехода Америки в ранг союзника моей страны. В моей реальности США вступила в войну на стороне Антанты в 1918 году, так

может быть, здесь удастся приблизить это событие. Ну и в-третьих, попытался сработать в русле наших с Кацем задумок. А именно устранению самых заметных политических фигур предстоящей октябрьской революции 1917 года. Они все были сейчас за границей, в основном в Германии, и достать их там было проблематично. Но вот Троцкий в настоящее время (по историческим данным) находился в США в Нью-Йорке. А я беседовал с послом США, так почему бы не попросить Френсиса интернировать этого террориста. Он является одним из руководителей партии большевиков, устроивших на великого князя покушение. Если убрать с политической сцены Ленина и Троцкого, то никакие большевики к власти никогда не придут. Роль личности в истории определяющая, а сказки, что любая кухарка сможет управлять великой страной, годятся только для дошколят.

Моя просьба о задержании Троцкого и высылке его в Россию для судебного разбирательства была воспринята послом неоднозначно. С одной стороны, просит герой и большой друг США (именно так теперь меня называл Френсис), а с другой – Троцкий являлся политическим беженцем. Но моя настойчивость и слова, что Троцкий является вторым человеком в партии, устроившей на меня покушение, всё-таки дали кое-какой эффект. Мне было заявлено, что правительство США вряд ли выдаст Троцкого России, но вот вопрос об интернировании человека, участвовавшего в террористической организации, вполне решаемый.

В общем-то, я был этим удовлетворён. Судебная система в США запутанная, и пока идут разборки с использованием адвокатов, пройдёт уйма времени – наверняка больше года. А потом США вступит в Первую мировую войну, и власти Штатов будут более внимательно относиться к просьбам своего союзника. И вполне вероятно, выдадут Троцкого российским властям. Еврейское лобби в Штатах в этом вопросе, думаю, будет на стороне России. А всё из-за идущей со стороны России инициативы о создании государства Израиль. Эту идею я высказал послу ещё во время нашей первой встречи. Он, естественно, довёл её в Вашингтон, а сегодня Френсис рассказал, с каким восторгом это предложение принято народом США. Наверное, он сам был сторонником создания еврейского государства, именно поэтому с энтузиазмом в голосе произнёс:

– Во всех газетах обсуждают предложение об образовании государства Израиль. Читатели теперь знают, что эту идею выдвинул брат императора великий князь Михаил Александрович. После чего его попытались убить марксисты-большевики. А после того как газеты опубликовали статьи о вас

и фотографию, где вы со слезами на глазах обнимаете умирающего простого солдата, народ ринулся громить офисы марксистских и коммунистических партий. Теперь в Америке вы очень популярная фигура, а Россия в газетных статьях превратилась из «тюрьмы народов» в одно из самых цивилизованных государств мира. Так что, уважаемый Михаил Александрович, вопрос о задержании одного из руководителей партии, адепты которой пытались вас убить, я думаю, будет решён положительно. По крайней мере, я буду рекомендовать Госдепартаменту надавить на кого следует, чтобы решить этот вопрос в том ключе, который мы с вами обговаривали.

Вот, казалось бы, мелочь, а приятно. Одни слова, улыбочки и море выпитого чая, а может такой эффект получится, что изменит всю историю, даже если у нас с Кацем больше ничего не получится. Взорвут нас где-нибудь, а американцы из своих объятий Троцкого уже не выпустят. А изъятие из политической колоды большевиков такой карты наверняка превратит их октябрьский переворот в пустой пшик. Убрать бы ещё Ленина из этой колоды, тогда и намёка на этот пшик не будет.

От американского посла я вышел в приподнятом настроении. И в таком же настроении оставался, когда принимал претендента на вхождение в спецгруппу в качестве водителя «форда». Максим, отцу которого Наталья позвонила ещё вчера, ожидал меня в особняке. Парень мне понравился, хотя беседовал я с ним недолго. Характер и внутренний мир человека это, конечно, хорошо, но меня больше интересовал вопрос – действительно ли, как говорила мне Наталья, Максим умел отлично управлять автомобилем? Проверить это не составляло никакого труда – «форд», который я лично перегнал от американского посольства, стоял во дворе особняка. Вот я и предложил Максиму продемонстрировать мне, как он может управлять, да и вообще обращаться с автомобилем. Так что я из великого князя переквалифицировался в председателя водительской комиссии. А получилась действительно комиссия – из Гатчины прибыли Кац, прапорщик Хватов и мой новый денщик Первухин. Каца и прапорщика я сразу же подрядил в комиссию по приёвке водителя спецгруппы. Максим показал себя хорошо не только в разговорах, но и в обращении с автомобилем. Не сбив грузовиком ни одного колышка, он проехал и «змейку», и задним ходом аккуратно припарковал «форд». И как сам признался, делал это в первый раз. Когда экзамен закончился, Максим Пилюгин единогласно был принят в спецгруппу. И сразу же был приставлен к делу – он должен был перевезти в Ораниенбаум оставшихся бойцов спецгруппы. А потом вместе с прапорщиком заняться бумажными

делами – официально вступить добровольцем в Русскую армию, а именно во второй Кавалерийский корпус.

Поставив задачи прапорщику Хватову и пока ещё человеку без звания Максиму Пилюгину, я вместе с Кацем направился в ту часть особняка, где располагалось наше с Натальей жилище. Требовалось обговорить предстоящие сегодня встречи. Так как мы работали отдельно, но зачастую встречались с одними и теми же людьми, соответственно нужно было дуть в одну и ту же дуду. Время поджимало, поэтому мы только схематично наметили, какие темы будем сегодня продвигать. Кац уже несколько дней пробивал комитет по национальной политике, а сегодня и я подключался к этой проблеме. Моя встреча с министром внутренних дел Протопоповым, по словам Каца, должна стать решающим аргументом в вопросе создания этого комитета и передаче ему под штаб-квартиру здания Смольного института.

Глава 15

На встречу с Протопоповым я приехал всё в том же приподнятом настроении. Наверное, поэтому она прошла очень позитивно, и удалось достичь всего, что было намечено. А затем встретился с Гучковым и вместе с ним направился в заводоуправление Путиловского завода. Александр Иванович хорошо знал директора этого предприятия, а я хотел усовершенствовать (бронировать) наш «форд». Сделать его действительно боевой машиной спецгруппы. Гучков со мной был недолго – представив директору великого князя, он откланялся. А я вместе с Вячеславом Венедиктовичем направился в конструкторский отдел, к тем людям, которые и могли мне помочь. С инженерами я общался уже без директора. Вячеслав Венедиктович дал задание своим подчиненным и ушёл заниматься текущими делами завода, ну а я остался объяснять двум господам (инженерам высшей квалификации), что хочу получить из автомобиля. Первоначальный мой замысел сделать из «форда» бронетранспортёр опытные инженеры разбили в пух и прах. По их расчётам, автомобиль вряд ли сможет нормально двигаться. У получившейся конструкции вес будет очень большим, и такой нагрузки не выдержит ходовая часть. Коробка передач рассыплется на первой сотне километров. Правда, по этому поводу инженеры заспорили – что первое откажет, коробка передач или двигатель. Я всё понял и предложил инженерам посчитать по их методике (очень быстрой и наверняка поверхностной) частичное бронирование «форда». Одним словом, итогом всех инженерных расчётов и обсуждения стал эскизный проект «форда» с бронированными бортами кузова, дверей кабины и моторного отсека. Толщина брони предусматривалась 15 миллиметров.

В ходе всех этих обсуждений настроение у меня всё портилось и портилось. Ещё бы, потерять столько времени, можно сказать, ни на что. Мог бы и не ездить на завод, экономя не только своё время, но и Гучкова. Инженеры это ладно, им такие расчёты и идеи даже полезны. Глядишь, под впечатлением наших изысканий и высказанных мною идей (естественно, почерпнутых из книг и кинофильмов XXI века) они разработают действительно ходовую бронетехнику. Одна идея сварки чего стоила. Естественно, я заявил, что эта идея пришла в голову одному из моих подчиненных, но он погиб, попав под артиллерийский обстрел. Я с полчаса излагал инженерам технологию сварки, которую мне рассказал этот

(мифический) недоучившийся студент. Пожалуй, только эти полчаса оправдывали потерянное на заводе время. Именно этими словами я себя успокаивал, когда сожалел, что не воспользовался предложением Фёдорова, чтобы противоположную защиту кузова сделали у него в мастерских. Это когда мы с ним обсуждали, как спецгруппа будет отражать нападение вражеских кавалеристов, находясь в кузове грузовика и пользуясь ружьями-пулемётами. Ещё тогда родилась мысль сделать борта из железных листов, а в них прорезать бойницы. Практически то же самое, что смогли мне предложить инженеры на заводе. А ещё я себя успокаивал тем, что на заводе всё-таки будут использовать бронелисты, а не так, как предлагал Фёдоров, обычные листы котельного железа, которые имелись в наличии.

Все мои внутренние терзания закончились, когда я после трёхчасового общения с инженерами направился в кабинет директора. Он меня ждал, хотя рабочий день практически всех служб заводоуправления уже закончился. Долго на рабочем месте Вячеслава Венедиктовича я не задержал – заключил договор о модернизации автомобиля «Форд» в целях использования его в боевых действиях 2-м Кавалерийским корпусом, после чего откланялся. Директор завода пообещал, что если автомобиль прибудет на завод завтра, то все работы будут выполнены через 48 часов. На этом моя производственная деятельность закончилась.

Когда добрался домой, начался другой вид деятельности – аналитика и бесконечные разговоры с Кацем. Опять мы сидели с моим другом до полуночи. На этот раз обсуждали не мои действия, а его визит к Родзянко и встречу с одним из лидеров «Бунда», Абрамовичем. Да, вот именно – Кац всё-таки вышел на эту контору и сегодня при встрече озадачил одного из её руководителей предложением создать государство Израиль. При этом он поразил Абрамовича тем, что инициатива эта исходит с самого верха, и великий князь Михаил Александрович, до своего отъезда на фронт, готов встретиться с руководством «Бунда», чтобы обсудить этот вопрос. А меня Кац поразил тем, что завтра встречается с Луначарским. Да-да, с тем самым. Этот будущий министр культуры Советского государства в это время сотрудничал с «Бундом», и Абрамович его хорошо знал. А хитрый Кац в своей обычной манере начал канючить, что в создаваемый им комитет по национальной политике он не может в достаточной мере набрать грамотных и образованных людей. Которые могут хорошо говорить и объяснять малограмотным людям суть политики этого комитета. Вот Абрамович и посоветовал взять на работу Луначарского. Мол, тот великолепный оратор и продвинет в массы любую идею. Естественно, Кац хватился за это предложение. Ещё бы, он буквально лелеял мысль о

создании фейковой революционной партии, а тут в его поле зрения попал такой человек, как Луначарский. Мне идея использовать хорошего оратора в наших планах тоже понравилась. Таких ораторов от бога нужно переманивать от большевиков любым способом, а уж что-что, а морочить головы даже умным людям Кац умел. Заболтает великого оратора, и тот даже не заметит, как попадёт под влияние моего друга. Не зря парень работал в НИИ Мозга и увлекался психологией.

Следующий день иначе как серым не назовёшь – и погода была мрачная, и настроение паршивое, и встречи все какие-то рутинные. Даже посещение Смольного, где Кац уже всю команду нанятым им же персоналом, особой радости не вызвала. Только удивление оперативности моего друга. Только вчера были подписаны бумаги, а уже сегодня Кац давал распоряжения целой армии работяг, какой работой им заняться, чтобы привести особняк Смольного института в божеский вид. Уныло прошла встреча с петроградским градоначальником, и даже мой выезд в окрестности Шушар, где намечалась организация основной нашей базы и продуктовых складов. Несмотря на то что там было много приглашенных людей: архитекторов, строителей, подрядчиков и специалистов по логистике (тогда не было такого понятия, но я по въевшейся привычке специалистов транспортников называл именно так). Ни черта не понимая, приходилось, в силу положения, всем этим бардаком командовать. Казалось бы, окружённый суеязящимися людьми, которые постоянно просили руководящего совета, но я всё равно чувствовал себя одиноким и потеряннным. Не моё всё это было – разговоры, шуточки, раболепие людей, к которым я обращался, и неприкрытая лесть тех, кто обращался ко мне. Чувство потерянности и бесполезности всего того, что мы с Кацем делаем, ушло только дома.

На следующий день, хотя я и выехал из особняка с жадной деятельностью, опять стало казаться, что вся эта суеязящая бессмысленна. Все начинания буксовали, окружающий народ как будто специально делал всё, чтобы прийти к краху. Улыбались, соглашались со мной, но вели себя как свиньи. Опять хотелось плюнуть на всё и свалить куда-нибудь подальше, где нет этих думающих только о сиюминутной выгоде кретинов. Я стал раздражительный – срывался на крик по малейшему поводу. Уже просто мечтал скорее уехать из Петрограда на фронт. Достала вся эта мышьяная возня. Но это благое желание тоже сорвалось, вернее отдалилось. Директор Путиловского завода не выполнил своего обещания – переоборудовать «форд» за 48 часов. Я, конечно, выслушал причины, по которым бронирование всё ещё не было закончено, но потом опять сорвался и

наорал на Вячеслава Венедиктовича. Пообещал ему, если «форд» не будет готов через 24 часа, то захвачу его с собой на фронт, где толстозадый шпак будет рыть окопы под огнём австрияков. А если он откажется это делать, то мои дикие нукеры порвут его задницу на британский флаг. После чего встал и вышел из кабинета. На душе слегка полегчало. И на встречах, которые последовали после моего посещения директора Путиловского завода, я уже вёл себя спокойнее и ни на кого не орал.

Одному человеку мой срыв пошёл на пользу – это был, конечно, Максим (водитель «форда»). Его я на сутки отпустил домой. Хотя первоначально и была мысль отправить Максима обратно в Ораниенбаум к остальным бойцам спецгруппы. Но присущий мне рационализм победил. Ведь без автомобиля добираться до полигона Офицерской школы, где тренировались бойцы спецгруппы, требовалось часов шесть-семь, не меньше. И обратно столько же. А через 24 часа нужно было получать «форд» – я был уверен, что через сутки все работы по бронированию кузова, кабины и моторного отсека будут закончены. Ведь причину, по которой обещание директора завода не было выполнено, ещё вчера устранили. Подвезли 15-миллиметровый бронелист. И как божился директор, через восемь часов работа будет закончена. Мой демарш на самом деле был не обидой, а тонко рассчитанным поступком, чтобы показать, что великого князя нельзя обманывать. Если уж пообещал сделать дело, то умри, но сделай. Психология, мля – армия многому меня научила. Боец должен знать, что командиру лапшу на уши вешать нельзя, даже исходя из самых лучших побуждений. И ещё – подобные психологические трюки и демарши помогали собственной психике не сломаться. И я держался, правда, из последних сил. И этих сил мне хватило продержаться ещё три дня. И не просто продержаться, а действовать в обычном ритме. С сумасшедшим количеством встреч и визитов в разные присутственные места. Но, несомненно, в особом ряду стоял визит к императрице Александре Фёдоровне.

В свете поездки в ставку и встречи там с главнокомандующим, обязанности которого взял на себя император и мой брат Николай II, посещение Царского Села было очень важным. Встречи с женой императора и наследником, по обоюдному мнению меня и Каца, нужно было добиваться любым путём. Я давно пытался это сделать, через знакомых Натальи старался получить приглашение в Царское Село, но всё было безрезультатно. Не хотела Александра Фёдоровна видеть Михаила. По-видимому, её очень сильно возмутила женитьба регента и брата императора на особе, не являющейся принцессой. Тем более что венчание

было тайным, в Сербской церкви в Вене. К супруге великого князя ближайшие его родственники относились с глубочайшим подозрением, если не сказать презрением, полагая, что Михаил Александрович – человек бесхарактерный, всецело находившийся под влиянием жены. Если сам император несколько оттаял, когда после начала войны опальный брат умолил его дать возможность великому князю встать на защиту родины, то Александра Фёдоровна продолжала относиться к Михаилу так же холодно. А Наталью императрица вообще ненавидела. И каково же было моё удивление, когда на следующий день после инцидента у Исаакиевского собора пришло приглашение посетить императрицу. Александра Фёдоровна и цесаревич очень хотят увидеть счастливо избежавшего гибели Михаила Александровича у себя в Царском Селе в двенадцать часов. Это приглашение передала секретарю Джонсону сама фрейлина императрицы, Анна Вырубова. В Царское Село приглашался только Михаил – его супругу семья Николая II продолжала игнорировать. Ну что же, нас с Кацем устраивало даже такое приглашение. Главное, чтобы с царём была тема для разговора, которая ему была приятна и ни к чему, в общем-то, не обязывала. А что может быть лучше, чем передать привет от семьи. Я очень хотел при встрече с Николаем II иметь этот бонус. Поэтому все встречи и дела, которые были запланированы на этот день, были перенесены или вообще отменены. Добрые отношения братьев стоили отмены встречи с послом Франции и поездки на Ижорский завод.

Подготовился я для поездки в Царское Село основательно – приготовил подарки для всех членов многочисленной семьи императора. Вернее, в основном они были приготовлены ещё прежним великим князем, он, по-видимому, тоже намеревался встретиться с семьёй императора и привёз с собой с фронта несколько весьма оригинальных трофейных вещей. Я, как выходец из XXI века, добавил к этим подаркам стандартные для моего времени вещи: женщинам цветы и шоколадные наборы, а пацану (цесаревичу Алексею) игрушку. Оригинальность моего выбора заключалась только в том, что для наследника престола я приготовил уменьшенную деревянную копию ружья-пулемёта, подаренную мне генералом Фёдоровым. Так как все мои подарки отдавали банальностью и дешёвизной, я решил вести себя, как тупой солдафон. Не блистать эрудицией и интеллектом, а разговоры вести только о боях и о своих диких туземцах.

Как оказалась, это была верная линия поведения. Цесаревич был в восторге от подаренной мной игрушки. Особенно когда я рассказал, что, применив ружья-пулемёты, сотня русских солдат покорила в капусту

больше тысячи австрияков. Принцессы, да и Александра Фёдоровна, млели от моих фронтовых рассказов, особенно от ужасов, которые учиняли джигиты дивизии, которой я командовал. Охи да ахи раздавались и во время обеда, когда по просьбе Александры Фёдоровны рассказал о покушении на великого князя, уже здесь в Петрограде. Я так разошёлся, расписывая свою силу и удачу, что после обеда устроил целое шоу с разбиванием кирпичей ударом руки. В это время такая техника была неизвестна, поэтому нехитрая забава десантников моего времени произвела ошеломляющее впечатление. Одним словом, моя задумка оставить впечатление о великом князе как человеке лёгком, отчаянном рубака, не думающем о личной власти, полностью удалась. Где-то укрепило старые представления о непутёвом брате императора, который живёт сегодняшним днём и не думает о будущем. По крайней мере, такое впечатление о великом князе осталось у Александры Фёдоровны. Не конкурент я её Ники и очень полезен для авторитета императора, как серьёзного государственника. Полезен и как вояка, храбрый и воинственный, мечтающий надрать задницу врагам империи. У принцесс сложилось обо мне несколько другое впечатление – они теперь были уверены, что их дядя настоящий гусар. Грубый, но обаятельный, без всякой задней мысли. Для наследника престола я стал идеалом воина. Так что задача была выполнена – своей грубостью я скрыл чуждые для этого времени сленговые выражения моей реальности, которые всё равно умудрялись пробиваться через внутренний самоконтроль. А также я был уверен, что теперь семья Николая II будет защищать меня перед императором, если я допущу какой-нибудь косяк.

К сожалению, когда я был в Царском Селе, Григорий Распутин там не появился. А так хотелось познакомиться с этим человеком. Я всё ещё находился под впечатлением пророчеств этого сибирского старца. Хотя и без этой встречи мне хватало впечатлений и душевной боли, когда я думал о возможной судьбе милых барышень-принцесс и невинного мальчика – наследника престола Алексея. Я, конечно, далёк от церкви, но цесаревич Алексей – вот истинный святой мученик. Мучился при жизни, будучи смертельно больным, и невинный был убит адептами сатанизма.

После визита в Царское Село я уже был не в состоянии заниматься нужными для наших с Кацем целей делами. Душевное состояние было ниже плинтуса. Семью Николая II жалко было до слёз. Когда приехал в особняк, Натальи дома не было, Каца тоже. Народ занимался нужными делами, а я, плюнув на всё, закрылся в кабинете и в одиночку начал глушить коньяк. Правда, где-то через час появилась Наталья (мой

собутыльник в этом времени), а вот Кац в этот день так и не приехал. Парень совсем заработался, днями пахал по разработанному нами плану, а вечерами и ночами занимался своими научными изысканиями. Оборудовал в принадлежащей ему квартире лабораторию, и всё пытался там осуществить синтез пенициллина. Я как-то заглянул в его владения, но долго находиться там не смог. Запах плесени заставил меня быстро ретироваться. Хорошо, что квартира Каца была расположена на последнем этаже, а то из-за этого запаха не избежать бы великому князю участия в коммунальных разборках.

На следующий день я опять погрузился в пучину борьбы с прогнившим чиновничьим аппаратом имперской столицы. Снова нервничал, ругался и грозился. Всё мечтал поскорее освободиться от этой суеты и оказаться подальше от столицы. Я не только мечтал, но и договорился с начальником санитарного поезда увезти меня и спецгруппу в Могилёв, где находилась ставка. Когда мой друг провожал меня на фронт, то после выпитого коньяка заявил:

– Знаешь, Михась, я всё ещё не верю, что мы с тобой смогли провернуть такое количество дел. И что ты так себя поставил, что сейчас являешься одним из самых популярных и уважаемых людей Питера.

– Да ладно свистеть, Санёк! Скажешь тоже, популярный! Я же не артист или эпатажный представитель богемы. Вот Григорий Распутин это да, это популярный человек. А известен я среди публики только благодаря продолжающейся газетной шумихе.

– Не скажи, газеты, конечно, способствуют росту известности, но это не самое главное. Тут другое – твоё поведение будит глубинные чувства человека. Надежда появилась у людей, что наконец-то России повезло, и появился «помазанник Божий». Я встречаюсь с множеством людей, и с работягами, и с интеллигенцией, и с торговцами, так вот все они мечтают, чтобы Николашка сдох, а на его место пришел Михаил Александрович.

– Мы же договорились, Кац, что не будем подсиживать Николая II. Предотвращаем революции и последующий за ними бардак, и всё, дальше занимаемся своими личными делами. Ты прогрессорством, ну а я жизнью истинного аристократа и мецената. Понимаешь, не желаю я быть самодержцем и большим боссом.

Мы, как водится, начали переругиваться с моим другом, но тут в кабинет вошла Наталья, и Кац, как истинный джентльмен, чтобы не мешать своему начальнику прощаться с женой, вышел из комнаты. И правильно сделал. Прощанье было бурным, коньяк во мне взыграл, и я, как уже бывало, овладел графиней Брасовой прямо на кресле. Конечно,

неправильно сделал, но не удержался. И уже после этой выходки в стиле поручика Ржевского мы начали прощаться как нормальные люди. А расставались надолго, по крайней мере до конца войны. Наталья с сыном уезжали в Англию, ну а я, как истинный аристократ и защитник семьи и родины, на войну с супостатами. В общем, как и положено по сценарию этого времени. Вот только я ему не соответствовал – всё никак не удавалось из себя выжать скупую мужскую слезу.

К санитарному поезду, на котором я и выезжал в сторону фронта, меня сопровождал Кац. Он сегодня от меня отходил всего один раз – когда я прощался с женой. Не мог парень наговориться – боялся мой друг остаться один в этом чужом мире. В общем-то, я тоже. Уж, казалось бы, все наши дальнейшие действия были обговорены, но всё равно было жутко оказаться одному в совершенно чужой реальности. Наверное, поэтому мы уже в который раз обговаривали способы связи. Хотя что их обговаривать, в этом времени существовало только два способа связаться друг с другом. Почта, если нужно было подробно изложить свою мысль, или телеграф – но это только для экстренной связи. В нашем положении любой вид связи требовал шифровки. Шифр мы разработали. Конечно, он был дилетантский – Кац урывками, буквально на коленках что-то там нахимичил. И так, что любой специалист способен расшифровать его попытки поиграть в конспирацию. Но я был уверен, что наши вряд ли будут изучать переписку великого князя. А враги если даже расшифруют письма, всё равно не поймут молодёжный сленг будущего. Вот с телеграфом всё сложнее – там нужно выражаться понятными в этом времени словами. Вот мы, сидя в «роллс-ройсе», уже в который раз и уточняли, какие слова и выражения будем использовать в срочных сообщениях.

Слава богу, что перед таким ответственным выездом нас заботило только это. Самыми противными делами занимались другие. Хозяйственные заботы взял на себя Димыч, да именно так я начал называть своего денщика – ефрейтора Дмитрия Первухина. Организационно моим выездом на фронт руководил прапорщик Хватов. За ним было и обеспечение охраны. Санитарный поезд № 157, на котором я и выезжал в Могилёв, был сформирован на средства Михаила Александровича, то есть мои. Обустройством этого госпиталя на колёсах и снабжением его всеми необходимыми материалами занималась Наталья. Поиском и наймом медицинского персонала руководила тоже моя супруга. Так что это был, можно сказать, семейный эшелон, и не было никаких проблем зарезервировать в нём купированный вагон и прицепить грузовую платформу, на которой перевозился «форд». А ещё, и на этом настоял мой

друг, первым вагоном эшелона являлась контрольная платформа. Боялся Кац нового покушения на великого князя и таким нехитрым способом хотел обезопасить эшелон, на котором уезжал его друг, от фугаса на железнодорожных путях. Я тоже где-то, как-то конспиратор и поэтому поддержал его маразматическую идею. Действительно смешно, что в это время кто-то захочет пустить под откос санитарный поезд с громадными красными крестами на вагонах. Я согласовал, с кем требуется, что в этот раз 157-й санитарный поезд проследует до Могилёва и заберёт раненых для лечения в столице, именно там. А в ставку мне нужно было явиться в первую очередь. Во-первых, конечно, доложить Верховному главнокомандующему Николаю II, ну и пообщаться с братом. Во-вторых, требовалось окунуться в атмосферу ставки, понравиться генералитету и, глядишь, с кем-нибудь подружиться. Я даже для этого вёз с собой ящик французского коньяка.

Бубнёж моего друга не давал сосредоточиться. Только я собрался послать Каца к чёрту, как «роллс-ройс» остановился. Мы подъехали к стоящему в тупике санитарному поезду. Паровоз был уже под парами, нас ждали. Это не предполагало долгих проводов, поэтому прощанье с Кацем было коротким – я хлопнул по плечу своего друга, сказал «пока» и вышел из автомобиля. Совершенно в духе XXI века и без всяких сантиментов 1916 года. А вот встречали меня у купированного вагона санитарного поезда, в духе этого времени. Вдоль вагона выстроились все, и моя команда, стоящая в нормальном воинском строю, и обслуживающий персонал госпиталя, толпившийся табором сразу за строем бойцов спецгруппы. Колоритное, надо сказать, зрелище. Я чуть не расхохотался, когда увидел стоящего в кожанке, с гордо выпяченной грудью ефрейтора Первухина. Но не кожаная куртка вызвала мой внутренний гогот, а громадная кобура, болтающаяся чуть ли не у колена моего денщика. Наверное, он был очень горд, что нацепил куртку военлёта, громадные галифе гвардейца и вооружился неизвестно где добытым маузером, ручка которого торчала из огромной деревянной кобуры.

Да и вообще строй спецгруппы смотрелся брутальной группой каких-нибудь чекистов. Все в кожаных куртках, полученных со склада офицерской школы, опоясанные широким ремнём с кобурой для нагана. Тяжёлое оружие, карабины для самых метких стрелков и ружья-пистолеты были оставлены в вагоне. Я специально провёл с прапорщиком Хватовым беседу, что негоже светить перед окружающими наше новое оружие. Пусть враги до последнего не знают, что небольшая группка русских солдат в кожанках может уничтожить целую роту отборной пехоты. Вот ребята и

стояли вооружённые одними револьверами, обмундированные в форму лётного состава. Но гляделись они гораздо внушительней, чем стоявшие вслед за ними санитары и прочие нижние чины, обслуживающие санитарный поезд. Не говоря уже о женском контингенте этого передвижного госпиталя. Это своеобразное построение персонала санитарного поезда и спецгруппы закончилось быстро. Я опоздал на семь минут, а график движения по железной дороге требовалось соблюдать. Только произнёс приветственную речь и пожал руки врачам передвижного госпиталя, как паровоз загудел, это так машинист предупреждал, что пора по вагонам – семафор даёт добро на движение.

Путешествовал я как настоящий магнат – в отдельном купе, с великолепным сервисом и с мощной охраной. Вот только сервис был сильно навязчив. Только я задумаюсь, размышляя о дальнейших планах и о судьбах страны, как раздвижная дверь приоткрывается и говорящая рыжая голова елейным тоном спрашивает:

– Ваше высочество, растягайчика не желаете? А может быть, чёрной икорки? Говорят, этот продукт очень полезен при болях в животе! Глашка мне сказала, что вам лучше всего кушать расстегаи и зернистую чёрную икру. От паюсной в животе кишки слипаются.

От такой длинной, можно даже сказать, медицинской фразы мой денщик даже икнул. А меня достала эта навязчивая забота рыжего служаки, может быть, это и было принято в этом времени, но я-то не привык к такому обращению. Особенно раздражал звук, раздающийся от касания деревянной кобуры о дверь купе. Ефрейтор в вагоне не снял свой маузер – хотел даже среди своих выглядеть грозно и круто. Настоящий «мачо», едущий на войну. Это было, конечно, по-детски, трогательно и смешно, но доставало и мешало сосредоточиться. Обижать большого ребёнка не хотелось, да и, может быть, своим негодованием я нарушил бы существующую традицию отношения генерала к заботе своего денщика, поэтому я довольно мягко сказал:

– Дима, расстегай и чай давай, а вот икры и прочих продуктов, которые тебе надавала Глафира, пока не нужно. И ради бога, поменяй маузер на наган – не положено ефрейтору ходить с таким оружием, тем более по вагону. Да и зря я договаривался с начальником Петроградского гарнизона, генералом Кобаловым, чтобы вам выдали кожаные куртки. Спецгруппа теперь выглядит как стая чёрных ворон. Ладно, прибудем в корпус, всех переодену в казацкую форму. Думаю, на террористов она будет оказывать большее впечатление, чем одежда авиаторов. Уже будут остерегаться покушаться на великого князя, когда рядом находятся такие орлы.

Я усмехнулся, и в этот момент раздался скрежет, Первухин вылетел из проёма дверей, как пробка у взболтанного шампанского, а я благодаря тому, что сидел, просто кувырнулся из кресла и ощутимо приложился плечом об стену купе. Ругаться матом от боли я начал уже в процессе движения. А когда выбрался из купе – прекратил. Начал озираться, пытаюсь понять, в какое дерьмо я вляпался на этот раз. Окна были целые, разрушений в вагоне я не заметил. Мой денщик болтался на каком-то шнуре метрах в двух от меня. Приглядевшись, я понял, что это ремни кобуры, которые зацепились за ручку соседнего купе. Так что не зря ефрейтор нацепил маузер с болтающейся кобурой. Если бы у него была кобура с обычным наганом, то так легко от резкой остановки он бы не отделался. Летел бы метров десять, пока тамбурная дверь не выбила бы из него мозги. Но долго над этим я не размышлял, сам метнулся к двери тамбура, одновременно вытаскивая из своей кобуры кольт. Да, именно этот пистолет я выбрал из тех, которые были у Михаила Александровича. И взял, можно сказать, из-за названия (бренда). Круто носить на поясе кольт, так и чувствуешь себя на Диком Западе. Вот и сейчас, глянув из тамбурной двери, я ощутил себя героем голливудского боевика. Как будто бандиты остановили почтовый поезд, набитый золотом, и сейчас будут его грабить. Поезд имелся в наличии, бандиты тоже. А как ещё можно назвать людей, тормознувших поезд и сейчас идущих цепью с винтовками наперевес? Имелся ещё женский визг и мечущиеся по насыпи санитары. Было понятно, зарождается паника. Гаркнув матом на пробегающего мимо санитаря, я его остановил и тут же спросил, не давая задуматься:

– Что там впереди по ходу поезда? Все вагоны целы? Отвечать, мать твою, генералу!

Солдатик, вжав голову в плечи, быстро затараторил:

– Ваш благородие, там ужас что творится! Взрыв был, и первый вагон в щепки. Машинист сбежал, бросив нас. Сейчас тут кошмар начнётся. Убивать всех будут! Бежать надо, ваше благородие, – в лесу эти вурдалаки нас не найдут!

И паникующий санитар махнул рукой в сторону наступающей цепи. А люди, идущие зачищать остановившийся поезд, явно были хорошо обучены – шли ровно, без суеты и криков. От таких хрен убежишь, наверняка в той стороне, куда сейчас ринется толпа, расположена засада. Скорее всего, там и пулемёт имеется. Следовало прекращать это безобразие. Я и начал прекращать. Пальнув вверх из кольта, чем остановил ещё двоих паникующих санитаров, заорал:

– Молчать! Слушай мою команду – всем под вагон! Залечь и ждать

приказа.

Санитары, кроме одного, начали неловко залезать под вагон. Только белобрысый парень, потерявший где-то свою папаху, стоял и хлопал глазами. Даже по его внешнему виду можно было догадаться, насколько растерялся этот желторотый птенец. Нужно было приводить в чувство тылового санитаря. Стрелять в воздух я не стал, а просто выкрикнул:

- Как фамилия, служивый?
- Худяков! – промямлил он.
- Быстро, Худяков, найди начальника поезда и передай ему мой приказ
- немедленно явиться в вагон генерал-лейтенанта! Приказ ясен, боец?
- Так точно, ваш бродь!

Белобрысый убежал, а я почувствовал давление сзади. Обернулся и увидел набившихся в тамбур бойцов спецгруппы. Непосредственно позади меня стоял Первухин. Вот денщик и сдерживал какое-то время напор стремящихся выбраться из вагона ребят. Его силёнок хватило ненадолго, в конце концов, этот напор достиг и меня. Но я был этому только рад. Наконец-то появились те, кто и был мне нужен. Кто действительно мог вытащить ситуацию из реально безнадёжной. Порадовало меня и вооружение бойцов. Ребята не растерялись и выбежали не с пукалками, которые лежали у них в кобурах, а с настоящим оружием – ружьями-автоматами и с карабинами. Для меня это означало многое – во-первых, отсутствие паники и готовность отражать атаку, а во-вторых, что в спецгруппе сохранилась управляемость. Ведь ружья-пулемёты хранились в отдельном купе, ключи от которого были только у меня и прапорщика Хватова. А значит, командир спецгруппы не потерял голову, вооружил бойцов и направил их отражать нападение на санитарный поезд.

Эти мысли пронеслись в голове за доли секунды, столько же я размышлял, как отражать атаку. А когда увидел самого прапорщика, стоящего в дверном проёме коридора, ведущего ко всем купе вагона, начал отдавать приказания, и всё это прорезавшимся командирским голосом, а именно заорал:

– Всем под вагон, там рассредоточиться и приготовиться к отражению атаки. Огонь открывать только по команде. По одному пошел!

Я встал боком, пропуская бойцов. Первым на насыпь сиганул мой денщик. Я не успел его удержать, а потом подумал: «Да хрен с ним, пускай потренируется стрелять из своего маузера». Когда мимо начал пробираться Хватов, я его тормознул и приказал:

– Прапорщик, подпустите нападающих ближе, огонь открывайте метров со ста. Патронов не жалеть. Самым метким стрелкам, вооружённых

карабинами, прикажите целить нападающим в суставы. Пленные, способные говорить, нам будут нужны. Всё, прапорщик, с Богом!

Когда тамбур опустел, я не стал прыгать на насыпь и залезать под вагон. Ещё чего! Такой шикарный наблюдательный пункт, как вагон, я терять не собирался. Массированного обстрела поезда нападающими я не ожидал. Их было всего-то человек сорок, а если заработают пять наших ружей-пулемётов, то через минуту нападающих вообще не останется. Но вот от шальной пули имело смысл защититься. А как? Думал я недолго, времени было очень мало, до цепи нападающих оставалось метров двести, и они уже начали постреливать. От пули рассыпалось одно из окон. Так как вагон был снаружи железный, то пока сквозных дырок в стенах не было. Но смотрел-то я не через железо, а через оконное стекло. Но защиту я себе сделал железную – схватил все подносы, имеющиеся в каптёрке проводника, и, прикрываясь ими, уселся у окна. Наблюдать реалити-шоу – отражение нападения бандитов на безоружный санитарный поезд, безопасность которого гарантировалась всеми конвенциями.

Наплевали немцы на все эти конвенции, а в том, что нападение организовал немецкий Генеральный штаб, у меня не было сомнения. И цепью шли ни какие-то там революционеры, а хорошо обученные солдаты. Всё-таки немцы действительно заслали в Питер финских егерей, и приятель, закончивший исторический факультет МГУ, не выдумывал, заявляя, что мускулами Октябрьской революции были подготовленные Германией добровольцы-финны. Другого варианта мне в голову не приходило. Не может же быть, что какая-то мифическая воинская часть, прибывшая с фронта, была брошена захватить санитарный поезд и именно в тот самый момент, когда на нем на фронт возвращался великий князь. Бред полный, не было ни у какой из оппозиционных режиму партий такого властного ресурса. А вот если допустить, что мой приятель прав, и Германия заслала в Питер организованную группу финских боевиков для расшатывания режима, то ситуация укладывается в рамки логики. Получается, что задуманный немецкими аналитиками план нападения на санитарный поезд для устранения великого князя, пытающегося навести порядок, полностью укладывался в канву событий. Чтобы такой план осуществить, нужна была боеспособная часть, спаянная железной дисциплиной. Добровольцы-финны, обученные немцами и мечтающие о самостоятельности своего княжества, для этого вполне подходили. Я принял эту мысль как единственно возможную, но дальше продлить свои размышления мне не удалось.

Представление, где я занимал самое лучшее место, началось. Грохот

стреляющих ружей-пулемётов продолжался не более минуты, и наползающей на санитарный поезд вражеской цепи не стало. Может быть, кто-то из финских егерей и выжил под свинцовым градом, но сейчас лежал, даже не пытаясь поднять винтовку. Но нет, вон кто-то попытался дёрнуться, но раздался одиночный выстрел карабина, и этот рискованный парень безвольно ткнулся лицом в стерню, а его винтовка дулом в муравейник. Это послужило как бы сигналом, и несколько человеческих тел зашевелились, а потом выжившие попытались ползком выбраться из этой огненной ловушки. Но это оказалось для них фатальным. Ловушка, в которой намеревались прихлопнуть нас, оказалась смертельной для самих охотников. С железнодорожной насыпи отлично просматривалась вся территория, до самого перелеска, расположенного метрах в пятистах от остановившегося поезда. А попробуй, проползи эти пятьсот метров под огнём противника, находящегося хоть и на небольшой, но высотке. Вот и бывшим охотникам не удалось скрыться от предполагаемой жертвы.

Раздалось несколько очередей и выстрел из карабина, и все лежащие тела замерли. Я начал беспокоиться, что не получится взять ни одного пленного. Надо останавливать стрелков и начинать проверять, остался ли кто-нибудь из нападающих живой. Оставив свою наблюдательную позицию, я направился в тамбур. На всякий случай из вагона начал выбираться с противоположной от боя стороны вагона. Перед тем как спуститься из вагона, естественно, стал осматриваться и заметил подозрительное движение в лесополосе, идущей в метрах пятистах вдоль железной дороги. Когда посмотрел в бинокль, то увидел, как несколько человек, одетых в железнодорожную форму, укладывают на телегу пулемёт «максим». Эта модель была на треногах, и когда пулемёт переносили, сошки зацепились за куст. Вот момент, когда пулемёт высвободили из объятий колючего куста, я и засёк. Ещё стоя в тамбуре вагона, я крикнул:

– Прапорщик и стрелки с карабинами, быстро ко мне.

Хорошо, что было уже тихо и никто не стрелял, поэтому меня услышали, и через минуту несколько человек начали вылезать из-под вагона. Пока люди подходили к открытой двери, я успел выбраться на щебёночную насыпь. И сразу же стал отдавать приказания:

– Стрелки, быстро в вагон и из окон огонь вон по тому леску. Из окон увидите стоящую у прогалины телегу и людей в форме железнодорожников возле неё. Окна вагона расположены высоко, и этих людей в чёрном хорошо видно. Не промахнётесь. Быстрее шевелитесь, они уже в телегу пулемёт загружают. Сейчас уедут, и потом ищи-свищи по всему лесу. Как отстреляетесь, сразу все туда, проверить не осталось ли там какой-нибудь

сволочи. Хорошо если будут пленные, нам они нужны.

Когда бойцы начали забираться в вагон, я, обращаясь к Хватову, приказал:

– Прапорщик, а вы займитесь проверкой, выжил ли кто из бандитов здесь. Кроме бойцов спецгруппы используйте и санитаров, которые спрятались под нашим вагоном.

Только Хватов направился выполнять приказание, как из окон вагона раздались первые выстрелы. Естественно, я направился на свой наблюдательный пункт. Только оттуда можно было увидеть результаты огня. Результаты были хорошие. Несколько тел в черной форме лежало на траве. Две лошади этой брички бились в конвульсиях. Отправив бойцов проверять, остались ли живые у телеги, я сосредоточил всё внимание на действиях команды Хватова. Она была пёстрая, лежащие тела обходили не только бойцы спецгруппы, но и мой денщик, а также санитары передвижного госпиталя. И их было гораздо больше, чем тех, кого я отослал отлёживаться под вагоном. Народ очухался от первоначальной паники. При этом, если мои ребята подходили к телам настороженно, то санитары совершенно беспечно. Вот одному из них можно сказать повезло. Во-первых, конечно, что остался жив, а во-вторых, что обнаружил легкораненого бандита. Тяжёлых-то было много, их стаскивали к вагонам санитарного поезда, а вот тот, который мог ходить, был первый. Он не только мог ходить, но оказался агрессивным и шустрым. Когда санитар оказался рядом с ним, бандюга вскочил и саданул медбрата прикладом винтовки. Потом стрельнул в несущих раненого санитаров, крутанулся и бросился в сторону леса. Но далеко убежать ему не удалось. На его несчастье, недалеко бродил мой денщик. И ефрейтор оказался ещё более быстрым и шустрым, чем бандит. Как громадная рыжая кошка, Первухин бросился за ним, в прыжке догнал и повалил на землю. А затем над головой моего денщика замелькали кулаки – ефрейтор наказывал бандита за стрельбу в сторону санитаров. Видно, хорошо наказал, так как бандит еле двигался, когда Первухин конвоировал его, направляясь к нашему вагону. Я решил допрашивать пленного на улице – нечего пачкать богатую обстановку купе.

Глава 16

С допросом пленного пришлось повременить. Не получалось всё делать так, как задумал. В этот раз задержка в моих намерениях была вызвана объективной причиной. Не мог же я отослать обратно начальника санитарного поезда, который явился по моему приказу. Да, санитар Худяков всё-таки его нашёл, передал распоряжение, и запыхавшийся Павел Афанасьевич встретил меня спускающегося из вагона. Грешным делом, я и забыл, что вызывал начальника санитарного поезда. Вспомнил о своём распоряжении, только когда заметил стоящего немного в сторонке санитара Худякова. Мой разговор с Павлом Афанасьевичем заключался в выяснении положения дел в подведомственном ему санитарном поезде. Пострадал ли кто-нибудь из личного состава в результате бандитского нападения? Оказывается, пострадало несколько человек. Шальной пулей убита сестра-хозяйка и ранен один из санитаров. Но самое чувствительное для санитарного поезда было то, что эшелон лишился локомотивной бригады. Да, вот именно, поезд двигаться не мог из-за отсутствия людей, способных управлять паровозом. И паровоз лишился локомотивной бригады не из-за пуль нападавших, а действий кочегара. Он сам сбежал, но перед этим убил машиниста и травмировал помощника. Помощник машиниста в настоящее время находится без сознания – негодяй проломил ему голову ломиком. И это помощнику ещё повезло – машинист от похожего удара умер на месте.

После доклада Павла Афанасьевича для меня немного прояснилось, из какого источника стало известно, что великий князь выехал из Петрограда на санитарном поезде № 157. А также стало понятно, почему эшелон просто-напросто не пустили под откос, заложив фугас под каким-нибудь мостом, а остановили поезд на равнинном участке трассы. Пусть и резко, но катастрофы не было. В этом времени ещё не принято действовать в духе партизан Великой Отечественной войны. Времена были мягче, и те, кто планировал операцию по устранению великого князя, старались избежать лишних жертв. Запланировали остановить нужный поезд с невооружёнными людьми в определённом месте (личное оружие офицеров госпиталя можно не принимать в расчёт), изъяли либо ликвидировали великого князя, и можно возвращаться на базу. Стало ясно, что пока не пришлют новую локомотивную бригаду, нам вряд ли удастся продолжить движение и добраться до ближайшей станции. Где в санитарном поезде найти хотя бы одного специалиста по паровым машинам? Поэтому у меня

автоматически родилось распоряжение:

– Павел Афанасьевич, немедленно отправляйте на ближайшую станцию связных. С требованием, чтобы к нам прислали локомотивную бригаду. И посылайте не простого санитаря, а целую команду с офицером во главе.

– Так точно! Разрешите выполнять?

– Выполняйте!

После ухода начальника санитарного поезда я не сразу приступил к допросу. Следовало подумать, какие сведения я хочу получить от выживших бандитов. Да, их уже было трое. Двое с ранениями средней тяжести, но ходить могли, а тот, которого задержал Первухин, на мой взгляд, даже ранен не был. Только под глазами начали образовываться синяки, но это уже поработали не ружья-пулемёты, а постарался мой денщик. Он и охранял эту гоп-компанию. Задержанные явно его боялись. Ещё бы – рыжая бестия с громадным маузером в руке. Да ещё к тому же этот страшный человек постоянно ругался, угрожал и периодически раздавал пинки сидящим на щёбёнке и связанным пленным. Я про себя только хмыкнул от такой картины, но облегчать жизнь бандитам, напавшим на санитарный поезд, не собирался.

Вот глядя на сидящих у вагона пленных, я и задумался, как мне их разговорить. И прежде всего узнать, где находится их лёжка. Где их кукловоды сосредотачивают силы, чтобы в нужный момент сокрушить Российскую империю. Понятно, что вся система власти в империи сгнила и нужен только толчок, чтобы всё покатило в тартарары, но вот этот толчок нужно купировать. И я чувствовал, что это можно сделать. Задержать процесс развала империи до окончания войны. А там уж пусть разбираются оппозиционеры с этой гнилой элитой. Но уже не будет тотальной гражданской войны, и миллионы моих соотечественников останутся живы. Конечно, этих лёжек может быть много, и пресловутый финский батальон расквартирован в нескольких местах. Но выяснив, где находится база этих егерей, можно будет понять принцип размещения и других групп боевиков. Если эти были размещены в окрестностях Петрограда, то и другие базы располагаются недалеко от города, а не на хуторах Финляндии. Если они базируются в лесах Финляндии, то там достать их будет гораздо труднее. Хоть у нас сейчас и одна страна, но местные власти княжества сделают всё, чтобы такая войсковая операция провалилась. А оппозиция поднимет такой вой, что император самолично отменит все действия против немецких диверсантов, покушающихся на его же власть. Но Николай II святой, ему и положено подставлять свои щёки, ну а я не желаю получить пулю в

затылок и на удар ответчу ударом.

Распалив себя, я решил любым методом вырвать координаты базы у этих финских егерей. Если будут упираться, применю к ним средство номер три. Это так ещё в школьные времена в нашей дворовой компании назывался метод силового воздействия на клиента. В основном это было, конечно, набить морду, но вот Кузя, являющийся нашим предводителем и гуру, вычитал про древнюю китайскую пытку. Кузя называл её «карандаш». Хотя мы её ни разу не применяли, но свято верили, что эта пытка очень эффективна, если нужно узнать очень большой секрет – ибо так сказал наш гуру. Вот я сейчас был готов применить даже эту пытку, Но начать решил, естественно, традиционным способом, с человека, который показался мне самым крепким из этих троих.

Приказав Первухину подвести выбранного мною человека, я начал традиционно – спросил фамилию и имя. Но человек молчал. Он явно волновался: об этом говорили бусинки пота, появившиеся на его лбу. Задав ещё несколько вопросов, но в ответ опять получил молчание и ненавидящий взгляд этого человека. Я тоже в душе начинал его ненавидеть. Эта сволочь пришла в мою страну, и из-за его чёрных дел погибнут миллионы моих сограждан. Ярость захлестнула мой мозг, и я, выхватив кольт, выстрелил гаду прямо в ненавистную харю. Допрашиваемый упал, а я, вкладывая пистолет в кобуру, бросил Первухину:

– Давай сюда следующего!

Следующим оказался бандит, которого задержал мой денщик. В этот раз на все вопросы этот тип с заплывшим лицом отвечал мгновенно. Конечно, будешь отвечать, когда твой товарищ, проявивший твёрдость характера, лежит сейчас в метре от тебя, уткнувшись лицом в грязный щебень. Хотя, может, не это его сломало, а ефрейтор хорошо с ним поработал при задержании. Бандит понял, что в бирюльки с ним играть никто не будет. Про адвокатов можно забыть. А суды, корреспонденты и права человека остались где-то в другой жизни.

Уже первые ответы пленного многое для меня прояснили. И самое главное это то, что мои догадки были верны. Пленный оказался этническим финном, до 1914 года учился в Петербургском университете, участвовал в финском егерском движении, а в 1915 году через Швецию уехал в Германию. Там его, как и многих других финских добровольцев, записали в Прусский Королевский батальон егерей № 27, где и муштровали для выполнения особой миссии. Миссия заключалась в захвате государственных учреждений в столице Российской империи. Как объясняли курсантам инструкторы, решительные действия добровольцев

разрушат гнилую Российскую империю, что позволит их родине, Финляндии, обрести независимость. Так что мотивированный был человек и идеалист. Но только он никогда не сталкивался с жуткой правдой жизни. Что его, такого правильного и образованного человека, который мечтает о высоком, о свободе своей родины – вдруг начнут бить, унижать, а в конечном счёте поставят перед выбором: или умереть, или рассказать о себе. И он рассказал, ведь ничего секретного, по его мнению, в этих сведениях не было. Наивный век, простые люди, и этот финн был продукт своей эпохи – никакого представления о психологии и методике допроса у него не было. Не бьют, не задают прямых вопросов, составляющих военную тайну, вот и хорошо, можно и поговорить на отвлечённые темы. Этот тип даже не знал метода допроса – хороший, плохой полицейский, что уж тут говорить о других способах узнать интересующую меня информацию. А я представлял, как исподволь, не задавая прямые вопросы, узнать хотя бы косвенную информацию, на основании которой можно выяснить главный секрет противника. Прапор Сеницын, мой непосредственный командир в те времена, когда я служил в армии, много чего рассказывал про допросы, которые он проводил во время конфликта в Чечне. Вот я и вёл допрос по его методу. Ничего прямо не спрашивал, а забалтывал клиента, подспудно выясняя то, что меня интересовало. Так простодушный финн и рассказал, что в Петрограде он остановился в имении своего земляка. Это большое и богатое имение находилось от места нападения на поезд почти в 30 вёрстах, и финские патриоты, невзирая на плохую погоду и ночь, преодолели это расстояние за десять часов. Назвал допрашиваемый и посёлок, недалеко от которого находилась эта усадьба.

Я не знал окрестности Питера и даже не представлял, где находится этот посёлок. Да что там посёлок, для меня было загадкой даже наше местоположение. На какое расстояние от Петрограда успел отъехать поезд за один час, я мог только догадываться. Но знаток Петрограда и его окрестностей у меня был, и это водитель спецгруппы Максим. Сейчас он как лунатик ходил недалеко от вагона, под впечатлением своего первого боя. Ему по штату полагался наган, но генерал Фёдоров презентовал ему недавно разработанную самозарядную винтовку под патрон 7,62 мм, вот он с ней и ходил по кругу. Я спрашивал Хватова, как повёл себя водитель в бою. Тот похвалил парня, сказав, что вольноопределяющийся стрелял из винтовки Фёдорова чуть ли не с той же скорострельностью, как вели огонь ружья-пулемёты. После слов прапорщика я подумал, что папенькин сынок прошёл хорошую обкатку. Сейчас ещё поедит на «форде» по фронтовым дорогам, станет вообще золотым кадром.

Подозвав Максима, я начал узнавать, на каком расстоянии находится названный пленным городок от Петрограда. Увидев, как побледнел финн, понявший, что он только что раскрыл главный секрет своего отряда, я, глядя прямо в глаза пленного, добавил:

– Там, в полутора верстах от этого посёлка, находится имение «Липки», где скрывались эти финские националисты – наймиты германской военщины.

На финна страшно стало смотреть – на лице появились розовые пятна, губы тряслись, а глаза стали влажные.

Окончательно поняв, что я добился того, чего хотел, и финн стал мне не интересен. Приказав Первухину отвести этого бандита в отстойник, я занялся более важным сейчас делом – беседой с Максимом. Водитель поразил меня буквально с первой фразы, он слышал последнюю фразу, обращённую к пленному, и когда Первухин его увёл, Максим воскликнул:

– Я знаю, где находится имение «Липки». Бывал до войны там не раз. Оно принадлежит крупному финскому лесоторговцу Какинену – у отца с ним дела, ну а я одно время ухаживал за племянницей этого торгаша. Кстати, неприятный тип – про меня много гадостей Сюзи наговорил. Я отсюда туда могу на «форде» за час домчаться!

Затем водитель на секунду задумался и поправил себя:

– Ну максимум за полтора часа дотуда доеду, даже ночью.

Своими словами Максим направил мои думы совершенно в другую сторону. До этого я хотел быстрее добраться до ближайшей станции, связаться с начальником Петроградского гарнизона, генералом Кобаловым, и договориться с ним о ликвидации паучьего гнезда в имении «Липки». Наверняка на железнодорожной станции, расположенной недалеко от столицы, телефон должен быть. Вон в Малом Вереве, рядом с Гатчиной, телефон был. То есть была мысль спихнуть зачистку «Липок» на казаков, а самому двигаться дальше. А теперь я начал думать, что лучше самому наведаться в эти «Липки». Первоначально мне казалось, что люди, которые стоят у истоков этого балагана или, по крайней мере, многое знают, наверняка скроются из усадьбы, когда узнают, что нападение на санитарный поезд не удалось. А узнают они обязательно, ведь не все нападавшие уничтожены. Я лично видел, как двое бандитов, бросив свои винтовки, мешающие бежать, скрылись в лесополосе. Наверняка они направятся на свою базу, чтобы сообщить руководству, что операция не удалась. Хотя одеты они были в обычную солдатскую форму, но наверняка не будут пользоваться транспортом и постараются не показываться на глаза людям. Солдаты,двигающиеся без офицера, это очень подозрительно.

Наверняка любой встречный подумает, что это дезертиры, а долг каждого подданного императора сообщить об этом в жандармерию. Так что не будут уцелевшие бандиты пользоваться транспортом, включая и гужевой. Пешком направятся на свою базу, а туда идти десять часов. И это открыто, группой, изображая воинское подразделение, совершающее марш-бросок. А это значит очень быстро – двести метров бегом, двести метров шагом. Несомненно, в этот раз сбежавшие финны будут пробираться к своей базе крадучись, окольными путями. А значит, потратят больше времени, чем когда шли на задание. Получается, что двигаясь на автомобиле, мы сможем опередить этих беглецов и взять руководство базы финских националистов тёпленькими, в ночных колпаках. Брать-то гадов будем ночью – раньше никак не получится, уже сейчас день подходит к концу.

Мысль нагрянуть на базу финских егерей так возбудила меня, что я отменил допрос третьего пленного, а Максиму приказал:

– Господин вольноопределяющийся, идите, готовьте автомобиль, сейчас будем снимать его с платформы. Надеюсь, моё распоряжение выполнено и подготовлены мостки, по которым «форд» сможет съехать с железнодорожной платформы.

– Так точно! Вчера сколотили! Я даже их испытал – несколько раз въезжал на платформу и съезжал с неё.

– Хорошо, Максим. Сейчас направлю вам в помощь людей для установки мостков. Съезжайте с платформы и подгоняйте автомобиль к этому вагону. Поедем, проведем дядю вашей Сюзи!

Я усмехнулся и подозвал стоящего неподалёку прапорщика Хватова. Отдав необходимые распоряжения, собрался дойти до штабного вагона и ещё раз переговорить с начальником санитарного поезда. Планы поменялись, и следовало проинструктировать Павла Афанасьевича, что ему говорить властям, да и не только. Инцидент произошёл недалеко от столицы, и наверняка через несколько часов на станции высадится большой десант журналистов. Великий князь стал медийной фигурой, и любое событие, где он присутствовал, становилось новостью дня. А тем более такое, как нападение на санитарный поезд. Но прогуляться до штабного вагона мне так и не пришлось.

Со стороны узловой станции, которую мы проехали перед нападением на поезд, подъехала мотодрезина. Естественно, я пошёл в хвост нашего эшелона. Рассудив, что начальник поезда наверняка подойдёт к подъехавшей дрезине, и я смогу там с ним переговорить. Кроме этого, узнаю от подъехавших железнодорожников, не пойман ли ещё кто-нибудь из напавших на нас бандитов. Да много чего стоило узнать у местных

людей – имеется ли на станции военный комендант и сколько у него в подчинении штыков, если мало, то где поблизости дислоцирована воинская часть? Кроме массы вопросов к подъехавшим железнодорожникам, стоило проконтролировать снятие с платформы грузовика. Автомобиль перевозился на железнодорожной платформе, которая была прицеплена к поезду последней. Я, конечно, думал, что в «Липках» егерей сейчас не было, они все были задействованы в нападении на санитарный поезд, но на всякий случай нужно было, чтобы к этой усадьбе начала подтягиваться военная часть. Если егерей там много и силами спецгруппы их нейтрализовать будет проблематично, то тогда добравшись до усадьбы, мы просто перекроем все проходы и будем ждать подхода воинского контингента. Так что заручиться поддержкой военных имело смысл. А чтобы не рыскать по округе, теряя драгоценное время, лучше знать, куда ехать конкретно. Вот какой план разговора зрел у меня, когда я шёл к подъехавшей дрезине.

На дрезине подъехало три человека, вот со старшим я и разговорился. Это была бригада обходчиков, и на обследование трассы их направил диспетчер. На станции уже была паника – санитарный поезд куда-то пропал, а семафор показывал, что путь занят. Эта железнодорожная ветка была однопутная, и хотя движение здесь было не очень интенсивное, но всё равно на обеих станциях стояло по поезду ожидающих, когда освободятся пути. Что касается военных частей, то в городке, где жили обходчики, и в ближайшей округе их не было. О телефоне главный обходчик даже не слышал. Он божился, что такого чуда нет даже у начальника станции.

Когда я беседовал с бригадиром этих мобильных обходчиков, подошёл начальник санитарного поезда. Он встал скромно в сторонке, чтобы не мешать великому князю общаться с народом. А я когда обернулся, то заметил его и, тут же потеряв интерес к обходчику, повернулся к тому спиной и спросил у начальника санитарного поезда:

– Павел Афанасьевич, вы уже отправили людей вызывать помощь на ближайшую станцию?

– Так точно!

– Продублируем их! Вызовем локомотивную бригаду и с узловой станции. Пусть она дальше, но зато крупней, и там-то уж точно много специалистов. Сами туда съездите и поговорите с начальником станции. Может быть, удастся подобрать бригаду, которая войдёт в штат санитарного поезда. И самое главное – телеграфируйте начальнику Петроградского гарнизона, генералу Кобалову, что в имени «Липки»

засела крупная немецкая диверсионная группа. Пускай немедленно принимает меры для её уничтожения. Великий князь с полувзводом своей охраны следует туда и постарается до подхода подкреплений не дать разбежаться бандитам. Запомните текст телеграммы?

– Так точно! Вот только всяких там Липок может быть много, нужно в телеграмме указать точное местонахождение базы немецких диверсантов.

– У вас бумага и карандаш имеются?

– Так точно! В планшетке всё это непременно лежит.

И Павел Афанасьевич похлопал по свисающей с плеча плоской сумке. На этот жест я, усмехаясь, произнёс:

– Запасливый вы, и это хорошо! Пойдёмте со мной. Я сам не знаю, где находятся эти «Липки», но моему водителю это известно, и сейчас он вам продиктует точный адрес этого места.

Когда мы подошли к платформе, на которой стоял «форд», работы по сколачиванию мостика, по которому он должен был съехать на щебёночную насыпь, уже заканчивали. Командовал всей этой работой как раз Максим. Так что мне не пришлось его искать и вызывать, он был на самом виду и кричал громче всех.

Приказал Максиму сказать Павлу Афанасьевичу, возле какого городка расположено имение «Липки» и кому оно принадлежит. Когда данные были записаны, я проводил начальника санитарного поезда до мотодрезины, стоящей метрах в двадцати. Дождлся, когда он уедет, и вернулся обратно как раз к тому моменту, когда грузовик медленно начал выезжать с железнодорожной платформы. Максим был хороший водитель, и операция была проведена отлично. Наконец наш сухопутный линкор был спущен на землю, и можно было давать команду экипажу занимать свои боевые места.

Команду занимать боевые места я хотел гаркнуть, но мой порыв был прерван. И этим прозаическим человеком, не давшим зародиться первой традиции спецгруппы, был санитар Худяков. Он, как и многие другие санитары, которые не собирали трофейное оружие, помогал сооружать эстакаду, по которой съехал «форд». Вот я и думал, что эти переносчики раненых остались, чтобы понаблюдать, как автомобиль будет покидать железнодорожную платформу. А тут один из них набрался смелости, вытянулся по стойке смирно передо мной и орёт:

– Ваше высочество, разрешите обратиться?

– Ну что такое, Худяков?

– Разрешите принять участие в операции по поимке главарей бандитов. Я краем уха слышал, как их благородие господин прапорщик говорил, что как только грузовик снимут с платформы, вся группа во главе

с генералом выезжает бить супостатов. Ещё он сокрушался, что бойцов маловато, а гнид может быть много. Ружья, отбитые у бандитов, нам дали, стрелять я умею и готов сразиться с супостатами. Возьмите меня, государь, на этот бой!

Предложение было интересное и меня заинтересовало. Конечно, не с точки зрения использования санитаров в бою, а для полевой службы. Если егерей в усадьбе много, то, естественно, штурмовать мы её не будем, а станем ожидать подхода подкреплений. Так вот, чтобы перекрыть подходы к усадьбе, людей катастрофически не хватало. Максим нарисовал план усадьбы, и там было пять мест, где требовалось установить посты. Из-за нехватки людей приходилось планировать одинарные посты, а это неправильно. А вот если захватить с собой санитаров, то можно организовать парные посты и ещё опорный пункт на главной дороге, где сосредоточить бойцов, вооружённых ружьями-пулемётами. Грузоподъёмность «форда» позволяет захватить с собой дополнительно несколько человек. Быстро прокачав в голове эту ситуацию, я ответил Худякову:

– Ты один такой смелый, или есть ещё санитары, желающие повоевать?

– Так точно, ваше высочество! Все, кто здесь остался, желают принять участие в аресте бандитов, поднявших руку на санитарный поезд.

– Хм... семь человек – многовато. Ну ладно, испытаем нашего «Боливар». Выдержит грузовик такой груз, значит, всех возьмём – нет, самых тяжёлых тут оставим.

Я усмехнулся и скомандовал стоящему неподалёку Хватову:

– Прапорщик, начинайте посадку спецгруппы в автомобиль. Когда бойцы группы рассядутся, в свободном пространстве кузова размещайте добровольцев. На свободной лавке все не поместятся, так что пошлите людей за матрасами – на них пару часов посидят, ничего страшного.

Вот такого вида подготовка продлилась почти час, и мы смогли выехать, только когда стало темно. Наш «Боливар» выдержал повышенную нагрузку на свои оси. Правда, даже мне, сидевшему в кабине, было слышно жалобное повизгивание рессор при преодолении любой неровности дороги. Так как было темно, и автомобиль был перегружен, я приказал Максиму не гнать. Поэтому двигались мы не очень быстро, но меня это устраивало. Это раньше мне хотелось как можно быстрее взять за горло резидента немецкого Генштаба, а подумав, я решил провести операцию без всяких внешних эффектов. Нахрапом действовать с такими людьми не стоило. Бампером выбивать ворота, а потом с криками и стрельбой

носиться по имению, это мальчишество, недостойное великого князя. Я не комиссар, а со мной не революционные матросы-анархисты, поэтому работать будем тихо и аккуратно. Нет, мы пойдём другим путём – оставим автомобиль у крестьянской избы, стоящей метрах в ста от центральных ворот имения, затем бойцы спецгруппы проникнут на территорию усадьбы и всё там разведуют. А в это время санитары под моим руководством будут оборудовать опорный пункт, на случай, если в усадьбе много егерей и их придется сдерживать до подхода подразделения, высланного генералом Кобаловым.

Ехали мы долго и далеко не час или полтора, как обещал Максим. Была глубокая ночь, когда мы подъехали к крестьянскому дому, где я, руководствуясь планом местности, нарисованным Максимом, наметил устройство опорного пункта. Когда водитель выключил двигатель автомобиля, даже в кабине стал слышен яростный лай собаки. А когда я вышел из автомобиля, к гавканью собаки присоединились людские крики, а затем женские причитания. Это бойцы спецгруппы так договаривались с хозяевами дома использовать его в качестве опорной базы нашей операции. Ругнувшись про себя, я поспешил к месту этого человеческого конфликта. Успел вовремя, чуть-чуть не пролилась кровь. Не человеческая, конечно, а собачья. Унтер Угрюмов уже достал нож, чтобы прирезать гавкающую псину. Собаке ещё повезло, что её просто-напросто не пристрелили. Ребята в спецгруппе хоть и были суровые и без сантиментов, но приказ чтили. А я перед посадкой в «форд» запретил шуметь раньше времени. Вот унтер и исполнял приказ не стрелять – решил просто заколоть надоедливую собаку. Женщина, по-видимому, жена хозяина дома, при виде такой картины билась в истерике. Самого хозяина два дюжих бойца держали за руки.

Я, естественно, наорал на бойцов спецгруппы, показал кулак прапорщику, а потом извинился перед хозяином дома. На него, конечно, произвела впечатление моя форма генерала и обращение бойцов к её носителю – ваше высочество, но всё равно хозяин стоял хмурый и молчал. Но тогда я дал ему целую горсть серебряных рублей, заявив при этом:

– Это компенсация за использование вашей усадьбы в государственных целях. Если наша операция по обезвреживанию государственных преступников затянется, или вы понесёте ущерб, то я всё это компенсирую. И кроме этого, премирую ещё вот этой монетой.

И показал мужику золотой червонец.

Воздействие этой моей речи было поразительным. Из бандитов, которые ночью ворвались в его дом, мы сразу стали дорогими гостями. А когда я сказал, что мы приехали арестовывать государственного

преступника – хозяина имения, которое находится напротив его дома, то из мужика полилась информация как из ведра. Чувствовалось, что очень не любил он этого финского лесоторговца. Когда я сказал о цели нашего приезда сюда, то в принципе и рассчитывал на такую реакцию. Заложить богатого соседа, да это святое для подобных людей. Вот только фильтровать базар мужика приходилось тщательно. Все гадости, которые говорились о соседе и о его семье, я пропускал мимо ушей, а существенной информации было не так уж и много. Да по существу только две вещи в рассказе мужика меня заинтересовали. Первое это то, что на территории имения летом выстроили несколько бараков, и во-вторых, это то, что свояк нашего хозяина служит в имении сторожем. На вопрос, для кого, по его мнению, выстроены эти бараки, мужик ответил:

– Да выслуживается чухонец перед властями. Построил бараки и отдал часть территории имения армии. Теперь там проживают и тренируются солдаты. Думает этим задобрить своего чухонского бога. Но всё равно, как был этот Марти сволочь, так и остался. Правильно власти им заинтересовались – не любит он нашего царя и матушку Россию.

– А ты любишь царя и отечество?

– Жизнь положу за помазанника Божьего!

– Ну, тогда помогай нам, Спиридон. Пойдешь с моими ребятами в имение и уговоришь своего свояка помочь государевым людям. Да вообще-то я сам тоже дойду до имения – пообщаюсь с твоим свояком.

Как оказалось, это была умная мысль. Сам Спиридон вряд ли смог бы уговорить помочь пришедшим вместе с ним солдатам. Не уважал он свояка и со своего положения, служителя большого господина, относился к нему пренебрежительно. А вот я смог уговорить сторожа имения помогать государевым людям, правда, стоило мне это ещё одного золотого червонца (лошади по нынешним временам). Помощь эта в первую очередь заключалась в сведениях, сколько человек сейчас находится в имении, кто и где располагается. Информация поразила меня в самое сердце. Ещё бы не поразить: по словам сторожа, в бараках проживает более трёхсот солдат. Было больше, но позавчера из одного барака убыла группа солдат, на какие-то там манёвры. Ещё, по словам сторожа, все солдаты были какие-то странные – матом не ругаются, не сорят, к бабам гуляющим в самоволку не бегают. Сторож ещё долго рассказывал про странности солдат, а я ушёл в себя и первая мысль, которая вспыхнула в мозгу: «Ну, Миха, ты попал!» Это уже потом я начал перебирать варианты действий, а их приходилось придумывать. Предусмотренный ранее вариант – удерживать здесь егерей до подхода подкреплений, никуда не годился. По причине того, что завтра

должен освободиться большой барак – Марти дал распоряжение рано утром запретить собак в вольере. Ведь подъём в связи с убытием в другое место у солдат предстоит ранний, и они могут выйти из барака. А в восемь часов утра должны приехать уборщики, которые будут наводить порядок в казарме и на прилегающей территории. Хотя эта часть имения и была огорожена, но забор был хлипкий, и собаки туда часто забирались.

Получив всю эту информацию, я встал перед выбором: или, как «Варяг», погибнуть под волнами атак финских егерей, или выпустить этих крыс пожирать мягкое нутро российской столицы. Понятно, что если спецгруппа попытается задержать егерей до подхода подкреплений, то её сметут за одну атаку. Не помогут даже ружья-пулемёты. Егеря хорошо подготовлены, и их не испугает свист пуль над головой. Пропустить уходящих из такой шикарной ловушки, хорошо подготовленных бойцов, которые по существу и сделали Октябрьскую революцию – невозможно. Ведь именно сейчас можно решить все будущие проблемы, как свои, так и страны. Сейчас в этих «Липках», скорее всего, сосредоточены основные силы, подготовленные немцами, чтобы расшатать обстановку в моей стране. Конечно, это не весь батальон финских егерей, но скорее всего самая подготовленная его часть. Это те финские добровольцы, с которыми немецкие инструкторы начали работать больше года назад. Остальных, скорее всего, ещё обучают. Но если сейчас удастся обезвредить эту самую обученную часть егерей, то Германия не сможет восполнить их потерю. Времени и сил не хватит. А если Германия упустит возможность развалить Россию в 1917 году, то это всё, это наша победа. Может быть, сегодняшнее моё решение стоит всех тех дел, которые мы с Кацем успели натворить в этой реальности. Думай, голова, думай!

Глава 17

Мозговой штурм и воспоминания о прошлой реальности принесли свои плоды. Мой алгоритм действий в этой непростой ситуации начал вырисовываться. Я вспомнил одну фантастическую книгу о финской войне, которую прочитал пару лет назад. По сюжету там был тоже половец, были так же, как и здесь, финские егеря, и их силы многократно превосходили подразделение, которым командовал герой книги. Его ребята просто подожгли казармы, в которых ночевали финны. А кто нам мешает сделать так же? Егеря спят, сторож уберёт собак и проводит бойцов к казармам, Угрюмов или Сидоров вполне способны снять часового, а потом другие бойцы обливают бараки бензином, бочка которого стоит в кузове «форда», и эти деревянные бараки загорятся как факелы. Вот тут ружья-пулемёты будут очень действенны – хрен кто выберется из пылающих казарм под их огнём. Ладно, выхода нет, будем так и действовать. С егерями всё ясно, но если поднимется шум, то их хозяева сбегут. Конечно, можно поджечь и здание самой усадьбы, но обложить её, чтобы никто не убежал, проблематично. Во-первых, она каменная и быстро не разгорится, а наличными силами все щели не перекроешь. Во-вторых, в этом главном здании именина сидят главные пауки, которые многое знают. Если удастся захватить их и допросить, то вся паутина операции немецкого Генштаба «Октябрь-17» будет как на ладони. Вот тогда можно будет открывать шампанское и начинать жить, как настоящий великий князь. Высылка в Пермь уже грозить не будет, и можно будет расслабиться. Но для этого придётся самому повоевать. Вернее, взять на себя захват обитателей главного дома усадьбы. И придётся делать это малыми силами. Отвлекать людей от основной задачи ни в коем случае нельзя. Сорвётся поджог казарм егерей, сорвётся и арест их хозяев.

Наметив первоочередные задачи, я вышел из теоретических размышлений в реальный мир и смог воспринимать слова сторожа. А он говорил в этот момент, какой его хозяин самодовольный индюк, а гости, которые недавно приехали, вообще нерусские сволочи. Один из них, гуляя вчера по парку, влез в собачье дерьмо, и так раскудахтался, что уши вянут. По-русски еле говорит, а матом шпарит, дай боже. Сторожа обозвал каким-то «унтерменшем», как будто это он нагадил, а не хозяйские собаки. Естественно, информация о проживающих в господском доме людях меня заинтересовала, и я уточнил:

– Иван Семёнович, а сколько гостей сейчас проживает в хозяйском доме?

– Один вчерась приехал, а двое уже с месяц здесь живут. Все они земляки хозяина и балакают между собой по-чухонски. Православному и не разобрать их тарабарщину.

Количество людей в доме меня порадовало – считая с хозяином четверо мужчин. Если действовать неожиданно и быстро, то всех их можно задержать. И много бойцов для этого не нужно. Да вообще можно обойтись без людей прапорщика Хватова. Пускай его ребята занимаются егерями. А с хозяином имения и его гостями я сам разберусь. Возьму с собой Первухина (он показал себя ловким и сообразительным парнем) и парочку санитаров поздоровей. Вроде среди них есть два бугая, вот их и возьму с собой. Наверняка они, как пластуны и стрелки, не особо хороши, а вот в свалке, думаю, неплохи. Такого хрен свалишь принятыми сейчас приёмами, а если он попадёт своей лапищей, то мало не покажется. В общем-то, свалки, конечно, допускать нельзя. Если задерживаемые только дёрнутся, нужно всадить такому нервному пулю в ногу и не морочить себе голову. Говорить сможет, и ладно, нечего с этими диверсантами рассусоливать о правах человека. А санитары тут как раз и пригодятся.

Приняв все свои рассуждения за программу действия, я тут же начал командовать. И первое распоряжение отдал как раз сторожу, прервав его на полуслове:

– Иван Семёнович, ты, наверное, уже понял, что мы государевы люди и выполняем здесь важное задание. Твой хозяин враг России и императора и собрал в своём имении таких же врагов. В бараках живут никакие не русские солдаты, а нанятые немцами финские социалисты, ненавидящие православие. Но Бог стоит за истинную веру и указал, где найти этих лиходеев. Указал он, как их уничтожить. Только огонь может очистить мир от скверны. Ты, как любящий своё отечество, должен нам помочь! Во-первых, убрать всех собак в вольер, во-вторых, незаметно провести прапорщика и его людей к казармам, ну а в-третьих, помочь задержать хозяина и его гостей. Для этого постучишься в дом и вызовешь привратника или ещё кого-нибудь, кто отвечает за двери дома. Дальше мы сделаем всё сами, ты только не мешайся. Если всё сделаешь правильно, я тебе буду благодарен вот этим.

Я показал сторожу два золотых червонца. У него даже челюсть отвисла от увиденного богатства. Посчитав, что клиент созрел, я спросил:

– Так как, Иван Семёнович, готовы вы нам помочь?

– Да я завсегда, ваше высокоблагородие! За Россию любому чухонцу

пасть порву! Нехристи окаянные! Да я сам дровишек подкину, чтобы выжечь эту заразу!

– Ну, хорошо! Тогда сейчас идёшь и загоняешь всех собак в вольеры. Затем возвращаешься и поступаешь в распоряжение прапорщика. Давай, Иван Семёнович, поторопись. Нужно всё успеть сделать до первых петухов.

Когда сторож ушёл, я подозвал прапорщика Хватова и изложил ему свою идею о нейтрализации спящих в данный момент финских егерей. Наверное, с полчаса мы с прапорщиком обсуждали этот вопрос. Была масса узких мест в моей задумке. И если всё гладко было, когда я планировал совершить поджог казарм со спящими егерями, то обсуждение этого вопроса выявило массу трудностей. Начиная с доставки бочки с бензином к казармам и кончая расстановкой стрелков. Бочку мы решили довести почти до казарм на грузовике, а уже там, разлив его по вёдрам, донести до стен этих сооружений. По команде бойцы должны были вылить бензин на стены и бежать на огневые позиции. Казармы стояли близко друг от друга, и сначала я мучился от того, что невозможно разместить стрелков, чтобы они контролировали все окна казарм. Но прапорщик меня успокоил, заявив:

– Так это хорошо, что бараки расположены очень близко друг от друга. Разместим стрелков, вооружённых автоматическим оружием, с торцов зданий, напротив дверей, и они смогут держать под огнём не только вход, но и промежутки между казармами. К тому же в этих огненных коридорах температура будет зашкаливать, и егеря, выпрыгнувшие из окон, какую бы они выучку ни имели, бросятся вон из этой ловушки – прямо под огонь наших стрелков.

Прапорщик, конечно, возбудился от перспектив такого боя, но головы не потерял и предлагал весьма разумные вещи. Когда появился сторож, планы были уже согласованы, часы сверены, прапорщик проводил инструктаж своей части команды, ну а я вдалбливал, что нужно делать, людям, которые вместе со мной пойдут потрошить господский дом. При этом Первухин сразу понимал, что от него требовалось, а вот здоровякам санитарам приходилось всё разжёвывать. Когда подошёл сторож, я и ему минут десять вдалбливал, что говорить слуге, который глубокой ночью подойдёт открывать дверь. А это должно было произойти в четыре часа ночи. Именно на такое время я назначил начало операции. Мы должны были начать в четыре, а прапорщик через десять минут. Ещё по службе в армии я знал, какое мутное состояние испытывает часовой именно в это время своего дежурства. Не зря это называется – собачья вахта. Кстати, участвовать в аресте хозяина имения напросился и Спиридон. Наверняка

посчитал, что ему от этого тоже что-нибудь обломится. У него на лице было написано, как он желает порыться в вещах финского лесоторговца. Я разрешил Спиридону поучаствовать в задержании государственного преступника по одной простой и довольно циничной причине – если какому-нибудь финну удастся применить оружие, то чем больше мишеней, тем лучше. И вполне вероятно, целить он будет в одетого в гражданку Спиридона. Мы-то все в военном, а человек в гражданском наверняка из охранного отделения, а значит, самая опасная фигура. Вот с такими мыслями я и разрешил Спиридону нас сопровождать.

Мы, в отличие от ребят прапорщика Хватова, ожидали начало операции в комфортных условиях – по приглашению Спиридона пошли пить чай в его дом. Там никто не спал, даже дети хозяина. Трое ребятишек начали бесцеремонно приставать к великому князю. Слава богу, у меня было чем их занять. В кармане я по совету доктора (чтобы заглушить приступ язвы) всегда носил с собой коробочку с французскими леденцами – монпансье. Вот я и откупался от этой шумной братии леденцами. Хорошо, их было много и хватило до прихода в дом сторожа. А после этого уже было не до монпансье – я оставил коробочку детишкам и вслед за своим воинством вышел из дома – лафа кончилась, нужно было и нашей группе начинать действовать.

Ровно в 4–00 сторож начал дубасить по входной двери особняка. Электрическим звонком сторож не воспользовался, хотя в этом богатом доме он и был. Нужно было действовать естественно, а сторож, впрочем, как и другая обслуга и приходящие местные жители электрическим чудом не пользовались. Я уже начал волноваться, что входную дверь долго не открывают. Но в 4–04 щеколда щёлкнула, дверь распахнулась, и перед нами предстал заспанный мужик в нижнем белье с начёсом. Он ещё ничего не успел сказать, как рядом оказались два дюжих санитара. Кротов заломил его правую руку, а Петров, схватив за левую, не дал выпасть керосиновой лампе. Затем в дело вступил я. Приставив колыт к бороде мужика, я гаркнул:

– Полиция! В доме скрываются опасные преступники! Быстро говори, где ночуют приехавшие в гости трое мужчин?

– В-в-в гостевых спальнях!

– Где они расположены?

– На втором этаже.

– Пойдём, покажешь. Давай-давай, не тормози!

Неосознанно я использовал сленг XXI века, но мужик меня понял. Поняли и санитары, они после моих слов отпустили руки бородача, и тот,

повернувшись, засеменил вглубь дома, к лестнице, ведущей на второй этаж. Я пошёл следом, не убирая кольт в кобуру, ну а за мной шли остальные. Колоритнее всех в этой цепочке выглядел Первухин, вернее его маузер.

Когда уже поднимались по лестнице, я спросил у бородача в кальсонах с начёсом:

– Где ночует хозяин?

– Тоже на втором этаже в большой спальне.

– Сначала покажешь, где ночуют гости, а затем проводишь меня к спальне хозяина. Понял?

– Так точно, ваше благородие! Только хозяин в спальне не один, у него сегодня на ночь Манька осталась.

– Ну, ничего, устроим им побудку!

Эту шутку я произнёс, когда мы уже были на втором этаже и встали у не приметной двери. На мою шутку бородач ткнул пальцем в сторону двери и сказал:

– Вот тут ночует самый старший из гостей.

Я тут же скомандовал:

– Кротов, и ты, Спиридон, за дело и действовать, как мы договаривались.

А нашему сопровождающему сказал:

– Веди к следующей спальне.

Дверь в неё была рядом. Туда я направил Петрова и сторожа. Около следующей двери настала очередь Первухина. Хотя он и пошёл один, но в успехе этого задержания я нисколько не сомневался. Один маузер чего стоил – кого хочешь напугает, это тебе не трехлинейки, висящие на плечах санитаров. Они и обращаться с ними не умеют, тем более в темноте и стесненных условиях. К хозяйской спальне я подошёл, сопровождаемый только бородачом.

Всё это время я вслушивался, ожидая начало пальбы возле казарм егерей и, естественно, пробуждения их хозяев. Но всё пока было тихо. «Чётко мы работаем», – подумал я и перед последним броском достал часы-луковицу, чтобы понять, сколько осталось времени до начала операции прапорщиком. Было уже 4–09, и вот-вот начнётся большой кипеш. Действовать нужно было быстрее, и я, уже ни о чём не думая, ногой долбанул по двери спальни хозяина этого дома. Ворвался туда в стиле боевиков моего времени с воплем:

– Лежать, полиция!

Я ожидал абсолютно тёмного помещения, растерянных, голых и

трясущихся от страха мужчину и женщину, но всё выглядело несколько иначе. Голая женщина, лежащая на кровати, была, её освещала керосиновая лампа, стоящая на небольшом столе рядом с громадной лежанкой (в XXI веке я бы сказал сексодромом). Мужчина тоже был, но он был одет в халат и сидел за столом, тупо уставившись на большую и почти пустую бутылку «смирновской» водки. Женщина, по-видимому, была сильно пьяна, коль не прореагировала на грохот распахиваемой двери, крики и моё появление в этом гнёздышке любви. А вот мужчина, оторвав свой взор от созерцания почти пустой бутылки водки, повернул голову с оловянными глазами в мою сторону и прошипел:

– Пош-ш-ёл, сука!

Пришлось подскочить к этой пьяной твари и провести фирменный хук слева – правая рука была занята кольцом. Но всё равно я её задействовал. Конечно, не стрелял, а просто ткнул дулом в противную рожу. Этот завершающий удар опрокинул пьяного финна вместе со стулом на пол, и оттуда начало доноситься противное хрюканье. Я брезгливо оглядел картину разгрома, валяющуюся на лежанке голую женщину и крикнул стоящему позади бородачу (пришлось повысить голос из-за стрельбы в районе казарм):

– Сдёрни вон ту тонкую штору и свяжи валяющейся твари руки. Сзади свяжи, чтобы этот урод своим поганым ртом не смог дотянуться до узла.

Пока бородач снимал тюль, я обыскал задержанного лесоторговца. Казалось бы, что обыскивать одетого в халат голого мужика, что можно найти, если в халате нет карманов? Но я нашёл, и весьма интересную вещь. У валяющегося на полу пьяного типа на щиколотке был закреплён мешочек, в котором лежал ключ. Естественно, у меня в голове сразу же возникла мысль, что это ключ от сейфа. А спрашивается, какой ещё ключ мог носить в потайном месте богатый человек? Но прежде чем начать поиск сейфа, я проконтролировал, как бородач связал руки лесоторговцу. А затем приказал увести, а если не сможет ходить, то утащить куда-нибудь подальше от моих глаз голую бабу, валяющуюся на лежанке. Казалось бы, абсолютно пьяная женщина пробудилась, как только бородач попытался стащить её с кровати. Она, наоборот, вцепилась в него и повалила на себя. Я чуть не расхохотался, когда она впилась в мужика страстным поцелуем. Ему повезло, что он был бородач, а так точно бы остался засос. На этот страстный поцелуй у женщины ушли последние силы, ибо потом она стала безвольной куклой. Безвольно, но сама слезла с мягкого подиума, безропотно натянула на себя поданный бородачом сарафан и, подталкиваемая им, побрела к выходу из спальни.

Как только они вышли, я начал обследовать комнату в поисках сейфа. Но его здесь не было. Обозлённый безрезультатностью поиска, я пнул начинающего приходить в себя лесоторговца и злобно спросил:

– Где сейф, сука?

В ответ тот что-то промычал. Я пнул его ещё раз и для закрепления эффекта вылил на его голову воду из графина, который взял со стола. После чего снова спросил:

– Говори, где сейф, зараза! А то будет совсем больно!

И сразу же наступил на кисть лесоторговца, которая торчала из-под тюли, связывающей ему руки. В этот раз финн пробормотал более отчётливо:

– В кабинете за моим креслом.

Ну что же, это был хороший знак – финн был не упёртый фанат, и с ним вполне можно было работать. Когда протрезвеет, как миленький выложит всё, что ему известно о той паутине немецкой агентуры, которая опутала столицу Российской империи. Конечно, этот денежный мешок вряд ли много знает, но вот его гости наверняка профессионалы тёмных дел. Воспоминание о гостях лесоторговца сразу направило мои размышления в другую сторону. Вопрос о сейфе ушёл на обочину. Главной теперь была судьба всей операции. С группой прапорщика в принципе было всё ясно по багровым бликам на оконных стёклах, не говоря уже о звуках стрельбы. Наверняка у Хватова всё идёт по плану – казармы горят, а счастливых, которым удалось выбраться из адского пламени, отстреливают. Вот как обстоят дела с задержанием руководителей боевиков, уничтожаемых сейчас спецгруппой, я не знал. Поэтому, не обращая уже внимания на сидевшего на полу и так не протрезвевшего окончательно финна, я открыл дверь спальни и выглянул в коридор. Об освещении можно было не задумываться. На месте казарм разгорелся такой костёр, что даже в спальне хозяина было всё видно без лампы, хотя окна этой части дома смотрели от гигантского костра в противоположную сторону.

Действительно, в коридоре было довольно светло, и, наверное, у сидящих на полу задержанных было ощущение, что они находятся в предбаннике ада. Красноватый свет пламени, льющийся из единственного окошка, и злобный цербер, прохаживающийся рядом с ними, этому положению соответствовали. Особенно когда этот страшный человек раздавал болезненные пинки вжавшимся в стены задержанным. Видно было, что они боялись этого человека. Санитар Кротов за очень непродолжительное время сумел внушить у прошедших многое профессионалов страх перед ним. И это было хорошо – моя инструкция

выполнялась добросовестно. Уже сейчас можно было начинать допрос, пользуясь методом доброго и злого полицейского. Естественно, я буду исполнять роль доброго полицейского, которому, чтобы спастись от побоев злого, задержанные должны выкладывать секреты. Тут только не зарваться – не требовать, чтобы рассказали всё и сразу. Выдавил какие-нибудь сведения, дай подследственному передохнуть от побоев жаждущего крови злого полицейского. Тут главное создать у допрашиваемого условный рефлекс – выдал вроде бы незначительный секрет, получи послабление и какое-то время жизнь без боли и мучений. Ничего не сказал – злой полицейский этому только рад, наконец-то ему можно будет насладиться болью и мучениями подследственного.

Глянув на задержанных, являющихся, скорее всего, германскими агентами, я решил начинать допрос, не дожидаясь, когда всё окончательно прояснится с результатом действий спецгруппы. Ковать железо нужно было, пока оно горячо. А задержанные, несомненно, были предводителями финских егерей. И они вроде бы уже дошли до нужной кондиции. Передержишь, и у профессионалов тайных операций начнёт работать вбитая в них выучка, тогда намного трудней будет добиться нужной информации. Но для допросов нужно было хоть как-то подготовиться. Да и вообще мне абсолютно не хотелось проводить допросы в спальнях, тем более когда где-то есть кабинет хозяина. Вот я и начал распоряжаться. И в первую очередь, чтобы обеспечить свои тылы, приказал:

– Петров, и ты, Спиридон, идите вниз, наведите порядок и успокойте прислугу, а то уже там бабы орать начали. А вы, Иван Семёнович, проверьте, что творится у дома, а затем сходите к горящим баракам. Узнайте, как там дела. Только будьте осторожны, там всё ещё стреляют.

Действительно, со стороны горящих казарм всё ещё раздавались выстрелы. Правда, уже редкие и преимущественно одиночные, стреляли санитары из трофейных трёхлинеек. Очередей ружей-пулемётов и карабинов слышно не было. Ещё Иван Семёнович не ушёл, как я опять начал раздавать приказания:

– Ефрейтор, спрячь свой маузер и проверь, что находится дальше по коридору. Там должен быть кабинет хозяина.

Кабинет оказался через дверь от спальни лесоторговца. Меня это порадовало – не нужно было перетаскивать задержанных для допроса в другое место. Переходи в кабинет и начинай прессовать этих чёртовых финнов. А я уже не сомневался, что задержанные относились именно к этой национальности. Акцент присутствовал у всех, это я понял, когда прямо в коридоре выяснял у каждого его имя и фамилию.

Я перебрался в кабинет лесоторговца, а он сам и его гости остались в коридоре под охраной моего денщика и санитара Кротова. Следовало пообвыкнуть в комнате, где предстояли допросы финских националистов. Не сломаю их сейчас, то потом это будет сделать гораздо труднее. К тому же это будет делать уже другой человек – мне по-любому нужно уезжать на фронт. Привлечённый чиновник из охранного отделения, несомненно, будет профессионалом, знающим своё дело, но и финны знают, как вести себя с такими следователями. И как не раз бывало в Российской истории, добьются адвокатов, привлекут либеральную общественность и в итоге суд примет решение осудить их на высылку куда-нибудь в Тобольскую губернию. Где они будут в спокойных условиях готовиться к новым пакостям против Российской империи. А со мной такие шуточки не пройдут – я знаю, к каким жертвам может привести такой либерализм. Поэтому если задержанные финны начнут юлить, тянуть время и утаивать информацию о сотрудничестве с немцами, то прикажу их расстрелять, да и всё. Задержанные это чувствуют, поэтому и ведут себя так пришибленно. Никаких протестов на незаконное задержание и плохое обращение, когда их опрашивал, не услышал.

Когда оказался в кабинете лесоторговца, то многие вещи, которые собирался делать немедленно, вылетели у меня из головы. Я увидел телефонный аппарат. Вернее, стоящую у стены стойку из дорожущего чёрного дерева с висящей на ней телефонной трубкой из слоновой кости. Нелепое, надо сказать, зрелище, но эта нелепость могла меня связать с внешним миром. Как пользоваться этой прародительницей телефонных трубок, я представлял – не раз в последние недели связывался в Питере с нужными мне абонентами. Естественно, я бросился к этому аппарату, как путник в пустыне к колодцу со столь вождеденной водой. Но остатки разума я всё-таки сохранил, и перед тем как схватить трубку подумал: «А кому и куда ты собрался звонить?» Внутренний голос ответил: «Кацу, конечно!» В голове сразу же начался диалог между разумной частью мозга и восторженно-безрассудной:

– И что ты ему можешь сказать в 4–40 ночи? Что на тебя очередной раз напали, и ты опять избежал глубокой задницы? Ну, повздыхаете по телефону, опять начнёте рассуждать об инертности истории, что, устранив главный раздражитель, она пытается вернуться в старое русло. Толку-то от этой болтовни?

– Толк есть! Предупреждён, значит, вооружён! А если Кац приедет сюда, то его светлая голова разберётся во всей этой мутной истории.

– Ага, как же, разберётся! Да этот интель даже по физиономиям

допрашиваемых немецких агентов, разваливающих его страну, дать не сможет. Предоставь ему материал, тогда он выводы и сделает. Не его это дело (научного работника), выбивать показания. А ты можешь, вот и займись этим делом. Дай парню хоть эту ночь поспать спокойно. К тому же ты даже не знаешь, куда звонить. Он может ночевать где угодно, и у тебя в особняке, и у себя в квартире с невестой, а там телефонного аппарата нет. Конечно, последнее сомнительно, но вдруг противный запах плесени из квартиры выветрился. Да даже в Смольном институте может ночевать – ведь особняк выделили его комитету, и Кац собирался начинать работы по его обустройству. А если он уже нанял людей, то даже ночью (чтобы не терять время днём) может остаться в институте и проверить, что те наработали.

Рассуждение о Смольном институте перевело мои мысли на проблему финансов. Мы с Кацем недавно обсуждали вопрос – на какие средства будем обустраивать наш будущий штаб контрреволюции. Денег катастрофически не хватало. Когда я уезжал, в нашей кассе имелось чуть больше трёх тысяч рублей, и они таяли с сумасшедшей скоростью. Только участие в финансировании КБ Федорова сожрало больше трёх тысяч рублей, а предстояло ещё давать гигантские суммы на производство катюш и напалма. Было бы совсем плохо, если бы мой управляющий всё-таки не выполнил своё обещание собрать деньги на производство нового оружия. От денег, которые мне передал Пётр Филимонович, осталось хорошо, если десятая часть – остальные мы с Кацем уже жажнули на наши весьма затратные начинания. Оставалось ждать, когда английский посол выполнит свои обещания. Ещё я собирался поклянчить деньги у Николая II, а если отжать денег у императора не получится, то взять деньги в кассе корпуса. Многие комкоры и командармы так делали, и у них это прокатывало. А я если возьму, то не для себя, а на общее дело, поэтому и считал, что в данной ситуации это допустимо. Но ещё более допустимым я посчитал конфисковать средства у лесоторговца. А что, ключ от сейфа нашёл, а если в доме имеется такое хранилище, то в нём должны быть и деньги. По крайней мере, на оперативные нужды такого крупного оптовика. Пусть и не очень много, но нам с Кацем и это сгодится.

Поиск сейфа не занял много времени. Этот весьма солидный железный монстр стоял между книжными шкафами в выемке стены. От взгляда постороннего человека его скрывала плюшевая занавеска. Когда я при свете керосиновой лампы рассмотрел этот сейф, то порадовался, что обнаружил ключ от него. Без ключа пришлось бы взрывать полдома, чтобы вскрыть этого монстра. А так, сделав два поворота ключа, я чуть не потерял

рассудок от радости. Деньги были, и не просто деньги, а огромные. Я чуть не побежал обратно к телефонному аппарату, обзванивать те места, где мог ночевать Кац. Но вопрос, какая же сумма привалила нам с Кацем, меня остановил. Я начал считать. Но так как я не маньяк денег, мне это дело быстро надоело. Я просто пересчитал пачки «катек» (100-рублёвые купюры с изображённой на них Екатериной II) и успокоился. Подумал: «Пусть Кац считает остальную мелочёвку. Я своё дело сделал – обеспечил смазкой его хитроумные задумки. На эти деньги он сможет создать и содержать хоть две фейковые партии и на пару дивизионов катюш тут хватит. Соберу всё это в мешки и отвезу в Смольный. Пусть в кабинете, где в моей реальности сидел Ленин, Кац сам считает эти деньги. Символично получится – деньги, которые выделили немцы на развал Российской империи, пойдут на дела, которые способствуют укреплению этой самой империи». Я был уверен, что это именно немецкие деньги. Не может у лесоторговца на оперативные нужды его бизнеса лежать такая сумма наличности. В банке может быть, а в домашнем сейфе нет. Чтобы гигантская сумма в несколько сотен тысяч рублей лежала дома, не принося процентов, это было противозаконно для капиталиста, а для националиста, служащего чужой стране, для развала империи, угнетающей его нацию, было понятно. И, естественно, подлежало конфискации. Решив для себя этот вопрос и насладившись видом денег, которые помогут сдвинуть дышло истории в нужную сторону, я закрыл сейф, положил ключ во внутренний карман френча и направился сдвигать это самое дышло.

Глава 18

Лесоторговца я решил пока не допрашивать – его совсем развезло, он даже ходить не мог. Разлёгся в коридоре, как шпала в халате, и отравлял воздух своими миазмами. Если прямо сказать, противно было говорить с этой воняющей кучей дерьма в халате. Хотя я и понимал, что может быть, зря это делаю. Вполне вероятно, что у этого финна самоконтроль сейчас ослаблен и без особых усилий из него можно выжать всю информацию, которой он обладает. Но не лежала у меня сейчас душа смотреть на пьяную, слюнявую физиономию. Поэтому я начал с финна, которого задерживали Кротов и Савелий. Вроде бы тот был уже морально сломлен и боялся санитаря. Вот этот его страх я и хотел использовать – поставить Кротова позади финна и так проводить допрос. Но перед этим мне захотелось ошеломить финна, а именно своей грубостью и злостью. Пусть думает, что это Кротов добрый полицейский, а его начальник вообще садист.

Взяв стоявший у письменного стола стек, я попробовал стегнуть себя по бедру – было довольно чувствительно. После этого открыл дверь кабинета и приказал Кротову ввести задержанного Тилерсена. Когда Кротов втолкнул финна в кабинет и закрыл дверь за собой, я подскочил к задержанному агенту и хлестанул стеклом по его связанным сзади рукам. Он даже ойкнул от неожиданности и боли. А я прямо в его ухо начал орать:

– Ну что, попался, сука! Я из тебя все жилы выну за нападение на санитарный поезд. Говори, гад, сколько егерей 27-го Прусского Королевского батальона уже в России? И смотри, сволочь, не вздумай врать, я это сразу пойму. Майор Байер уже здесь или ещё в Кёнигсберге?

Конечно, я поступил некрасиво и жестоко, но зато действенно. Моим поступком и тем, что мне известны сверхсекретные сведения, я его потряс до основания, и он поплыл. Заикаясь, с ужасным акцентом, промямлил:

– Точно не знаю, я всего лишь курьер – привёз господину Какину деньги.

– Ты только ему привёз или ещё были получатели?

– Ещё я передал саквояж с деньгами господину Ларни.

– Где проживает этот Ларни? Адрес говори, адрес!

– На хуторе «Лосиный остров», это в пятнадцати верстах от Выборга.

– Там тоже егеря квартируют?

– Так точно!

– И сколько же там бойцов?

– Я привёз деньги на содержание ста пятидесяти человек. Ну и сто тысяч рублей для господина Ларни.

– А в Петрограде ты кому деньги передавал? Быстро говори, гнида! Финн несколько замялся, а потом, решившись, произнёс:

– Господам: Пашинскому, Брызгалину и Сытину. Каждый получил от меня по тридцать тысяч рублей.

– Адреса говори всех этих сволочей!

– Я не знаю! Деньги передавал в ресторане «Медведь».

– А как же ты с ними договаривался о встрече? Кто тебя курировал в Петрограде?

– Полковник Матюхинен. Именно он выдавал мне деньги с поручениями развести их по нужным адресам.

– Он что, полковник вашего егерского движения?

– Нет, он действующий полковник Русской армии. Начальник какой-то службы Петроградского гарнизона и одновременно истинный финский патриот.

– Германский шпион он, а не финский патриот! Присягу нарушил, а всё туда же – в патриоты лезет, мать твою. Вот Маннергейм патриот – присягу царю дал, и сейчас, командуя дивизией, дерётся с австрийцами, даже не помышляя об отделении Финляндского княжества от России. Ну да ладно, разберёмся мы с финским патриотизмом – адрес говори, где этот полковник живёт. Или скажешь, что этого тоже не знаешь. Этим ты меня очень огорчишь – не знаю даже, смогу ли удержать своего бойца от серьёзного разговора с тобой. Он ненавидит таких, как ты, и просто мечтает содрать кожу с живого врага императора.

Задержанный курьер, глянув на невозмутимо стоявшего санитаря Кротова, опять заикаясь, назвал петроградский адрес. Я доброжелательно кивнул и уже тоном заботливого дядюшки сказал:

– Ну что, пока поверю тебе! Пойдём к столу, там оформим протокол допроса, и можешь сегодня отдыхать. Если все перечисленные тобой адреса не окажутся пустышкой, то считай, что ты прошёл самый жуткий этап своей жизни. Будешь жить долго и счастливо и, глядишь, своих внуков будешь воспитывать!

Приказав Кротову развязать задержанному руки, я направился к письменному столу, где и начал оформлять протокол допроса. Одновременно финн на другом конце стола писал свои признательные показания. Когда всё закончил и вложил написанные листки в найденную на письменном столе лесоторговца кожаную папку, то любезно предложил

Фредди (именно так звали финна) попить воды. Моё предложение было с радостью принято. Дождавшись, когда Фредди утолит свою жажду, я приказал Кротову вынести в коридор стул и заводить в кабинет следующего задержанного. Фредди я сам довёл до двери кабинета. Руки не связывал. Пообещал, что больше никто пальцем до него не дотронется, а когда допросы закончатся, его хорошо накормят.

Следующий задержанный оказался твёрдым орешком. Как я его ни прессовал, ни пугал, ни шантажировал, он не проронил ни слова. Стоял всё на своём, что он законопослушный подданный императора и просто приехал в гости к своему дальнему родственнику. Уже когда мой прессинг достиг наивысшей точки, он разразился целой речью, что попирают права не православных граждан Финляндского княжества. После этого финн вообще замолчал. Не проронил ни слова даже после обработки его звероподобным санитаром Кротовым. Приказав выкинуть эту сволочь в коридор и привести следующего задержанного, я углубился в собственные ощущения. В душе было какое-то беспокойство, и я пытался разобраться, чем это вызвано. Стоял недалеко от входной двери и в задумчивости постукивал стеком себя по ноге. Это была ошибка. Я уже настолько принизил задержанных, что считал их своей законной добычей. А вот третий финн так не считал. Он, когда зашёл, не стал ждать, когда я огрею стеком по его завязанным за спиной рукам, а, оттолкнув Кротова, бросился к ближайшему окну и рыбкой нырнул в закрытые стеклянные створки. Естественно, он не выпрыгнул из окна, что было физически невозможно, но гадостей наделать сумел. Во-первых, своей головой разбил стёкла, а в октябре сидеть в комнате с открытым окном было не очень комфортно. Во-вторых, забрызгал всё своей кровью. Ну и самое главное, финн лишил меня информации, так как умер прямо в оконном проёме. Кусок стекла полоснул его по шее, перерезав сонную артерию. Одним словом, финн легко отделался. Я бы из него всё равно выдавил всю информацию, которой он обладал. Пусть он, как предыдущий финн, на сегодняшнем допросе ничего бы и не сказал, но сегодня вечером или завтра я бы занялся с ним серьёзно, и он выложил бы всё, что ему известно. Как рассказывал Михалыч, отслуживший срочную службу в Афгане, любой и даже очень упёртый моджахед всё рассказывал после применения к нему специфического метода допроса – телефона или обработки яиц моджахеда. Я хотя и не курил, любил посидеть рядом с прапорщиком, дымящим как паровоз, когда он предавался воспоминаниям о своей боевой молодости. Так что знал в деталях меры воздействия, чтобы разговорить самого упрямого и волевого противника.

Сожаление о том, что потенциальный источник нужной информации ушёл, удручало меня недолго. Появился новый источник поразившей меня информации. Прапорщик Хватов буквально ворвался в кабинет. Он был возбуждён и с порога чуть ли не крича начал докладывать:

– Государь, у нас всё получилось! Ни один егерь не ушёл! Сожгли всю эту сволоту напрочь! У нас потерь нет, а финнов покروшили дай боже!

После этого эмоционального всплеска прапорщик уже более спокойным тоном начал детально излагать ход операции. Как Угрюмов снял часового, как грамотно бойцы спецгруппы и привлечённые санитары устроили огненный ад финским предателям. Егеря даже визжали, когда выпрыгивали из объятых пламенем казарм. А те были построены из хорошей высушенной древесины, да ещё покрыты снаружи масляной краской. Бараки как будто специально были построены для сожжения. Узкие проходы между зданиями оказались не путями спасения для погорельцев, а своеобразными мехами, по которым поступал воздух для гигантского костра. Прапорщик немного посокрушался, что не удалось взять ни одного пленного. Но это зависело не от бойцов спецгруппы. Вооружённые карабинами бойцы имели задание стрелять по выпрыгивающим из окон егерям не на поражение, а только для того, чтобы их обездвигить. Стреляли по ногам, чтобы после того, как пожар закончится, взять пленных. Но, к сожалению, никто из раненых егерей не выжил. Слишком высокая температура была возле горящих деревянных барачков. Да к тому же горящая краска стен распространяла такой смрад, что даже сейчас дышать вблизи пожарища невозможно.

Эйфория прапорщика была понятна, да и у меня от такого итога операции вылетели из головы последние неудачи. Такая мелочь по сравнению с тем, что удалось сделать, такими небольшими силами. Всё наше копошение с Кацем меркло перед тем свершением, которое удалось сделать этой ночью. Можно сказать, сегодня была уничтожена та сила, благодаря которой и стала возможной Октябрьская революция 1917 года. Конечно, не полностью уничтожена, но ослаблена весьма сильно. А если удастся накрыть егерей на хуторе «Лосиный остров» и взять координатора всего финского националистического подполья полковника Матюхинена, то можно будет перевести дух. У германского Генштаба уже не хватит ресурсов и времени, чтобы создать боеспособное подразделение, которое смогло бы развалить Российскую империю изнутри. Недовольных российской политикой много, а способных к решительным и грамотным действиям единицы. Профессиональные революционеры, конечно, есть, и они могут совершить даже крупный экс, но грамотно спланировать

операцию по захвату власти это вряд ли. К тому же если подобная операция будет гениально задумана, то где найдутся те силы, которые её смогут осуществить. Не революционные же матросы или дезертиры, у которых дисциплина, в общем-то, на нуле.

Мысль о полковнике Русской армии, который, по-видимому, является стержнем всей операции немецкого Генштаба, резанула по сердцу. Я понял причину тревоги, которая накатила на меня после допроса Фредди. Именно тогда подспудно возникла мысль, что этот полковник узнает, что великий князь остался жив, а направленное для его устранения подразделение егерей уничтожено. И он не просто остался жив и зализывает раны, а с небольшим количеством бойцов направился в имение «Липки», арестовывать его хозяина. Враг узнает всю эту секретную информацию именно от меня. Ведь это я поручил начальнику санитарного поезда как можно быстрее связаться со штабом Петроградского гарнизона, доложить о происшествии и потребовать немедленной помощи великому князю, который направился в гнездо финских сепаратистов в имение «Липки». Полковник Матюхинен как раз служил в штабе Петроградского гарнизона и вполне мог узнать о таком ЧП с санитарным поездом. Кто знает, какую должность он там занимает, а судя по званию полковник – далеко не последнюю. вполне может быть, что рапорт начальника санитарного поезда в первую очередь сообщили именно ему. В этой ситуации меня успокаивало только одно – быстро сообщить о происшествии начальник санитарного поезда не сможет. По крайней мере подробно. Телефонная связь на железнодорожной ветке, где было совершено нападение на санитарный поезд, отсутствовала. Первоначально я чуть не обматерил обходчика, который сказал, что телефонной связи с Петроградом на ближайших станциях нет. А сейчас я даже был благодарен властям, что они не удосужились протянуть телефонные провода вдоль этой малозначимой железной дороги. Это ведь не магистральный путь на Псков, а далее на Могилёв – конечный пункт санитарного поезда. Изменение прямого маршрута произошло по просьбе начальника санитарного поезда. На станции недалеко от Тосно требовалось прицепить к эшелону вагон с медицинским оборудованием и лекарствами. Этот вагон очень ждали в госпиталях Западного фронта. Дело было благое, а пятнадцатичасовая задержка моего появления в ставке ничего не решала. Вот санитарный поезд по этой причине и начал свой путь по однопутной железнодорожной ветке. Может быть, по этой причине Матюхинен и решил напасть на санитарный поезд на железнодорожном перегоне, где поезда ходили редко, охраны никакой, да и вызвать подмогу было невозможно.

Опытный и знающий враг засел в штабе Петроградского гарнизона. Он представлял реальную опасность не только для меня, но и для наших с Кацем планов. Его необходимо устранить любым путём и как можно быстрее. Я в уме произвёл расчёты, как быстро до Матюхинена дойдёт информация, что засада егерей провалилась, и у великого князя имеются пленные, которые при допросе могут вывести на него. В этих расчётах я отнёс телефонную связь, но вот телеграф допускал. При этом представлял, какой телетайп мог направить Павел Николаевич начальнику Петроградского гарнизона, сам диктовал слова: «Генералу Коболову срочно направить в имение Липки казаков для ликвидации крупной банды германских диверсантов – великий князь Михаил Александрович». Допустим, телетайпную ленту с этим сообщением читал и Матюхинен. Но там же не сказано, что великий князь подбирается к главным немецким агентам. И полковник, в общем-то, должен чувствовать себя в безопасности. И даже больше того, исходя из этого сообщения, он может надеяться, что великого князя всё-таки ликвидируют. Ведь Матюхинен знает, какое количество егерей сосредоточено в Липках, и почему бы ему не предполагать, что две полные роты хорошо обученных бойцов не раздавят нескольких телохранителей великого князя. Наверняка, когда Матюхинен планировал нападение на санитарный поезд, он выяснил, сколько людей сопровождает великого князя, и то, что у санитаров поезда нет ни одной даже захудалой берданки. Если исходить из этой логики, то Матюхинен дёргаться не будет, и можно в спокойном темпе заканчивать здесь все дела и двигать в Петроград, арестовывать и эту сволочь. Но гладко и идеально бывает только в мечтах, в реальности всё происходит по наихудшему варианту. Полковник, узнав о срыве операции, тормозит посылку помощи великому князю, а сам мчится на хутор «Лосиный остров», поднимать по тревоге находящихся там егерей. Когда я, пользуясь хорошими отношениями, установившимися с генералом Кобаловым, соберу боеспособные части Петроградского гарнизона, чтобы раздавить затаившихся недалеко от Выборга финских егерей, то получу в конечном итоге кровавую баню. Раздавить готовую к бою, хорошо обученную роту это тебе не фунт изюма скушать. Бой будет происходить в лесистой местности, хорошо знакомой финским егерям. А с нашей стороны будут действовать казаки – только они ещё более-менее боеспособны. Да и этих королей степей в Петербургском гарнизоне совсем немного. Хорошо, если мне пару сотен казаков выделят. И как такими силами ликвидировать хорошо умеющих воевать в лесистой местности егерей? Да никак их не уничтожишь – единственный вариант сохранить лицо, это организовать на

дорогах, ведущих в Петроград, заслоны и не дать вооружённым людям просочиться в столицу. Но на самом деле это будет как расписаться в своём полном бессилии. Как страусу, спрятать голову в песок, чтобы не видеть и не слышать надвигающуюся гибель. Ведь егеря и тот же самый Матюхинен никуда не испарятся, а, обойдя все эти заслоны, окажутся в Петрограде и продолжают осуществлять своё чёрное дело – развал Российской империи.

Эх, какой же я всё-таки дилетант, не способный действовать предусмотрительно. Какой бес попутал меня дать приказ слить весь бензин для поджога казарм егерей. Вон, даже прапорщик удивлялся – зачем тратить столько драгоценного топлива для поджога деревянных барачков. Перестраховщик, блин, долбаный! Всё боялся, что казармы сразу не займутся и часть егерей успеет выскочить из горящих зданий. А теперь из-за этого, имея автомобиль, я не могу выехать в Петербург, чтобы арестовать полковника Матюхинена. Вот же чёрт, темп теряется, темп!

Я взглянул на стоящего рядом с прапорщиком водителя спецгруппы и с надеждой спросил:

– Максим, а может быть, у тебя в заначке осталось хоть немного топлива? Нам кровь из носа нужно рано утром быть в Петрограде!

– Никак нет, государь, бензин по вашему приказу весь слили. В бензобаке осталось топлива, чтобы проехать не больше пяти вёрст.

Для активных действий оставалось последнее средство – телефон. Теперь только Кац мог помочь выбраться из всего этого дерьма. Во-первых, конечно, на «роллс-ройсе» отправить сюда несколько бачков с бензином (о канистрах в этом времени я не слышал). Во-вторых, задержать полковника Матюхинена. А вот это мой друг вряд ли сможет осуществить, ведь у него нет в подчинении спецгруппы. Это очередная наша с ним недоработка. Можно, конечно, обратиться к официальным властям, но в столице сейчас такой бардак, что, даже имея связи Каца в министерстве внутренних дел, это займёт столько времени, что Матюхинен спокойно успеет добраться до Выборга, вернуться с егерями и штурмом взять это министерство вместе с чиновниками, с которыми согласовывается его арест. Остаётся рекомендовать Кацу действовать неофициальным путём – обратиться за помощью к уголовникам. Он уже несколько раз пользовался услугами Семёна – одного из авторитетов преступного Петербурга. Вот пускай и в этот раз тот поспособствует в похищении полковника. Денег, конечно, этот Семён берёт много, но дело устранения Матюхинена того стоит. Тем более после обнаружения сейфа лесоторговца в трате денег на оперативные нужды, нет ограничений – можно не экономить. Одним словом, срочно нужно связываться с Кацем, наплевав, что сейчас половина шестого утра и

своими звонками я разбужу кучу людей. Ведь если его нет ни в Смольном, ни в моём особняке, то придётся посылать людей в его квартиру или даже в Гатчину.

Перед тем как звонить, я провёл инструктаж с прапорщиком, как ему сейчас организовать охрану периметра имения – следовало подумать и о собственной безопасности. Кто его знает, может быть, полковник Матюхинен настолько предусмотрителен, что, узнав о том, что великий князь направился в Липки, послал туда свою спецгруппу, чтобы наверняка прихлопнуть эту раздражающую его хозяев фигуру. Перед тем как разослать людей на охрану периметра, я приказал Хватову провести через полчаса общее построение бойцов спецгруппы и санитаров, перед которыми выступит великий князь. Из своего опыта армейской службы я знал, как поднимает дух и самооценку выступление, не взводного, конечно, а командира соединения перед принимавшими участие в операции бойцами. А если ещё за эту операцию тебе объявляется благодарность самим комбатом, то ты этим очень горд и в следующей операции будешь делать всё, чтобы батя был доволен своим бойцом. Вот и я хотел, чтобы ребята стремились, чтобы великий князь был доволен их службой и, кроме благодарности, хотел поощрить каждого материально. Благо теперь средства для этого были. В сейфе, кроме бумажных ассигнаций, я обнаружил и несколько мешочков с золотыми червонцами. Содержимое одного из мешочков я и хотел раздать ребятам. Чем не медаль золотой империял? В мешочке было сто золотых червонцев, так что каждому принявшему участие в операции полагалось больше чем по одной медали. Хи-хи, ха-ха, но за один золотой червонец можно было купить хорошую лошадь. И золотые червонцы, в отличие от бумажных денег, не были подвержены обесцениванию.

Оставшись один в кабинете, я первым делом достал из сейфа мешочек с золотыми червонцами и лишь потом занялся телефоном. Начинать свои звонки решил с места, где меньше всего мог потревожить спящих людей. И конечно, это был Смольный институт благородных девиц. Подражая разговорному стилю главного героя старого фильма о революции 1917 года, я, сняв трубку и покрутив специальную ручку, гаркнул в микрофон:

– Барышня, Смольный, пожалуйста!

Сквозь страшные помехи, иногда переходящие в жуткий визг, я услышал:

– Соединяю.

А когда мой слуховой аппарат был в извращённой форме изнасилован помехами, царившими в телефонных линиях того времени, раздался

человеческий голос:

– Смольный на проводе, мать твою!

Ну, кто ещё в этом времени мог так выражаться, разбуженный в 5–30 – конечно, мой друг. Вот это везение – с первой попытки вышел на Каца. Чтобы идентифицировать себя, ведь по голосу, искажённому помехами, было невозможно определить, кто есть кто, я прокричал прямо в микрофон:

– Имей свою, дешевле обойдётся!

Услышав в ответ изумлённый возглас Каца:

– Михась, это ты, что ли? Ты же должен быть в вагоне где-нибудь в районе Пскова!

Я ответил:

– Кому должен, всем прощаю! А если серьёзно, то хватит базарить! Я от тебя в тридцати вёрстах нахожусь. Почему – объясню потом при личной встрече. Карандаш и лист бумаги от тебя далеко?

– Да нет, лежат на столе, где телефон стоит.

– Тогда бери карандаш и записывай, что тебе в обязательном порядке нужно сделать. Во-первых, требуется срочно найти Григория, нашего водителя.

– А что его искать, он в соседней комнате дрыхнет. Намаялся бедолага – вчера, после того как тебя проводил, мы с ним до глубокой ночи по Питеру мотались, а сегодня в семь утра нужно в Шушары ехать. Туда подрядчики приезжают, которые будут заниматься оборудованием нашей базы. Так что ты сработал вместо будильника, всё равно через полчаса нужно было вставать.

– Подрядчиков сегодня побоку. Более важным и срочным делом придётся заняться. А в Шушары на пролётке отправь своего нового помощника – Ипполита. Жалованья ему положили много – вот пускай и утрясает все вопросы с подрядчиками.

– Так там главные вопросы будут денежные. Все требуют аванса, а Ипполит это не решит.

– Пусть обещает, что аванс будет выделен. Деньги я сегодня привезу. И не спрашивай, где взял – всё равно же по телефону отвечу, что из тумбочки. Как приеду, всё расскажу. Единственное могу сказать, что это напрямую завязано с теми делами, которые должен сделать ты. И не просто сделать, а очень быстро, с любыми затратами и жертвами.

– Да говори уже – не томи душу!

– Значит так – с Григорием едешь к твоему соседу Семёну. Берёшь с собой все имеющиеся деньги и подряжаешь его банду на одно грязное дело. Нужно похитить, а если не получится, ликвидировать полковника

Матюхинена. Записывай адрес, где он проживает. Нужно успеть застать его дома до того момента, как он отправится на службу. Эту операцию контролируй лично. Если Семёну и его людям будет мало привезённых тобой денег, то обещай, что скоро приедет великий князь, он и отдаст недостающую сумму. Можно даже золотыми червонцами.

– Откуда, Миш?..

– От верблюда! Я же тебе сказал, потом всё расскажу! Сейчас не нужно забивать себе голову всякой чушью. Ты лучше мою мысль улавливай, что нельзя допустить, чтобы с Матюхиным произошёл сбой. Если у Семёна и его людей не получится нейтрализовать полковника, то тогда тебе лично придётся пристрелить этого Матюхинена. Ну, или Григорий это сделает – главное, чтобы полковник не ушёл живой. От этого сейчас вся история России зависит. Ликвидируем его, и событий в октябре не будет. Я вычислил, что этот полковник является главным координатором силовой составляющей того переворота. Уберём его, и если даже больше ничего не сможем сделать, то октябрь просто перерастёт в свисток с мордобитием городских, воплями разных левых газет и отставками некоторых одиозных министров. Понял, Кац, сейчас только от тебя всё зависит! Я, к сожалению, никак не успеваю перехватить этого Матюхинена – надежда только на тебя.

– Во сколько этому полковнику нужно быть на службе? Да и вообще где он служит?

– Служит он в штабе генерала Кобалова. Я представления не имею, в каком отделе и каков график службы у этого полковника. Узнаешь сам – позвонив в штаб гарнизона. Можешь не конспирироваться и представиться тем, кто ты есть – секретарь великого князя Михаила Александровича. И кстати, Семёну тоже можешь сказать, что действуешь по поручению великого князя. И что если кто-нибудь из его людей засветится в ходе нападения на полковника русской армии, то великий князь его обязательно отмажет.

– Даже так? Неужели всё настолько серьёзно, что ты готов засветиться?

– Более чем! Поэтому и прошу тебя не экономить и действовать как можно быстрее!

– Понял, Михась, сейчас пойду будить Григория.

– И ещё, Кац, как только будет решён вопрос с полковником, ты сразу же отправляй «роллс-ройс» в имение «Липки». Запиши, как туда проехать.

Продиктовав местоположение имения, которое мне сообщил Максим, я продолжил:

– Пускай Григорий загрузит бензина литров тридцать и привезёт в имение. Наш «Боливар» почти сухой, поэтому я и не могу добраться до Питера, чтобы силами спецгруппы решить вопрос с Матюхиненом.

– Какой ещё «Боливар», ты там случаем не сбрендил?

– «Форд» я так называю. Бензин у него закончился, а тут, сам понимаешь, заправок днём с огнём не найдёшь.

– Так у вас в кузове целая бочка с бензином стояла! На таком количестве топлива можно до самого Могилёва добраться и не трястись в санитарном поезде.

– Да слава богу, что поехал на поезде и что эта бочка была! Ладно, Кац, приеду, всё расскажу. А сейчас давай делом займись. Часы-то тикают, и Матюхинен скоро проснётся. Всё, пока, до встречи!

Закончив беседу, я посмотрел на часы – было 5–40. Кац должен был успеть застать Матюхинена ещё в постели. От Смольного института доехать до Семёна – максимум десять минут. Трое приближённых Семёна, или, как он выражался, «шестёрок», жили с ним в одной большой квартире. На его сленге – малине. И, как правило, ночевал он там вместе со своей женщиной – шмарой на его жаргоне. Уговорить эту тёмную личность принять участие в любой незаконной аванюре было раз плюнуть – лишь бы был хороший навар (это опять выражение Семёна, или, как он себя называл, «Сэмэна»). И это уже было проверено несколькими делами, которые проворачивал Кац через этого «авторитета» (и опять это было выражение «Сэмэна»). Так что на обработку уголовного авторитета я закладывал двадцать минут. Ну и десять минут, чтобы добраться до квартиры Матюхинена. По этому хронометражу всё должно было получиться.

Глава 19

Время до назначенного мной общего построения бойцов спецгруппы и санитаров ещё было, и я решил посвятить его себе. А вернее, своему желудку. Он начинал требовать хоть какой-нибудь пищи. Приказать своему денщику раздобыть что-нибудь пожевать я не мог – Первухин охранял задержанных финнов. Пришлось самому заняться удовлетворением потребностей своего организма. Искать кухню я не стал. А зачем, если у меня перед глазами всё ещё стоял стол, за которым пировал арестованный лесоторговец. Богатый, надо сказать, стол, практически с не тронутыми закусками и фруктами. Все закуски я оценить не успел – времени дегустировать блюда, которыми потчевали лесоторговца, не было. Несколько бутербродов с двумя бокалами вкуснейшего морса – вот плата желудку, чтобы он успокоился. А затем я занялся настоящим делом – сколачиванием боевой группы, бойцы которой никогда не предадут своего командира и выполнят любой приказ. Санитары тоже входили в эти планы, но не в качестве бойцов спецгруппы, а как отдельная команда, которой я хотел поручить охрану этого имения. А что, место хорошее, достаточно близко от Петрограда, и вполне подходит для скрытного размещения пары эскадронов Дикой дивизии. А общее построение и поощрение людей за выполнение поставленной задачи, по моему разумению, и послужит задаче формирования преданных великому князю команд.

Несмотря на достигнутый успех, успокаиваться было ни в коем случае нельзя. В любом случае к 1917 году в столицу нужно было стянуть хотя бы несколько боеспособных и верных присяге подразделений. Предварительные мероприятия для этого уже проводились, и даже на моё имя была куплена земля вблизи посёлка Шушары. Но там я планировал разместить несколько подразделений из Осетинской пешей бригады. Всадников размещать слишком близко к мегаполису было чревато нарушением секретности. Не смогут джигиты несколько месяцев сидеть спокойно. Обязательно вляпаются в разборки с местными жителями. А вот если джигиты будут квартировать в имении, расположенном в тридцати верстах от Петрограда, любой скандал можно будет легко замять. И народ здесь не очень любопытный. Даже ближайший к имению сосед совершенно не знал, что творится за забором. Наверняка местные власти лесоторговцем прикормлены, и ни один чиновник не замечал, что на территории имения происходит концентрация неизвестно откуда взявшихся вооружённых

людей. Лапшу вешать можно на уши крестьян, что хозяин имения безвозмездно выделил землю Русской армии, а любой чиновник легко выяснит, что на территории «Липок» никакие воинские части не размещены. Предательство местных чиновников? Вряд ли. Скорее всего – взятки и подношения нужным людям. Вот этот вопрос я обязательно выясню при допросе лесоторговца. Кому и сколько нужно заплатить, чтобы вооружённые люди, сосредоточенные в большом количестве, не были заметны для властей. Светить и требовать наказания для этих чиновников я не собирался, наоборот, сам хотел платить, чтобы присланные мною части стали невидимыми для властей столицы и всяких там газетчиков.

Правовые основы занятия имения «Липки» меня особо не волновали. Хозяин имения служил интересам врагов империи – служил. Значит, его собственность нужно конфисковать. А всяким там родственникам арестованного лесоторговца, чтобы особо не возмущались, пообещать, что изъятое имущество будет в ведении государства до окончания войны. В конечном итоге суд решит, что делать с имуществом предателя, работавшего на Германию. Вот именно с такими мыслями я направился на улицу, где должно было быть общее построение. На втором этаже особняка оставался только мой денщик, который продолжал охранять задержанных. По пути я уже хозяйским взглядом оглядывал внутреннее убранство особняка и даже заглянул в несколько комнат на первом этаже. Встречающиеся домочадцы испуганно жались к стенам при моём приближении. Уже давно никто из обитателей дома не спал.

Общее построение бойцов спецгруппы и санитаров-добровольцев прошло, как я и планировал. Люди были поражены теми наградами, а вернее дарами, которые получили от великого князя. Теперь можно быть уверенным, что этих ребят не сможет распропагандировать против семьи Романовых ни один даже пламенный революционер. И также стало понятно, что после этих событий любой мой приказ этими людьми будет выполнен. Даже то, что я выдал бойцам спецгруппы в два раза больше имперялов, чем санитарам, тех не обидело. Они посчитали, что это заслуженно, и великий князь справедливый и щедрый государь. Так же подумали и бойцы спецгруппы, когда прапорщик Хватов получил золотых червонцев в два раза больше, чем любой из них. Решил я и вопрос формирования ещё одной команды. Даже не одной, а двух. Обе они состояли из бывших санитаров. Одна состоящая из четверых бывших санитаров, под командованием самого авторитетного из них фельдфебеля Букина. Эта группа оставалась в Липках и брала под охрану всё то, что имелось в имении. До прибытия в имение подразделений, присланных

мной, Букин подчинялся только распоряжениям секретаря великого князя Джонсона. Вторая группа отправлялась в Петроград и поступала в непосредственное подчинение Джонсона. Дислоцирована она будет в Смольном институте, и главная её задача – охрана этого здания и самого секретаря Джонсона. Командиром команды я назначил старшего унтер-офицера Фокина. Он входил в спецгруппу и проявил себя очень неплохо. Жалко было лишать спецгруппу такого бойца, но в такой обстановке оставлять Каца без всякого прикрытия я не мог. Оставить в Смольном только одних санитаров было бы смешно – как бойцы они были слабоваты. А вот Фокин в экстремальной ситуации действовал великолепно. Не зря мы его выбрали из многих претендентов в бойцы спецгруппы. И что немаловажно, он был не только быстр, решителен и сообразителен в быстротечных схватках, но и дисциплинирован и очень обязателен. Да и как командир отдельной группы он был хорош. Так что спецгруппа, конечно, теряла от убытия такого бойца, но что не сделаешь ради лучшего друга. Чтобы спецгруппа не потеряла хотя бы в численности, прапорщик по моему совету предложил стать её бойцом санитару – ефрейтору Кротову.

Когда мероприятие было закончено, я ещё несколько минут беседовал с прапорщиком, давал ему ЦУ. Потом подошел к стоящим поодаль сторожу и Спиридону. Они уже знали, что разговаривают с великим князем, братом императора и командиром известной даже здесь Дикой дивизии. Поэтому были очень подобострастны и воспринимали любое моё предложение как приказ. А предложил я им перейти ко мне на службу. И главное, чем они должны были заниматься, это контролировать появление незнакомых людей вблизи имения. Объяснил, что в Липках будут проходить переподготовку всадники из 2-го Кавалерийского корпуса, которым я сейчас командую, и германские шпионы наверняка будут вынюхивать, что творится в имении. Подозвав фельдфебеля Букина, я представил ему новых служащих, которые будут заниматься охраной внешнего периметра имения. Сторож и Спиридон были удивлены, когда я вспомнил, что обещал заплатить за содействие в проведении операции. А ещё больше они удивились, когда я заплатил в два раза больше, чем первоначально обещал. Одним словом, поддержка местного населения планам великого князя была обеспечена. Да и прислуга лесоторговца практически сразу, после беседы с прапорщиком, переметнулась к новым хозяевам. Это сделали все, но двоих я отбраковал. Они были финнами и, вполне вероятно, участвовали в делах своего хозяина. Женщину, которая ночью была с лесоторговцем, я оставил. Джигиты меньше будут рыскать по окрестностям, если рядом будет женщина лёгкого поведения. А когда я рассмотрел всю прислугу

лесоторговца, то заподозрил, что такая женщина здесь была не одна. Добавить ещё пару-тройку портовых девок, и получится среднего размера бордель. Вот мужик был всего один. Именно он привёл нас к спальням, где ночевали задержанные финны. Услугами этого нового работника великого князя я сразу же и воспользовался. Приказав Ивану найти дюжину пустых мешков и принести их в кабинет бывшего хозяина, я сам с чувством выполненной необходимой работы направился туда же.

Конечно же, после бессонной ночи и запредельных стрессовых нагрузок следовало бы отдохнуть – хоть немного поспать. Но я не мог – организм вошёл в такое состояние, что требовал действий. Вот я и решил занять его действиями – теми, которые не доверишь никому постороннему. Конечно же, это подготовка содержимого сейфа к перевозке. А проще сказать, раскладывание денег по мешкам для удобства их перемещения. Если посмотреть на это со стороны, то картина была ещё та – достойная мастеров создателей фильмов ужасов. А что – мужик в непонятной форме цвета хаки, стоя у раскрытого огромного сейфа, кидает в мешки, предназначенные для хранения картошки, пачки денежных купюр. Несколько мешков, заполненных на треть, стоят у стенки, они не завязаны, и в тусклом свете керосинки видны торчащие из них пачки купюр. Картина наполненных деньгами мешков, конечно, завораживала, но по мозгам били кровавые пятна на огромном голубом напольном ковре (в России в это время слово палас было неизвестно). Эти пятна складывались в кровавую дорожку, тянущуюся от разбитого окна к входной двери. Именно по такой траектории Кротов вытаскивал за ноги труп финна. Но вся эта ужасающая картина транспортировки трупа из кабинета не помешала мне, после того как разложил деньги в мешки и завязал их, устроиться на диване, укрывшись пледом, и попытаться отдохнуть. Я даже и не пытался уснуть, просто решил расслабиться и дать мышцам отдохнуть от физической нагрузки последних двенадцати часов. Сначала-то я расслабился и ни о чём не думал. А потом начал размышлять, что с поездкой в ставку придётся подождать. Нужно самому проконтролировать ликвидацию егерей, расквартированных на хуторе «Лосиный остров». Дело важное, а встреча с Николаем II никуда не уйдёт. Если удастся уничтожить егерей, затаившихся на хуторе под Выборгом, и раскрутить задержанных финнов на предмет коридоров, по которым переходят немецкие ставленники российско-шведскую границу, то это будет очень большое дело. Станет возможным перехватить основные силы тех, кто развалил Российскую империю. Когда я начал строить планы допросов задержанных финнов, организм не выдержал, мозг отключился, и я провалился в глубочайший сон.

Пробуждение было неожиданным и тревожным. Внутренний сторож подал сигнал опасности, и я, выхватив из потайной кобуры свой маленький револьвер, вскочил с дивана. Хорошо, что в комнате было уже светло, и я узнал роющегося в мешках, стоящих у стены, своего секретаря Джонсона. Внутренний сторож, пока я дрых, был начеку и охранял добытые, можно сказать, в бою, сумасшедшие даже для великого князя деньги. Выругавшись про себя, я воскликнул:

– Кац, ты охренел? Или тебе жизнь не дорога? Я же тебе рассказывал, что в армии меня научили сначала стрелять, а потом разбираться, правильно я это сделал или нет. Я сейчас в боевой обстановке и шлёпнул бы тебя на раз-два. Нет чтобы разбудил умаявшегося друга, а потом мы вместе бы посмотрели на это бабло. Нет, тебе зачем-то нужно было тихонько прокрасться и ворошить эти мешки. Зачем развязал все, тебе одного было мало?

– Михась, да ты меня сам заинтриговал рассказом о больших деньгах. Я, когда сюда ехал, только об этом и думал. Ты же сам знаешь, какое у нас положение с финансами – большая жопа, которая всё увеличивается в размерах. Когда ещё поступят деньги, обещанные английским послом? Обещанного, как говорится – три года ждут, а дела нужно делать уже сейчас. Хоть ты меня и обнадёжил по телефону, и я безропотно расплатился с Семёном, но страх оставить без финансирования все наши затеи довлел над моим рассудком. Я, когда увидел тебя спящим, честно скажу, хотел разбудить, но потом увидел стоящие у стены мешки и решил посмотреть, что в них.

– Ну что, посмотрел? Рассудок выдержал?

– Да он в осадок просто выпал! Если честно, я охреневаю! Такое впечатление, что ты не имение захватил, а крупный банк взял. В мешках лимон, наверное, не меньше?

– Меньше, Кац, меньше! Это сверху я накидал «катьки», а под ними в основном десятки и двадцатки. Ну, это ладно, ты лучше про главное скажи. Удалась операция с захватом полковника Матюхинена?

– Частично! Взять живым полковника не удалось. Шлёпнули Матюхинена. Как рассказал Семён, дверной замок вскрыли тихо, а когда зашли в квартиру, клиент не спал, зарядку делал. Когда увидел незнакомцев, сразу же бросился с гантелями на них, ну и словил маслину от Семёна. Я ожидал отчёта от Семёна об итогах работы, сидя в «роллс-ройсе» недалеко от подъезда Матюхинена. Семён вышел ко мне, чтобы сказать, что пленного не будет, а имеется только тело полковника, которое его ребята могут принести заказчику. Естественно, тело Матюхинена мне

не было нужно. Но так как ты настаивал, что если полковника пристрелят, обязательно убедиться, что он мёртв, я решил пойти вместе с Семёном в квартиру полковника. Глянуть, как исполнен твой заказ. Тем более всё было тихо, выстрелы не всполошили жильцов дома. При таких толстых стенах и больших квартирах там можно половину жильцов дома перестрелять – никто не услышит. Банда Семёна, конечно, напортичила, не захватив полковника живым, но всё остальное они сделали, как и договаривались. Как ты и просил, контрольный выстрел в голову полковника сделали. Я проверил документы жильца и убедился, что это именно тот человек, которого ты настоятельно просил устранить. Разрешив Семёну забирать в квартире всё что понравится, я расплатился и направился к «роллс-ройсу». Так что, Михась, дело сделано, и если убийство будут расследовать, то однозначно придут к выводу, что это типичный грабёж.

– Да жалко, что не удастся допросить Матюхинена! Этот полковник много знал. Ладно, будем работать с тем, что имеем.

– Михась, так что случилось? Безумный звонок, твой денщик с маузером, охраняющий вход в сокровищницу, валяющиеся на полу в коридоре связанные люди и ты, дрыхнувший на кожаном диване?

– Что-что! Повседневная жизнь великого князя, вот что! Это мы, аристократы, так развлекаемся, понятно, смерд?

Я хохотнул, а потом уже другим тоном продолжил:

– Серьёзные дела начались! По-видимому, мы своими действиями разворошили скрытую от глаз помойную кучу германского Генштаба. И на меня началась охота. Садись на диван, я тебе сейчас всё расскажу. Спешить пока некуда – полковник ликвидирован, до егерей под Выборгом сегодня добраться не успею. Так что слушай, какое дерьмо нам в этот раз предстоит вычерпать из трюма корабля под названием Российская империя.

Когда Кац устроился на диване, я начал рассказывать обо всех событиях, которые случились после нашего последнего разговора в «роллс-ройсе». При этом в рассказ вплетал свои догадки и предложения, что в этой ситуации нам нужно делать.

Не меньше часа мы с Кацем обсуждали нападение на санитарный поезд и последующий за этим рейд возмездия. Потом я повёл своего друга знакомить с его новым хозяйством и людьми, которые с сегодняшнего дня переходят в его подчинение. Эта ознакомительная экскурсия закончилась в столовой. Ни я, ни Кац ещё не завтракали, поэтому и решили – война войной, а питаться всё равно нужно. Трудно обсуждать важные проблемы на голодный желудок. Этот поздний завтрак вдохнул в меня жажду деятельности – хотелось немедленно оказаться в кабинете генерала

Кобалова и потребовать переподчинить мне несколько боеспособных подразделений Петроградского гарнизона для ликвидации крупной банды немецких диверсантов. Я был уверен, что Кобалов не откажет генерал-лейтенанту, командиру корпуса, а главное, брату императора. К тому же когда я с ним встречался, мы хорошо поговорили об угрозе империи со стороны германских наймитов, проникающих в столицу. Так что я мог сослаться, что мои источники выяснили, где скрывается большая группа немецких диверсантов. И генерал Кобалов обязан принять меры для её ликвидации.

Пришедшие во время этого завтрака мысли заставили меня пересмотреть своё решение не гнать лошадей и основательно подготовиться к ликвидации базы диверсантов на хуторе «Лосиный остров». Уверенность в том, что генерал Кобалов для этого выделит лучшие части, а именно казаков, умеющих воевать даже в тёмное время суток, привёл меня к выводу, что лучше всего напасть на егерей поздней ночью. Глядишь, и получится, как в Липках – у нас потерь нет, а егеря все уничтожены. Это стремление поймать удачу за хвост заставило меня отдать целую серию приказов с одной-единственной задачей – заканчивать со всеми делами и срочно выезжать в Петроград. После моих распоряжений всё закрутилось, как в каком-то водовороте. Слишком много нужно было сделать за ограниченное время. Один перенос мешков из кабинета и укладка их в «роллс-ройс» чего стоили. Много времени заняло и размещение задержанных в кузове «форда». Но наконец наша колонна, состоящая из двух автомобилей, тронулась в путь. Первым, как и положено, ехал в «роллс-ройсе» великий князь. По меркам этого времени, колонна из двух автомобилей гляделась очень солидно. Хорошо, что сторонние наблюдатели не видят, как в шикарном автомобиле разместился великий князь. А он сидел на заднем пассажирском сиденье, окружённый мешками. Водитель привёз в Липки слишком много бензина, и даже после заполнения бака «форда» в багажнике оставалось слишком мало места, чтобы разместить там все мешки с деньгами. Так что я передвигался, можно сказать, в банковском сейфе. Кац, как белый человек, ехал на переднем пассажирском кресле. Но это было моё желание – всё-таки хотелось побыть одному и постараться уснуть. Мешки этому способствовали, и я в этом очень быстро убедился. Подмяв под себя один из мешков, я через пять минут после начала движения уснул как младенец.

Проснулся от изменения темпа движения и от усилившейся тряски. Мы въехали в город, и пересечение трамвайных путей вызывало сотрясение всех внутренних частей автомобиля. Ну, соответственно, и

пассажиров. Наконец наша мини-колонна подъехала к штабу Петроградского гарнизона. Всё шло по плану – сначала высаживают меня, а затем оба автомобиля направляются в Смольный. Именно там пока будет размещаться спецгруппа, а в подвале сидеть в ожидании допросов задержанные. Деньги тоже будут храниться в сейфах Смольного, Кац получил ключи от всех трёх сейфов института благородных девиц. По словам моего друга, сейфы были дерьмовенькие, старой конструкции, но мы всё равно решили хранить деньги в своём штабе, а не доверяться банку. Большие суммы могли понадобиться в любой момент, к тому же в Смольном будут постоянно находиться вооружённые служащие КНП (Комитета по национальной политике).

В кабинет генерала Кобалова я направился сразу, без всякого согласования с адъютантом или дежурным по штабу. Звание и то, что я брат императора, не то чтобы это позволяли, а обязывали действовать без всяких согласований и предварительных переговоров. Никто бы не удивился, а тем паче возмутился, если бы я в кабинеты самых ответственных лиц империи входил неожиданно, открывая дверь ногой. Разговор с Кобаловым получился длительным, с вызовом в кабинет штабных офицеров, и не потому что генерал отказывался выделить в моё распоряжение подчиненные ему подразделения. Нет, всё было намного хуже на данный момент – обстрелянных подразделений у него просто-напросто не было. А те подразделения, которые предлагал генерал задействовать в операции, я отвергал. Разве можно было брать на серьёзную операцию какое-нибудь подразделение из 2-го пулемётного полка? Нет и ещё раз нет! Как я помнил из истории, именно этот полк в октябре 1917 года поддержал большевиков. Да и сейчас офицеров там не уважали, и дисциплина в полку была на низком уровне. Получалось, что в столице громадной империи с мощнейшей армией великий князь не мог найти несколько сотен обстрелянных и дисциплинированных бойцов. В ходе беседы с генералом Кобаловым я всё больше убеждался, насколько гнилое нутро у империи. Неудивительно, что произошли все эти революции 1917 года. Однозначно – элиту империи нужно было менять. И коренным образом, начиная со среднего звена управленческих кадров.

В конечном итоге я согласился с предложением Кобалова задействовать в операции батальон латышских стрелков. Ещё бы не согласиться, если как бонус мне генерал пообещал для гарантированного уничтожения германских ставленников выделить бронепоезд. Да если бы генерал сказал про него, когда предлагал использовать 2-й пулемётный полк, то я согласился бы и на эту нашпигованную большевиками

агитаторами часть. При такой огневой поддержке даже солдаты, ни разу не бывшие в бою и не привыкшие к дисциплине, смогут задавить роту подготовленных егерей. Постройки хутора «Лосиный остров» располагались от железной дороги в трёх верстах, а значит, были доступны для артиллерийского огня бронепоезда. Кроме бронепоезда, генерал выделил из своей конвойной полусотни две дюжины казаков под командованием вахмистра Долина. Я был этому очень рад – казаки были обстреляны и попали в штабную охрану из госпиталей. Но подарки от генерала на этом не закончились – он согласился с моим предложением использовать в операции юнкеров офицерской школы в Ораниенбауме. Правда, на данный момент их было немного – даже одной роты не сформируешь. Но я и этому был рад. Вырисовывалась очень неплохая группировка – казаки и разведка, латышские стрелки – ударная сила, юнкера и спецгруппа находятся в резерве, ну а бронепоезд – огневая поддержка. Такими силами полк можно стреножить, не говоря уже о роте егерей.

Готовился я к крупной операции, но даже при этом была надежда, что и в этот раз обойдётся без большой крови с нашей стороны. Казаки ночью нагрянут на базу егерей и устроят там то же самое, что сотворила спецгруппа в Липках. Надежда-то надеждой, но я всё равно готовился к большой войсковой операции. Но ради этой надежды я полчаса беседовал с вызванным к генералу Кобалову вахмистром Долиным. Рассказал ему об операции, проведённой спецгруппой в имении «Липки», и рекомендовал казакам воспользоваться этим опытом.

В голове всё складывалось вроде бы гладко, вот только одно нарушало мой план. А именно то, что бронепоезд ориентировочно прибывал в Петроград только в два-три часа ночи. Бронепоезд был новый, и его готовили к отправке на фронт. А значит, шло интенсивное обучение команды, и в первую очередь артиллеристов. И естественно, это было на полигоне. В Петроград бронепоезд возвращался для получения боеприпасов, продовольствия и последнего перед отправкой на фронт технического осмотра. То есть он убывал из подчинения генерала Кобалова. Может быть, и по этой причине мне с такой лёгкостью удалось привлечь для выполнения, в общем-то, элементарной боевой задачи такое мощное средство, как бронепоезд. Но как бы там ни было, мне его обещали, но только на одни сутки. Вот что тут делать? Отказаться от бронепоезда с его мощной артиллерией я не мог – там было две шестидюймовых и четыре трёхдюймовых пушки. Силища для уничтожения всего лишь роты егерей неимоверная. Но если делать ставку

на бронепоезд, то мечту о бескровном проведении операции нужно забыть.

Если бронепоезд прибудет в Петроград в три часа ночи и немедленно отправится на выполнение задания, то в нужное место, расположенное недалеко от Выборга, он прибудет только часов в девять, не раньше. В это время начинать операцию означает проводить полноценный бой с егерями. Фактор внезапности будет утерян, и не факт, что егерей удасться наглухо заблокировать. Опытные солдаты, поняв, что за них взялись всерьёз, к тому же применяют артиллерию, прорвут оцепление и растворятся в бескрайних просторах Финляндского княжества. Задача не будет выполнена, и все мои благие намерения и усилия не только будудт потрачены зря, но и сыграют против наших с Кацем планов. Враг будет предупреждён, а значит, поменяет методы действия и нанесёт удар там, где мы и не предполагаем. Это нам надо? Конечно, нет. Вот поэтому я и пришёл к мысли, что начинать операцию будем сегодня ночью силами латышских стрелков и казаков вахмистра Долина. А если что-то будет не так и разгорится полноценный бой, то прибывший бронепоезд с резервными группами поставят свою жирную точку в этом противостоянии.

Очередной раз поменяв план действий, я начал действовать, приняв новые вводные. С казацким вахмистром я уже беседовал, теперь нужно было поговорить с командиром батальона латышских стрелков, штабс-капитаном Юрисом Озолиньшем. Он уже, по распоряжению генерала Кобалова, прибыл и находился в приёмной. Я, как истинный великий князь, бесцеремонно использовал кабинет Кобалова как свой. А сам генерал был, можно сказать, у меня на побегушках. С командиром батальона латышских стрелков я беседовал не очень долго, меньше чем с вахмистром. А что, спрашивается, объяснять немногословному профессионалу? Задача простейшая – к назначенному времени прибыть в указанную на карте точку, незаметно окружить хутор «Лосиный остров» с находящейся там большой бандой террористов, и если группе казаков не удасться их нейтрализовать, то заблокировать хутор и ждать подхода резервов, во главе с великим князем. Задачу атаковать егерей я перед штабс-капитаном Озолиньшем не ставил – не хотел больших потерь среди не обстрелянных латышских стрелков. А зачем? Главное было заблокировать егерей на хуторе, а потом прибудет бронепоезд и сровняет эту базу финских террористов с землёй. Главное было, чтобы до прибытия бронепоезда егеря не разбежались, как тараканы. А с этой задачей батальон латышских стрелков, численностью в 570 человек, должен был справиться. Это же не в атаку идти на хорошо подготовленных бойцов. Всё намного проще – сиди себе в укрытии и постреливай в сторону егерей. Вот казакам предстояло

действительно сложное дело. Но бойцы они хорошие, обстрелянные, и я надеялся, что воинская удача будет на их стороне. О латышских стрелках я знал, что эти части поддерживали Октябрьскую революцию, и особо не доверял латышу. Поэтому и не сказал Озолиньшу, что в операции будет принимать участие бронепоезд. Он и возьмёт на себя функцию карающего меча императора. Не знал я латыша, вдруг он, намолчавшись здесь, распустил язык со своими земляками, и эта информация достигнет ушей командира егерей, и тогда ищи их по всему Финляндскому княжеству.

Все вопросы по обеспечению операции железнодорожным транспортом, боеприпасами и прочие материально-технические вопросы взял на себя генерал Кобалов. При мне он связался по телефону с начальником офицерской школы в Ораниенбауме, генералом Филатовым. Тот непосредственно не подчинялся генералу Кобалову и не хотел, чтобы его воспитанники приняли участие в силовой операции, проводимой Петроградским гарнизоном. Но после того как с Филатовым переговорил великий князь, вопрос был решён. Вот только на данный момент в школе было мало юнкеров (три роты на месяц были направлены в Тулу). Поэтому на сборный пункт должно было прибыть 73 человека под командованием поручика Симонова. Наконец, все вопросы были решены. Маховик подготовки операции начал набирать обороты. А я, пожав руку генералу Кобалову, наконец, смог покинуть штаб Петербургского гарнизона. «Роллс-ройс» уже давно ожидал меня у входа, рядом с «Руссо-Балтом» генерала Кобалова. Кстати, про полковника Матюхинена я ничего не сказал его непосредственному начальнику, генералу Кобалову. Накануне операции тыкать носом в дерьмо человека, от которого многое зависело, не стоило.

Глава 20

Бронепоезд прибыл даже несколько раньше, чем мне было обещано. Хорошо, что я приехал на этот железнодорожный тупик в час, а не в два часа, как убеждал меня Кац. Это он привык, что всё происходит по расписанию, и зачем мучиться в ожидании, когда это время можно провести с пользой, в удобном мягком кресле. А то, что я собираюсь в неизвестность и что мне просто необходимо оценить людей, которые пойдут вместе со мной и, вполне вероятно, в бой, об этом он даже и не думал. А я хотел пообщаться перед прибытием бронепоезда с командиром курсантов офицерской школы, поручиком Симоновым. Эти юнкера, которых я по привычке называл курсантами, должны были явиться на место, куда прибывает бронепоезд, в час ночи. Вот и я к этому времени на «роллс-ройсе», сопровождаемый спецгруппой, разместившейся в кузове «форда», прибыл на место сбора. И сразу же, как подъехал, увидел начинающих строиться в шеренгу людей. Это, несомненно, были подчинённые поручика Симонова, и моё появление не было для них неожиданностью. Про себя чертыхнувшись, я выбрался из «роллс-ройса» и направился к уже выстроившимся в две шеренги юнкерам. Не это я хотел увидеть. Я-то думал, что приеду раньше курсантов и буду наблюдать, как они подходят к месту сбора. Дисциплинированно, строем или бесформенной толпой. А это был бы хороший показатель качества командиров – в какой степени на них можно рассчитывать в предстоящей операции. Конечно, прибытие юнкеров раньше положенного времени и то, что был выставлен дозорный, который отслеживал окружающую местность (об этом говорил факт, что подъехать незамеченными не удалось), показывал, что командовал ребятами грамотный офицер. Вот с такими мыслями я и направился к уже выстроившемуся по ранжиру строю.

Любо-дорого было посмотреть на ровные шеренги юнкеров из школы прапорщиков. Но больше всего меня поразили сумки с противогазами, имеющиеся у каждого стоящего в строю. Это была редкость, тем более в Петроградском гарнизоне. Факт того, что у присланных в моё распоряжение бойцов имелись в наличии даже противогазы, меня порадовал. Значит, и всё остальное связанное с материально-техническим обеспечением у юнкеров хорошо. Командование не просто так направило их на операцию, лишь бы отделаться от великого князя, а обеспечило юнкеров всем необходимым, что обязаны были иметь бойцы во время

современного боя. Поздоровавшись с юнкерами, я перед строем довёл задачу предстоящего рейда и то, что предстоит нейтрализовать хорошо подготовленную германцами роту финских егерей. Сказал и то, что юнкера совместно со спецгруппой великого князя являются резервом в предстоящей операции. Основную задачу по ликвидации егерей возьмёт на себя батальон латышских стрелков. После своей краткой речи я скомандовал «вольно» и пригласил командира юнкеров поручика Симонова на своеобразное совещание в кабине «роллс-ройса». В этом совещании принял участие и прапорщик Хватов. Водителя я выпроводил из салона, поручив ему охрану периметра вокруг места проведения совещания офицеров. Согласование действий спецгруппы и будущих прапорщиков продлилось до прибытия бронепоезда.

Командир бронепоезда капитан Овечкин уже знал, что поступает в распоряжение великого князя. И то, что бронепоезду предстоит принять участие в боевой операции, проводимой генерал-лейтенантом. Поэтому особо распинаться перед ним не пришлось. Пока прицеплялись к бронепоезду два пассажирских вагона для размещения юнкеров и бойцов спецгруппы, я довёл до капитана задачи бронепоезда и передал ему карту предстоящего театра боевых действий. В общем-то, капитану всё было понятно, но он меня сильно озадачил, заявив:

– Господин генерал-лейтенант, задача понятна, но вот как её выполнить, не ясно. На полигоне мы расстреляли практически все снаряды. На данный момент имеется 12 снарядов для трёхдюймовок и два для шестидюймовых пушек. Только химические снаряды имеются с избытком. Как прицепили к бронепоезду целый вагон с этим боеприпасом, так мы и таскаем его за собой. Хотя даже на полигоне не стреляли химическими бомбами. К тому же они предназначены только для шестидюймовых пушек. Требуется заехать на артсклад, загрузить снаряды и только после этого следовать к Выборгу, ровнять с землёй этот хутор с засевшими в нём германскими наймитами.

Озвученные капитаном причины невозможности немедленно следовать к хутору «Лосиный остров» ввели меня чуть ли не в шоковое состояние. Ещё бы, весь план горел синим пламенем. И, в общем-то, причины задержки были железобетонны – бронепоезд без боеприпасов это груда самодвижущегося железа, способная уничтожить егерей, только если те безропотно улягутся на рельсы. Мечущийся в бессильной ярости рассудок судорожно искал выход. Наконец, зацепившись за информацию, что в бронепоезде имеется в достаточном количестве химических снарядов, выдал свой вердикт: «Глушим гадов химией. Может быть, бомбы с ипритом»

даже лучше, чем шестидюймовые “чемоданы”, не настолько уж и смертоносные в условиях болотистой местности. А против иприта болото, впрочем, как и окопы, не спасет. У егерей, квартирующих на хуторе, наверняка нет противогазов. Вряд ли они оснащены лучше, чем те, которых сжёг Хватов в имении, а там никаких противогазов не было и в помине».

Решив, что ни в коем случае нельзя задерживаться в Петрограде и что вполне можно обойтись и химическими снарядами, я на всякий случай спросил у командира бронепоезда:

– Капитан, а хватит этих самых химических снарядов, чтобы уничтожить, допустим, двести егерей в болотистой местности?

– Да, имеющихся химических бомб хватит, чтобы отравить полк, засевший в укрепрайоне, лишь бы у противника не было современных противогазов.

– Тогда не будем терять времени и откладывать операцию. Вроде бы вагоны к бронепоезду прицепили. Давайте всё проверьте и командуйте отправление.

Капитан, козырнув, удалился выполнять поручение. А я наконец вздохнул – всё, кости брошены, теперь поздно что-либо менять. От всей этой нервотрёпки последних полутора суток меня даже повело, когда я встал, чтобы пойти проконтролировать, как выполняются мои распоряжения. Физических сил держаться уже не осталось, и я решил больше не насиловать организм, а дать ему возможность передохнуть. Я разговаривал с Овечкиным в единственном месте на бронепоезде, где можно было уединиться, – в его кабинете размером с купе, который одновременно являлся и кубриком капитана. По крайней мере, полка, на которой был постелен матрас, там была. У меня уже не было сил идти в спальный вагон, прицепленный к бронепоезду, где мой денщик наверняка уже подготовил купе для отдыха великого князя. Да и лёгкий ужин он наверняка уже приготовил. Но я чувствовал, что просто-напросто не дойду, сил уже не было – свалюсь, когда буду спускаться по довольно крутой лестнице бронепоезда. Вот будет позор. Весь наработанный мной имидж великого князя пойдёт насмарку. Думая так, я всё-таки поднялся, но сдвинулся только на один шаг, как раз до полки, на которой лежал матрас. Не раздеваясь, сняв только планшетку и ремень с кобурой, которые, еле дотянувшись, положил на стол, после чего, можно сказать, рухнул на спальное место Овечкина.

Отключился я качественно, хотя и почувствовал, что кто-то открывал дверь, но сил, чтобы посмотреть, кто это, не было. Сквозь сон почувствовал, что бронепоезд начал движение, но это только окончательно

меня убаюкало. Пробудился сам, от того, что перестук колёс и покачивание прекратились. Открыл глаза и увидел, что уже светло, и мы стоим. А буквально через минуту дверь открылась, и появился капитан Овечкин. Он явно обрадовался, что застал меня сидящим и смотрящим в окно. Слегка заикаясь, он доложил:

– В-ваше высочество, д-двое к-казаков, в-видно н-недавно в-вышедшие из б-боя, т-требуют к-командира.

Стало понятно, капитан волновался – ведь до этого я не замечал, чтобы он заикался. Но услышав слова командира бронепоезда, я и сам заволновался. Ещё бы – казаки, недавно вышедшие из боя, и это вблизи места проведения операции. Надевая ремень с кобурой, я уточнил у Овечкина:

– Капитан, мы сейчас далеко от станции назначения?

– Никак нет! Пять вёрст осталось.

Услышав это, я тут же скомандовал:

– Пойдёмте, капитан, покажите мне этих казаков. И пошлите связного в прицепленные вагоны, передать мой приказ – пусть все выгружаются, а прапорщику Хватову выслать разведывательную группу в сторону станции, куда прибыл эшелон с латышскими стрелками.

Остановившие бронепоезд казаки находились уже в штабном бронеемкости. Когда я их увидел, сердце тоскливо сжалось, одного казака я узнал. Молодой парень запомнился мне на построении, устроенном вахмистром, чтобы показать бойцов, отправляющихся на выполнение задания великого князя. Слишком непокорные у него были кудри – выбивались из-под фуражки. Сейчас на нём фуражки не было, а из блондина и щёголя, по понятиям этого времени, он превратился в ободранное чмо с волосами цвета свежего навоза. Тогда этот парень произвёл на меня впечатление светящейся в зеленовато-карих глазах, еле сдерживаемой энергией. Я даже спросил у вахмистра, как зовут этого удалца. Имя Сергей я запомнил. Товарищ Сергея был тоже без фуражки и без оружия, такой же грязный и оборванный. Непонятно, по какому признаку капитан сделал вывод, что казаки недавно вышли из боя. По их виду можно подумать, что они, находясь в запое, неделю шатались по лесу, периодически падая в грязные лужи, покрытые ряской. Но я знаю, что это не так, они только вчера отправились на операцию, и случилось что-то ужасное, если они в таком виде и рядом нет их вахмистра. Понятно, что операция пошла как-то не так и рейд казаков провалился. Чтобы выяснить этот главный для себя вопрос, я спросил:

– Сергей, что случилось? Где вахмистр?

Знание великим князем имени рядового казака произвело определённое впечатление. И не только на самих станичников, но и на офицеров бронепоезда, находившихся в этот момент в штабном броневагоне. Сергей перестал нервно подёргивать край своей рваной бекешы и вполне адекватным голосом доложил:

– Латыши взбунтовались! Когда эшелон прибыл на станцию, нас разоружили, а во время начавшейся после этого потасовки латышский офицер застрелил из револьвера вахмистра и ещё троих наших ребят. Остальных латыши скрутили. У них и самих началась склока. Я слышал несколько выстрелов и видел, как загнали в стоящий рядом с путями сарай десятка два латышских стрелков. А потом нас связанных погрузили на подводы и повезли. Ехали мы посередине колонны латышского батальона. Кроме этого, к каждой телеге была приставлена охрана. Больше половины батальона было в этой колонне. Не больше роты осталось охранять станцию и брошенных в сарай латышей. Когда ехали, возница, местная сволочь, нехристь проклятая, чухонец вонючий, всё ругался. Грозился, что когда доберёмся до хутора, лично вобьёт в жопу каждого казака по осиновому колу. Сволочь, по-русски еле балакает, а матом так и сыплет.

Чувство неправильности отданного приказа о направлении разведчиков на станцию, резануло по сердцу, и я, оборвав доклад казака словами:

– Подожди, Сергей, доложишь чуть позже.

Метнулся к выходу из броневагона. Слава богу, Хватов ещё не отослал разведчиков. Он стоял неподалёку и давал вводную трём бойцам спецгруппы. Я, не спускаясь на железнодорожную насыпь, просто распахнув бронированную дверь, громко крикнул:

– Прапорщик, отставить разведку! Быстро ко мне!

Когда Хватов подошёл, я уже более спокойным голосом распорядился:

– Разведгруппу на станцию не посылать, там противник и можно себя обнаружить. Расставить бойцов по периметру для охраны, и ждать дальнейших приказаний.

Слегка успокоенный, я вернулся в штабной отсек и, как будто ничего не произошло, распорядился:

– Прохоров (заместитель командира бронепоезда), прикажите подать сюда чаю, для меня и станичников.

А затем, обращаясь уже к молодому казаку, сказал:

– Слушай, Сергей, я так и не понял, как вам удалось освободиться? Ты же говоришь, вас связали, и когда везли на телеге, рядом с нею шла охрана.

– Так у меня ножик за голенищем был, и его латыши не нашли. Петька

вытащил его зубами и смог разрезать верёвку, которой были связаны мои руки. Ну а потом я незаметно освободил остальных ребят. Когда мы доехали до какого-то озерца и стали видны строения хутора, Захар, которому я передал нож, заколол возницу. И мы сиганули в это самое озеро. Хорошо, что охранники шли, чтобы загораживать направление, ведущее в лес. Нам вслед латыши открыли огонь, им ответил Захар, который захватил винтовку возницы. Завязалась перестрелка, и это дало возможность всем, кроме Захара, добежать до озера и переплыть его. Берег был настолько вязкий, что даже я еле выбрался на сушу. Помогло лежащее в этом болоте дерево. А вот Циле и Кнуту не повезло – подстрелили их латыши. Утопили мои друзья в этом вонючем болоте. Петрович под градом пуль, цепляясь за это же валяющееся дерево, выбрался на берег и вслед за мной ломанулся в кустарник. Кусты были с шипами, рвали одежду и впивались в кожу, но зато они были густые и укрыли нас от глаз латышских стрелков. Потом была пробежка по бурелому, и наконец мы выбрались на железнодорожную насыпь. Идти к станции было нельзя, вот мы и направились в сторону Петрограда. А тут появился бронепоезд. Мы как его увидели, так и начали махать руками, чтобы машинист нас заметил и остановился. Нужно было предупредить о мятеже батальона латышских стрелков.

После рассказа Сергея я молчал, наверное, целую минуту, переваривая полученную информацию, а затем начал отдавать распоряжения. И первое отдал именно молодому казаку, сказав:

– Сергей, ты помнишь место, где вы вышли из леса на полотно железной дороги? Сможешь оттуда довести меня до озера?

– Так точно, ваше высочество!

Обращаясь уже к командиру бронепоезда, снова пришедшему в штабной бронеотсек, я приказал:

– Павел Александрович, распорядитесь, чтобы станичников проводили до кабины паровоза и машинист доехал до того места, которое укажут казаки. И пошлите кого-нибудь, чтобы передали мой приказ поручику Симонову и прапорщику Хватову, чтобы их подчиненные срочно возвращались в вагоны. При следующей остановке бронепоезда их командам следует быть готовым совершить марш-бросок.

Штабс-капитан козырнул и уже сам начал отдавать команды своим подчиненным. Я дождался, когда казаки, сопровождаемые старшим унтер-офицером, вышли из штабного бронеотсека, и вновь озадачил Овечкина, приказав:

– Павел Александрович, объявляйте тревогу по бронепоезду с пятиминутной готовностью начала открытия огня. Стрелять будем

снарядами, начиненными ипритом, поэтому пусть ваши офицеры проследят, чтобы противогазы были под рукой у всех находящихся на бронепоезде. Огонь вести будем не по площадям, а пользуясь корректировкой с наблюдательного пункта, устроенного в пределах видимости хутора «Лосиный остров». Поэтому подготовьте всё для быстрого развёртывания полевой телефонной линии. И подберите грамотного офицера артиллериста, который будет заниматься корректировкой огня.

Я не стал наблюдать за начавшейся после моих слов суетой, а подойдя к смотровой щели, стал всматриваться в окружающий пейзаж. Как будто мог сквозь лесной массив увидеть этот чёртовый хутор и врагов, наверняка готовящихся устроить горячий прием великому князю. Командир батальона латышских стрелков знал, что операция проводится по инициативе и под командованием великого князя. И то, что он обязательно прибудет, чтобы проконтролировать её ход. Он только не знал, что великий князь приедет на бронепоезде и не к обеду, а в девять часов утра. Когда я беседовал со штабс-капитаном Юрисом Озолиньшем, то обещал ему, что обязательно прибуду, но не раньше чем в два-три часа дня. Я действительно тогда так думал, ведь первоначально мне говорили, что, скорее всего бронепоезд прибудет в пять-шесть часов утра. Это уже потом, после отправки телетайпа штабс-капитану Овечкину с приказом поторопиться, мне доложили, что бронепоезд прибудет в два часа ночи. Так что удача за меня, а вот собственные поступки нет. Вот какого чёрта я согласился использовать в операции батальон латышских стрелков? Знал же, что они ненадёжны и являлись одной из опор власти большевиков. Что латыши не меньше финнов мечтали избавиться от российской монархии и обрести независимость. Да флаг им в руки, если бы они вместе с прочими пшеками не раскачивали лодку Российской империи. Сначала при Александре Невском, потом при нашествии Наполеона, затем в октябре 1917 года. Идиоты не понимают, что когда большие дядьки бодаются, то прежде всего думают о своей безопасности и обеспечении предполья. Да и вообще сволочи они, с удовольствием сосут титьку России, а так и норовят нагадить ей в подол.

Размышлял я на отвлечённые, можно сказать, философские темы минут десять, пока бронепоезд не тронулся. Тогда мысль перескочила на конкретную проблему – ликвидацию егерской угрозы. Была егерской, пока я не влез в это дело, а теперь к этому добавились и латышские стрелки. Вот же чёрт – чем глубже влезаешь в дерьмо, тем быстрее оно прибывает. Моё клевание себя продлилось недолго – бронепоезд прополз не более полутора

вёрст и остановился. Наступило время исправлять собственные ошибки. Я оторвался от смотровой щели и направился к выходу из штабного броневана. Но перед этим бросил штабс-капитану:

– Павел Александрович, я у вагона юнкеров буду. Связистов и корректировщика присылайте туда. Перед началом нашей химической атаки я с вами свяжусь по телефону с наблюдательного пункта. Кстати, можете передать артиллеристам, что если они сработают хорошо и будут держать высокий темп огня, то великий князь обещает им награду.

Я действительно собирался выдать каждому отличившемуся по золотому червонцу. Для этого прихватил с собой на операцию два мешочка с имперIALами. Мой денщик положил их к себе в вещмешок. Доверял я Диме, заслужил он это, надёжный и преданный оказался человек. И что странно для денщика, ещё и любитель повоевать. Не денщик, а лихой казак, ей-богу.

Когда распахнул бронированный люк, взгляд сразу же упёрся в Сергея, он вместе с другим казаком и старшим унтер-офицером уже стояли у лестницы, ведущей к люку броневана. Быстро спустившись вниз, на щёбёночное полотно железной дороги, я спросил:

– Ну что, станичники, нашли место, где вышли к «железке»?

Первым ответил Сергей. Он выкрикнул:

– Так точно, ваше высочество! Вон там, где лежит сломанная берёза. Видите, на ветке ещё клочок от моей бекешки остался. От этой берёзы до озера версты две, не больше.

– Хорошо, Сергей, сейчас связисты подойдут, и проводите нас к этому озеру. Унтер-офицер, вы можете быть свободны. А вы, станичники, ждите, когда я закончу все дела.

По существу, дело было одно – отправить бойцов спецгруппы и юнкеров зачистить станцию от оставшихся там мятежников. Бойцы Симонова и Хватова уже выбрались из вагонов, и сейчас в их толпе происходило броуновское движение. Как правило, так всегда было, когда два подразделения смешивались, а потом следовала команда на построение. По-видимому, такая команда уже была дана, ведь командиры знали, что вскоре должен подойти великий князь. Я и направился к формирующемуся строю моего резерва, ставшего теперь основной силой. Конечно, не считая бронепоезда, но это я уже считал подарком Бога, а не собственных организаторских талантов. Выступить перед строем я не стал, а, подозвав Симонова и Хватова, поставил перед ними задачу – зачистить станцию от мятежников. При этом общее руководство будет за поручиком, а разведкой занимается прапорщик. Временем начала операции должен послужить

первый артиллерийский выстрел. На станции, расположенной примерно в трёх верстах от стреляющего бронепоезда, звуки канонады должны быть хорошо слышны.

Бойцы спецгруппы вышли первыми, за ними потянулась колонна юнкеров. Ещё не все прошли, а я уже формировал новую команду. В неё вошли семеро стрелков из команды бронепоезда и двое казаков. Командиром этой группы я назначил старшего унтер-офицера Прибылова. Понравился мне этот человек своей исполнительностью. Приказал ему Овечкин найти вместе с казаками место их выхода из леса к железной дороге, и тот без дополнительных вопросов и уточнений выполнил всё в лучшем виде. Задача у вновь сформированной группы была разведка и пехотное прикрытие корректировщика.

Ещё колонна юнкеров не скрылась из вида, как наша команда вышла в путь. Я тоже решил принять участие в размещении корректировщика. Слишком многое зависело от работы бронепоезда. Кроме этого, сработало и обычное любопытство, замешанное на том, что я физически не мог спокойно сидеть и не видеть результатов своей деятельности. К озерцу, которое переплыли казаки, мы вышли довольно быстро, но НП делать там не стали. Неудобно, и того, что творится на хуторе, не видно. Удобное место нашли метрах в трёхстах, а вернее в трёхстах саженьях, именно так выразился наш корректировщик, поручик Поклонский. С этой высотки отлично просматривался хутор. В бинокль я разглядел даже пот на лице у одного из латышских стрелков. Он с напарником кололи дрова. Вообще-то, может быть, это был и егерь. Форма у множества снующих людей была одна, вот только оружие разное. У латышских стрелков трёхлинейки со штыками, а у егерей укороченные «мосинки». Если бы я ещё в Петрограде не видел, чем вооружены латышские стрелки, то, увидев панораму хутора «Лосиный остров», сразу бы догадался – где финны, а где латыши. Солдат, вооружённых винтовками со штыком, было больше. Как раз человек четыреста, что согласовывалось с информацией, которую сообщили убежавшие от мятежников казаки.

Разглядывая громадную поляну, где сновали вооруженные люди, мне стало понятно, что это оживление перед построением. Уже видны были отдельно стоящие офицеры, и броуновское движение солдат начало приобретать осмысленность. Люди со штыками на винтовках начали группироваться напротив меня, а егеря ближе к строениям хутора. В костры перестали подбрасывать дрова, а котлы начали убирать. Утренний приём пищи был закончен и, по-видимому, скоро будет общее построение и постановка задач обоим подразделениям. И скорее всего, это захват или

уничтожение прибывающего с резервом великого князя.

Моё внимание привлекло осмысленное движение группы людей. А когда они подошли к огороженной частоколом небольшой площадке, я чуть не ахнул. Там находились связанные казаки – человек десять, не меньше. Некоторые сидели прямо на земле, а большинство лежало со связанными за спиной руками. Только приглядевшись, можно было это увидеть через просветы в частоколе. Поэтому я пленных казаков сразу не разглядел. А про площадку подумал, что это своеобразный загон для каких-нибудь домашних животных. А оказывается, вон для чего егерями используется этот загон. Но вскоре мне стало не для анализа качества своих наблюдений. Дикая злоба захлестнула всё моё существо, я, уже себя не контролируя, выкрикнул:

– Поручик, немедленно связывайтесь с бронепоездом и командуйте открыть огонь!

Поклонский, оторвавшись от блокнота, в котором он карандашом что-то записывал, по-видимому, производя какие-то вычисления, изумлённо на меня посмотрел и, как нерадивый школяр, ответил:

– Государь, тут осталось совсем немного, и через минуту я буду готов корректировать огонь бронепоезда.

Ну что тут можно было сказать специалисту – в приказном порядке настоять на своём? И чего я этим добьюсь? Ясно же, что снаряды лягут неточно и только переполошат врагов. А это были стопроцентные враги и сейчас они убивали казаков. Да, вот именно – организованная группа была направлена, чтобы убить моих братьев-казаков за то, что они были верны присяге. А нарушившие клятву верности императору, по крайней мере, латышские стрелки, сейчас штыками закалывали казаков. Ну ничего, скоро мы отомстим за ребят. Успокоив себя этой мыслью, я ответил Полонскому:

– Считайте, считайте, поручик. Удар должен быть неожиданным и точным, чтобы эти гады не успели разбежаться!

Смотреть в бинокль на то, как убивают пленных казаков, было выше моих сил, и я сам решил связаться с бронепоездом. Во-первых, чтобы проверить связь, всё-таки для этого времени длина полевой телефонной линии была значительна. А во-вторых, узнать, не слышно ли звуков стрельбы от станции, куда был направлен мой резерв. Приказ-то приказом, но в жизни бывают разные обстоятельства, вынуждающие подчиненных нарушить распоряжение соблюдать тишину до первых артиллерийских залпов. Но жизнь в этот раз решила сделать мне подарок – всё было нормально. Связь даже лучше, чем когда я звонил Кацу из имения «Липки». Со стороны станции звуков стрельбы слышно не было. Да и поручик

Поклонский прекратил заниматься своим блокнотом и отрапортовал:

– Государь, расчёты сделаны, и я готов корректировать огонь бронепоезда.

Я протянул ему телефонную трубку и сказал:

– С Богом, поручик, командуйте открывать огонь!

Сам опять взял бинокль и стал смотреть, чем занимается противник в настоящее время. На обнесённую штaketником площадку я не смотрел – берёг свои нервы, они и так были как натянутая струна.

Первый разрыв снаряда даже для меня был неожиданностью. Я почему-то думал, что по хутору сразу же начнут долбить химическими бомбами, а тут разрыв фугасного снаряда. Да и то не в толпе подонков, а с перелётом. Второй снаряд вспучил землю, немного не долетев. И тогда я понял, что это классическая вилка, и использованы для неё два последних фугасных снаряда, оставшихся для шестидюймовых пушек. А дальше над землёю начали рваться бомбы, начиненные ипритом. Ад пришёл в расположение противника. Жутко было наблюдать за тем, что начало твориться на большой поляне, где несколько минут назад егеря и латышские стрелки отдыхали после плотного завтрака.

Я не стал наблюдать за мучениями врагов, хотя после того как увидел жуткое убийство казаков, только об этом и мечтал. Для внутреннего удовлетворения мне хватило факта того, что основная задача всё-таки выполнена, страдание людей, пусть и врагов, это не для меня. Я засобирался к бронепоезду. И вскоре туда направился, сопровождаемый группой, сформированной для пехотной поддержки корректировщика. В такой поддержке он не нуждался. Если даже случится чудо и какой-нибудь егерь или латыш выберется из этой передряги живой, то у поручика имеются двое помощников и трое связистов, вооружённых карабинами. А мне ещё нужно разбираться с латышскими стрелками, оставшимися на станции.

Глава 21

Когда мы вышли к железной дороге, я решил даже и не подходить к грохочущему орудийными залпами бронепоезду. Зачем вносить диссонанс в важное дело, которым сейчас был занят экипаж этого боевого монстра. Сразу направил свою команду в сторону станции. А когда мы отделились от грохочущего монстра, услышал звуки перестрелки, доносящиеся со стороны станции. Я приказал ускорить шаг и где-то через час принимал доклад от поручика Симонова. Мои переживания из-за доносящихся звуков перестрелки он успокоил, заявив:

– Государь, задача операции по зачистке станции и прилегающего посёлка практически выполнена. Двадцать четыре мятежника арестованы, девятнадцать уничтожены. Освобождено двадцать семь захваченных ими заложников. Правда, части мятежников удалось спрятаться в местной кирхе. Они отказались сдаться и сейчас отстреливаются. Но положение их безнадежно, они окружены. Наши потери – один юнкер погиб, двое ранено.

– Хорошо. А что предполагаете предпринять с засевшими в кирхе мятежниками?

– В самом начале мы пытались взять эту кирху штурмом, но понесли потери. Здание старинное, каменное – огонь его не берёт. Чтобы избежать потерь при штурме, я предлагаю дожидаться подхода бронепоезда и расстрелять эту кирху из артиллерии. Здание расположено вблизи железной дороги, по нему спокойно можно бить прямой наводкой.

– Поручик, а вы в курсе, что у бронепоезда осталось только девять трёхдюймовых снарядов, шестидюймовых нет вообще?

– Так может, быть для этой кирхи и двух снарядов хватит, чтобы она развалилась! А если не развалится, то мои юнкера, под прикрытием артиллерийского огня, подберутся к зданию ближе, чтобы закинуть гранаты в окна. У нас они имеются, по две на каждого юнкера. Дадим их самым умелым гранатомётчикам, и вперёд, на штурм.

– Ладно, господин Симонов, так и поступим – дождёмся бронепоезда и под его прикрытием начнём штурм. Кстати, патронов для пулемётов в бронепоезде полно. Его шесть «максимов» создадут такой плотный огонь, что мятежники даже высунуться из окон не смогут, не говоря уже о том, чтобы прицельно стрелять. Где, кстати, задержанные, хочу взглянуть на этих предателей империи.

– Сейчас распоряжусь, чтобы привели.

Поручик повернулся к юнкеру, стоящему позади него, искомандовал привести задержанных. Через несколько минут появился строй понуро бредущих латышских стрелков. Как только мятежников построили напротив меня, раздался крик позади:

– Это он!

Я в удивлении повернулся, выискивая глазами смельчака, который кричит в присутствии великого князя. Определять этого не потребовалось, он сам нашёлся. Боец сформированной мною недавно группы сделал шаг вперёд и отчеканил:

– Я узнал гадину, которая убила вахмистра!

– Он стоит в строю мятежников?

– Так точно! Вон тот, с усами и с оторванным погоном!

– Приведи его сюда!

Сергей метнулся к строю мятежников, за шиворот вытащил оттуда человека, затем прикладом своего карабина врезал ему в область печени и потом погнал его ко мне.

Разговор с этим человеком не получился. Злостью дышали все его слова, и ни капли раскаянья. Всё мне с ним стало ясно – бесполезен он как «язык», а вот как объект для проверки степени лояльности освобождённых латышских стрелков подойдёт. Тянуть с реализацией этой мысли я не стал, сразу же задал вопрос поручику:

– Где находятся сейчас освобожденные?

– Да вон они, вокруг прапорщика стоят. Хватов взял на себя выяснение подробностей мятежа.

– Зовите всех сюда, я тоже поучаствую в выяснении подробностей.

В следующие полчаса я выслушивал людей, переживших бунт и издевательства. И это были не только арестованные мятежниками их бывшие сослуживцы. Были и служащие железной дороги, отказавшиеся выполнять указания мятежников. Кстати, начальника станции, диспетчера и одного из телеграфистов звери в человеческом обличье забили насмерть. От служащих я узнал и о сотрудничестве с мятежниками нескольких местных начальников. И это были глава волости, полицмейстер и двое рангом пониже. При этом эти двое весьма тесно сотрудничали с хозяином хутора «Лосиный остров». И все эти люди находились неподалёку – в толпе зевак. И даже больше того, глава волости и полицмейстер пытались переговорить со мной, но были остановлены охраной и теперь ждали, когда я освобожусь и смогу с ними побеседовать. Ну что же, этот местный бомонд тоже подходил для проведения воспитательной акции. А я решил расстрелять всех этих деятелей к чёртовой матери. Устроить, так сказать,

романовский террор. Вот я и приказал арестовать этих взяточников и предателей. Для полноты картины мне нужно было, чтобы расстреляли изменников и гадов, предавших свой народ, не мои подчинённые, которые сейчас были в силе, а люди, контактировавшие с изменниками, но оставшиеся верным присяге. Только таким я стал бы доверять и, в общем-то, решил взять их себе в союзники. Кацу будет очень кстати, если в его пёстрой команде появятся латышские стрелки. Для меня очень символически смотрелось, если удалось бы организовать охрану Смольного из преданных великому князю латышских стрелков. Вот с этой мыслью я начал исполнять своё казуистское намерение.

Начал с малого, взял под руку старшего по званию из всех освобождённых латышских стрелков, поручика Яниса Берзиньша, и отвёл его немного в сторону. И там, не сообщая ему, что с нарушившими присягу латышскими стрелками уже, по существу, покончено, заявил:

– Поручик, по моим сведениям, основная часть мятежников сейчас находится на хуторе «Лосиный остров». Они объединились там с финскими сепаратистами, финансируемыми Германией. Основная цель германских наймитов – посеять панику и неуверенность в способности государственных структур воюющей страны навести порядок в своей столице. Поэтому нам срочно нужно задавить этот мятеж. Не дать перекинуться волнениям на соседние волости, где проживает много этнических финнов. А тем паче на столицу и Финляндское княжество. Вы готовы принять участие в подавлении бунта ваших соплеменников? Можете не бояться отвечать, я всё пойму, и это не будет влиять на вашу дальнейшую жизнь. Конечно, за то, что проморгали зреющий мятеж среди ваших сослуживцев, никто вас не будет гладить по головке, но, по крайней мере, в мирной жизни это не будет иметь значения. А вот если вы и остальные латышские стрелки активно поможете ликвидировать этот мятеж, то я буду ходатайствовать о поощрении участников операции.

– Господин генерал, я всё понял. Можете рассчитывать на меня и остальных стрелков. Мы верны присяге и императору. Приказывайте, латышские стрелки выполнят любой приказ!

– Хорошо! Тогда принимайте командование над оставшимися верными присяге латышскими стрелками. Я вас назначаю командиром батальона. Бумаги оформим потом. Первое вам задание – выявить в среде арестованных тех, кто сознательно поддерживал мятежников. Они будут расстреляны после рассмотрения их дела в военно-полевом суде. И расстреливать их будут преданные этими подонками сослуживцы. То есть ваши подчиненные. Понятно, поручик?

– Так точно!

– Тогда получите оружие у поручика Симонова и приступайте к службе!

Я подозвал Симонова и при латыше распорядился выдать освобождённым винтовки. А трофейного оружия было много – хватило бы, чтобы вооружить ещё одну такую же группу. Хоть латышам и выдали оружие, но чтобы окончательно им доверять, я приготовил им ещё один тест. Мне уже был известен один явный мятежник, это прапорщик латышских стрелков, который убил вахмистра. После моей попытки его допроса этого человека опять поставили в строй арестованных мятежников. Он наверняка был известен своей активностью в мятеже освобождённым нами латышским стрелкам. И если они мне его не выдадут, то Бог им судья, а я доверять этим людям уже не смогу. Создам расстрельную команду и без них, а степень вины задержанных, кому жить, а кому умирать, будет решать полевая «тройка».

Да, я решил воспользоваться опытом, который почерпнул в книгах своего времени. Во времена красного террора как раз тройки преданных делу революции людей решали, кому из арестованных жить, а кому умирать. В данный момент революции, конечно, не было, но предреволюционное состояние в стране имелось. И решительные меры предпринимать было нужно. Себя я не считал истиной в последней инстанции. В конечном счёте решать, кто смертельный враг, должны были люди из этого времени. Вот я и решил поставить на это дело известных мне людей – поручика Симонова, прапорщика Хватова и, за представителя нижних чинов, казака Сергея. Тем более парень пострадал от мятежников и являлся как бы совестью погибших казаков. В пронципальности этих людей я не сомневался. В преданности империи тоже.

Вот когда поручик Берзиньш пошёл проводить работу со своими людьми, я занялся организацией никому не ведомой судебной структуры. Моя организаторская роль заключалась в том, что я подозвал офицеров и казака и в приказном порядке назначил их, так сказать, судебными заседателями. Робкое замечание поручика Симонова о том, что никто из них даже не представляет, как вести эти судебные заседания и как оформлять их протокол, меня не смутило. Я тут же расширил тройку, введя туда с правом совещательного голоса ещё одного человека. И это был профессиональный юрист. Он был жителем Петрограда и совершенно случайно оказался на станции в момент, когда её захватывали латышские стрелки. Какая-то нелёгкая заставила его сделать замечание одному из мятежников. После этого он, лишившись пенсне, части своего гардероба и

пары зубов, оказался в сарае с другими задержанными. Когда я беседовал с отбитыми у мятежников гражданскими, он долго рассыпался хвалебными эпитетами и благодарил меня за освобождение сугубо мирных людей. А также грозился засудить мятежников за пренебрежение к жизням мирных граждан и издевательства над ними. Именно его слова явились первопричиной идеи о создании судебной тройки и того, что пусть сами потерпевшие решают судьбу мятежников. Я не привык откладывать дела в долгий ящик и пригласил юриста принять участие в нашей беседе. Объяснить, какой я вижу эту чрезвычайную структуру, мне не удалось, обстоятельства не позволили. Появился бронепоезд, и все мои благие намерения вылились в распоряжения, отданные юристу:

– Владимир Венедиктович, времени совсем нет. Видите, вон бронепоезд прибывает, а значит, предстоит бой с врагами империи. Вы уж сами продумайте, как вести судебное заседание и как будет выглядеть его протокол. Мои офицеры в этом ничего не понимают, поэтому весь регламент и протоколы за вами. Бодягу разводить не надо. Рассмотрение всех дел должно занять не больше двух часов. Враг не спит, и если суд будет работать по стандартной процедуре, то эти звери вообще избегут наказания. А значит, в следующий раз вас ничто не спасёт от мятежников и террористов.

Рассуждения юриста по этому поводу я уже не слушал – направился в сопровождении Хватова и Первухина к бронепоезду, остановившемуся метрах в ста от нас. Симонов тоже должен быть подойти к бронепоезду. Но прежде он должен отправить пленных в место их содержания. А самое главное, подобрать комнату в станционном здании для юриста, в ней же будет проходить заседание тройки. До начала этого заседания Владимира Венедиктовича должен был опекать Сергей. А вернее, юрист должен был хоть немного подучить казака излагать свои мысли в приемлемой форме. Это я попросил Владимира Венедиктовича попытаться объяснить казаку, как не в грубой форме изложить, какое наказание должен понести подсудимый мятежник. Ну а Сергей в свою очередь должен был обеспечивать юриста самым необходимым – чаем, бумагой и чернилами.

Усталость давала о себе знать – целый день я был на ногах и даже ни разу не присел. Поэтому, забравшись в штабной броневаягон, я сразу же занял уже привычную скамейку и слушал доклад штабс-капитана Овечкина сидя. При этом думал: «Хорошо всё-таки быть великим князем. Все офицеры воспринимают моё поведение как должное». По словам командира бронепоезда, операция прошла на отлично. Ни один из мятежников и немецких наймитов не ушёл с территории, обработанной

артиллерией бронепоезда. На это его утверждение я воскликнул:

– А вы откуда знаете? Может быть, части мятежников удалось избежать химического поражения?

– Я посылал туда разведчиков, облачённых в балахоны и противогазы. Ничего живого в районе, обработанном артиллерией бронепоезда, не осталось.

– А почему же вы не вынесли тела погибших казаков? Этих ребят нужно похоронить с почётом и отпеванием!

– Сейчас это сделать невозможно – газ ещё активен, и пострадают наши люди. А вот через сутки это можно сделать совершенно спокойно.

– Хорошо, Павел Александрович, так и поступим. Юнкерам придётся здесь задержаться, чтобы достойно похоронить погибших казаков и собрать оружие, оставшееся после мятежников. Миссия бронепоезда в этой операции практически закончена. Осталось сделать последний штрих – помочь ребятам поручика Симонова взять оплот мятежников.

Я стал излагать план, который предложил Симонов. Но закончить мысль не успел, появился сам поручик. Вот ему я и поручил изложить свои мысли по поводу ликвидации последнего оплота мятежников. В общем-то, план не встретил возражений штабс-капитана. Тот только заметил, что кирха может оказаться крепким орешком. И она выдержит попадание девяти трёхдюймовых снарядов. Штабс-капитан был уверен в своих наводчиках, поэтому предложил альтернативный выход. Прямой наводкой вогнуть в окна кирхи пару химических снарядов. На мои опасения, что если взрывы снарядов произойдут вне кирхи, то образуется облако, содержащее отравляющий газ, от которого могут пострадать мирные жители, штабс-капитан уверил, что этого не произойдёт. Если даже снаряды взорвутся вне кирхи, то мирные жители не пострадают. Концентрация отравляющего газа от взрыва всего двух снарядов будет мала, чтобы представлять опасность для людей, находящихся в 200–300 саженей от места взрыва. Подумав, я разрешил применить только один химический снаряд. На этом обсуждение закончилось, и настала пора действий.

Всё происходило рутинно и спокойно. Бронепоезд дёрнулся, начиная движение, а через пару минут остановился напротив здания, внешним видом напоминающее старинный форт. Из него по бронепоезду начали стрелять, и не абы чем, а из пулемёта. Да... взять такой форт, это тебе не лобию скушать. Бронепоезд стоял под градом пуль несколько минут, не сделав ни одного выстрела. Затем рывкнула трёхдюймовка, и на стене кирхи появилось пыльное облачко. За трёхдюймовкой прогрохотало

шестидюймовое орудие, и наступила тишина. Никто уже не стрелял по бронепоезду. Следов попадания снаряда в кирху я не видел. Получается, что штабс-капитан не хвастал, и его наводчики действительно мастера. Сработали с ювелирной точностью, вогнав снаряд в окно кирхи. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить», – подумалось мне. И как бы в ответ на эту мысль бронепоезд опять дёрнулся и пополз обратно к станционному зданию.

Вся операция по ликвидации последнего очага мятежа заняла не более часа. Именно через столько я вернулся на станцию Лазаревская к прерванной беседе с Владимиром Венедиктовичем. Она, правда, продлилась недолго – опять ситуация требовала моего участия. На этот раз меня отвлек от общения со знатоком-законником поручик Янис Берзиньш. Он нашёл меня в станционном здании, чтобы доложить, что вверенные ему латышские стрелки получили оружие. Кроме этого, был составлен список находящихся под арестом активных участников мятежа. В списке значилось семь фамилий. Прапорщик, застреливший вахмистра и ещё двух казаков, там был. Латышские стрелки прошли и этот тест на лояльность. Теперь остался завершающий – расстрел предателей, ко всему прочему являющимися и соплеменниками латышей.

Последнее испытание лояльности к Российской империи остаток батальона латышских стрелков прошёл часа через три. После расстрела предателей и их пособников из числа местных чиновников я объявил Берзиньшу и его подчиненным благодарность и то, что остатки батальона латышских стрелков поступают в распоряжение великого князя. Расквартированы они будут в здании Смольного института и подчиняться распоряжениям секретаря великого князя – господина Джонсона. Моя личная благодарность вылилась в раздаче имперялов и пожатием руки каждого стрелка великим князем. При этом офицерам я выдал по три золотых червонца, младшим командирам по два, а Берзиньш получил целых пять монет. По нынешним временам весьма солидную прибавку к своему жалованью.

На латышах щедрость великого князя не закончилась – все участвующие в операции получили свою долю из прихваченных мною из Петрограда мешочков. Двести золотых монет разлетелись в течение двух часов. В конце этого дня щедрости великого князя, когда награждал наводчиков бронепоезда, пришлось пустить в дело двадцатирублёвые ассигнации. Хорошо, что на всякий случай я прихватил с собой и пачку ассигнаций.

В обратный путь тронулись, когда уже начало темнеть. Бронепоезд

был выделен на 24 часа, вот я и постарался закончить важнейшие дела до темноты, чтобы успеть вовремя вернуться в Петроград. И при этом ещё и отдохнуть в дороге. Сто вёрст это не расстояние, чтобы выспаться, но чай погонять можно от души. Тем более что бронепоезд подолгу простаивал на семафорах. Много, конечно, я сделать не успел, но оставшийся на станции Симонов должен всё закончить и окончательно зачистить Лазаревскую и близлежащие хутора от засветившихся пособников финских егерей. Помощников и информаторов у него хватит. Надеюсь, так натренирует своих юнкеров, что к событиям 1917 года те превратятся в настоящих волкодавов, а не останутся растерянными щенками, не знающими, что им предпринять.

Чай я пил в штабном броневагоне, наслаждаясь наступившим спокойствием в душе, мерным перестуком колёс и приятной беседой со штабс-капитаном Овечкиным. Но даже в таком состоянии я не забывал о главной задаче, которую предстоит решить нам с Кацем.

Конец первой книги

notes

Примечания

1

Младший научный сотрудник.